

Николай Дементьев • ДВЕ ПОВЕСТИ

Николай Дементьев

ДВЕ ПОВЕСТИ

Николай Дементьев

ДВЕ ПОВЕСТИ

Издательство
«Советская Россия»
Москва — 1979

СОДЕРЖАНИЕ

МОЛОДАЯ ТАЙГА	3
ПОДГОТОВКА К ЭКЗАМЕНУ	151

Дементьев Н. С.

Д30 Две повести. М., «Сов. Россия», 1979.

224 с.

Повести ленинградского писателя Николая Дементьева «Молодая тайга» и «Подготовка к экзамену» рассказывают о наших молодых современниках. Героический труд молодежи на большой сибирской стройке, увлеченность романтикой свершений, закалка характеров молодых рабочих в борьбе с различного рода трудностями — тема повести «Молодая тайга». О старшекласниках, о подготовке к главному экзамену — жизни — идет речь во второй повести Н. Дементьева.

Д $\frac{70302-132}{M-105(03)79}$ 106—79 4702010200

Р2

Николай Степанович Дементьев

ДВЕ ПОВЕСТИ

Редактор Л. В. Сидорова
Художники Т. М. Пискарева, И. А. Суворова
Художественный редактор Э. А. Розен
Технический редактор О. Ю. Цишевская
Корректор А. З. Лазуткина

ИБ № 1667

Сдано в наб. 23.06.78. Подп. в печать 09.11.78. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл.-п. л. 11,76. Уч.-изд. л. 12,39. Тираж 75 060 экз. Заказ № 1282. Цена 95 к. Изд. инд. ЛХ-137.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

МОЛОДАЯ ТАЙГА

Я давал пар в машину, привычно-мягко включал поворот крана. Двадцатитонная махина его начинала послушно двигаться, описывая полукруг, решетчатая стрела неслась по воздуху. С конца ее свисал на четырех грузовых тросах пятикубовый грейфер. Острые челюсти его были широко и жадно раскрыты. Прислушиваясь к ровному гудению машины, маслянистому рокоту шестеренок лебедки, я включал рычаг изменения вылета стрелы, подбирая ее на себя. Кран поворачивался от берега против движения часовой стрелки, в считанные секунды исчезала из моих глаз извилистая кромка берега, проносилась гладкая поверхность реки, уходящая за горизонт,— и вот уже выпуклая громадная палуба баржи с песком. Я выключал муфту сцепления механизма поворота крана, давая ему двигаться по инерции, отпускал ногою педаль тормоза,— грейфер легко шел вниз; останавливал движение стрелы, выбирал место для очередной порции груза, чтобы палубу баржи освобождать равномерно. И распахнутые на пять метров челюсти грейфера падали на кучу песка, своими острыми кромками тотчас уходили глубоко в него.

В этот короткий миг машина и лебедка были выключены, в кране стояла тишина, нарушаемая только низким гудением топки парового котла. Автоматически я успевал взглянуть на манометр: Санька, мой кочегар, хорошо держала давление пара в котле. Так же привычно смотрел на водомерное стекло: уровень воды в котле тоже был нормальным. В это мгновение тишины и покоя особенно чувствовался проникавший даже сквозь ватник сухой жар топки. Если смена только начиналась, Санька была весело-суетливой, успевала сказать мне что-нибудь, вроде:

— Серега, вчера тот рыжий опять приглашал меня на танцы...— И вопросительно умолкала.

— Рыжие, Санька, самые коварные! — успевал ответить я.

К концу смены она уставала, и в эти короткие секунды затишья уже ничего не говорила мне, но давле-

ние пара в котле и уровень воды держала по-прежнему хорошо.

В такую же остановку на следующем цикле работы крана я видел шкипера баржи, руководившего выгрузкой. Тысячетонная баржа стояла на якорях носом против течения. По мере надобности шкипер вместе с двумя матросами травил якорные тросы, баржа чуть спускалась по течению, скользя неслышно вдоль понтона моего плавучего крана.

Снова давал пар в машину, включал рычаги муфт сцепления грузовых барабанов. Челюсти грейфера начинали смыкаться, уходя все глубже в песок. Вот они уже не видны, но я всегда ясно чувствую, когда они сомкнутся. Тотчас включал подъем, появлялся грейфер, неся в себе десять тонн песка, а я, все не убирая подъем, включал поворот крана, увеличивал вылет стрелы. Кран теперь двигался по часовой стрелке, грейфер, описывая пологую дугу, летел к берегу. Перед моими глазами стремительно несло небо, гладь реки, и вот уже высокая кромка обрывистого берега, возвышавшаяся над водой на десять метров.

На этом временном клиентурском причале, расположенном в низовье большой сибирской реки, почти на тысячу километров ниже города, мы работали уже два месяца. Здесь, в тайге, шло строительство химического комбината, материалы для него подвозились и по вновь проложенной железной дороге и спускались на баржах по реке. Для выгрузки последних были построены причалы, от них материалы к строительству через тайгу доставлялись на машинах. Сейчас был сентябрь, по реке уже шла шуга, навигация через месяц должна была прекратиться, а наши краны — подняться к себе в порт на зимовку.

Поверху кромка берега была окантована бревнами. Упираясь в них задними колесами, уже стоял очередной десятитонный самосвал. Грейфер еще летел по воздуху, а я, меняя вылет стрелы, подъем и скорость поворота, старался вовремя выключить лебедку, чтобы грейфер, двигаясь по инерции, расположился точно над кузовом самосвала. Обычно это удавалось мне. Я бережно отпускал правой ногой педаль тормоза, челюсти грейфера сначала медленно, — песок тотчас начинал высыпаться в шель, — а потом быстро расходились. Десять тонн песка стремительным потоком высыпались в кузов.

Каждый раз мне было видно, как самосвал будто приседает на рессорах.

На этом цикл крана завершался. Я возвращался к барже, самосвал грузно отъезжал от берега, на его место пятился новый. Если все шло благополучно, за смену мы обычно успевали разгрузить тысячетонную баржу. В пересменок к причалу ставилась новая.

В тот день моя смена была вечерней. Время определялось количеством остававшегося песка и быстро темневшим небом. И вот уже мне пришлось включить освещение на кране, прожектор на его стреле; и на барже вспыхнула гирлянда лампочек, по давно забытой детской ассоциации неожиданно напомнившая мне каток в беспорядочных серых сугробах снега; и кромка берега с видневшимся кузовом очередного самосвала залилась оранжевым светом прожектора.. Я посмотрел на часы: до конца смены, до двенадцати, оставалось сорок минут. Сейчас ко мне на кран должен прийти Игнат Прохоров, мой сменщик.

Вдруг я заметил, что давление в котле упало на пол-атмосферы, оглянулся. Санька спала, сидя на куче угля около котла, расставив ноги, упершись локтями в круглые колени, опустив голову на ладони. Работать около котла жарко, на Саньке летняя кофточка с короткими рукавами. По-детски круглое веснушчатое лицо ее с маленьким носом и пухлыми губами, испачканное углем, казалось сейчас обиженным. Следы угля были на кофточке, руках и ногах Саньки, даже на светлых, по-мальчишески коротко остриженных волосах. Километрах в десяти вверх по берегу было старинное таежное сибирское село, ожившее с началом стройки комбината. Почти каждый день Санька ходила в клуб на танцы, смотреть кино, просто погулять и, конечно, не высыпалась. Или уж я сам устал за смену, или просто пожалел будить Саньку, только выбросил из машины пар, поднялся из-за рычагов. И распрямившись, вдруг почувствовал, как ноют плечи и поясница, неловко двигаются руки и ноги, ставшие будто деревянными. Открыл топку, из нее пахнуло раскаленным жаром. Санька, не просыпаясь, переставила ноги на полу, повернулась к котлу спиной. Подбросил в топку угля, пошуровал, закрыл дверцу, подкачал воды в котел. Теперь до прихода Игната хватит и давления, и воды. **Снова**

сел за рычаги: очередной самосвал уже нетерпеливо гудел на кромке берега.

Сделал еще несколько циклов и услышал у себя за спиной неторопливо-насмешливый голос Игната:

— Здорово, механик.

Выбросил пар,— в ушах зазвенело от тишины,— оглянулся. Высокий и широкоплечий, весь подбористо-ловкий, Игнат улыбался мне. Я тоже улыбнулся, кивнул ему, с удовольствием увидел его большие, остро поблескивавшие глаза в девичьи пышных ресницах, прямой нос с четко очерченными ноздрями, пышную волнистую шапку черных волос; на щеках они переходили в продолговатые, аккуратно подстриженные бачки. Даже вспомнилось мне восхищенное Санькино:

— Игнат — вылитый гусар из «Войны и мира»!

Он пристально посмотрел на меня, я понял, вздохнул:

— Последи за лентой тормоза подъема.

Работа была такой напряженной, что лента дымила уже третью смену, а мы никак не могли выбрать время, чтобы сменить ее.

Игнат кивнул, мельком оглядел лебедку, машину, показания манометра и водомера, чуть задержался глазами на Саньке, усмехнулся:

— Добегается она на свои танцы!

— Могу, конечно, предупредить, да ведь скучно ей здесь, в лесу.

В глухой тишине особенно пронзительным показался сигнал самосвала. Игнат не двигался, спокойно смотрел на меня.

— Сегодня утром, пока ты отсыпался, детинушка, опять дали радиограмму, обещали с ночной баржой прислать,— сказал я; у нас кончался сахар да и консервы были на исходе.

Опять настойчиво прогудел самосвал.

— Ладно, пойду к хозяину,— Игнат прищурился, поведя плечами, гибко изогнувшись, осторожно обошел Саньку, уже в дверях обернулся: — Слушай, чудаковатый какой-то мой дедушка. Никуда не ходит, после смены только ест да спит. Больной, может? — И, не ожидая моего ответа, сбежал на понтон.

Кочегаром у Игната был пятидесятилетний Смоликов, молчаливый нескладный верзила, работавший, однако, хорошо и старательно.

Хозяином Игнат иронически называл начальника клиентурского причала суетливого Мирошникова. Каждый крановщик, вступая на смену, должен был расписаться у него в сменном журнале.

Делая поворот, я видел, как Игнат легко, не держась за перила, взбежал по трапу с понтона на кромку берега, ушел. Хотя у берега было и глубоко, но нам не удалось поставить понтон крана вплотную к нему. При погрузке гранитных глыб некоторые из них сорвались со стропов и лежали сейчас под обрывом, чуть покрытые водой. А главное, берег возвышался над водой на десять метров, палуба понтона, на которой крепился второй конец трапа,— всего на полтора метра, и хотя понтон стоял метрах в семи от берега, трап лежал очень круто, почти под сорок пять градусов. Поэтому нам пришлось с одной его стороны укрепить перила.

Услышав шум за спиной, я обернулся. Смоликов кивнул мне, здороваясь. Лицо его было по-обычному сонным, но он уже шуровал в топке, стараясь не разбудить Саньку. И я кивнул ему в ответ, не останавливая движения крана.

Когда высыпал очередной грейфер песка в кузов самосвала, вдруг увидел у трапа, ведущего с берега на понтон, худощавую мальчишескую фигурку в ватнике. Человек быстро поднялся с корточек, исчез, не обернувшись ко мне. Все произошло так быстро, будто примерещилось мне в таинственном свете прожектора, бросавшего причудливые изломанные тени от малейших неровностей на берегу.

На следующем цикле я все-таки внимательно оглядел трап. Нижний конец его, упирившийся в палубу понтона, не был виден, его закрывала высокая каюта понтона. Верхний виднелся на своем обычном месте, был закреплен за бревно на кромке берега.

Широченная выпуклая палуба баржи, почти освобожденная от песка, по-прежнему залитая светом лампочек, напоминала теперь в густой темноте, подступившей к ее бортам, гигантский опустевший танцевальный зал. Люди уже ушли, и музыка перестала играть, а свет забыли выключить...

Неся к берегу предпоследнюю порцию песка, я снова увидел Игната. Он шел по берегу к трапу, ведущему на понтон, стройный, подобранный. Хороший парень Игнат! Хоть и не просто мне с ним — из-за Кати.

Игнат встретился со мной глазами, кивнул мне, улыбнулся... Вот именно таким он и запомнился мне!

Уже снова поворачиваясь к барже, я мельком заметил, что Игнат вскочил на бревна, махнул мне рукой, побежал по крутому трапу на понтон, тотчас пропал за крышей его каюты.

Я, стараясь забрать весь песок с палубы, накрыл разинутыми челюстями грейфера последнюю кучу его; осторожно включил механизм замыкания челюстей, чтобы острые кромки их, скользя по палубе баржи, не повредили ее; челюсти сомкнулись, грейфер поплыл вверх, песка на палубе не осталось. Шкипер и матросы баржи помахали мне руками... А в густой и будто на ощупь плотной темноте, скрывавшей и реку, и противоположный берег, уже светился разноцветными огнями, клубился оранжевым паром, низко и басовито шипел буксир, подводивший к причалу новую баржу с песком. Поставив ее, он должен увести разгруженную.

Рядом с последним самосвалом стоял Мирошников. И когда я высыпал песок, и самосвал натужно двинулся от берега, я выбросил пар. В наступившей тишине раздался голос Мирошникова:

— Классно работнул, Серега! — Его длинное худое лицо с маленькими бегающими глазками, тонким и кривым носом, узкими губами по-всегдашнему беспокойно; руки Мирошников засунул в рукава, сложил их на животе, меховая ушанка сидела на голове косо и смешно. По своей обычной подвижности беспорядочно переступил ногами, крикнул уже сердито: «Сейчас новую баржу поставят, чтобы Игнат сразу начал!..»

Я снова дал пар, повернул кран, установил его стрелой вдоль понтона. Поднялся из-за рычагов, опять почувствовал, как ноют поясница и плечи, потянулся кверху одеревеневшими руками.

— Принимай работенку, Игнат!

Обернулся: в кране Игната не было. Санька уже оделась.

— Спасибо, Серега, что дал мне выспаться!.. — звонко выговорила она, засмеялась: — А на танцы все равно опоздала, вот бедуха!.. — Лицо ее уже было чисто умыто, губы — накрашены, подведены тушью брови и ресницы.

— Ночью с крана никуда, Санька! — сказал я ей,

глядя в глаза.— Чтобы выпалась нормально, слышишь?!

Санька вытянулась, приложила руку к шапке:

— Так точно, начальник! — снова засмеялась.

Смоликов стоял у топки, молча смотрел на меня своими неподвижными сонными глазами. Но на мой вопросительный взгляд ответил быстро и понятно:

— Игнат, наверно, в каюте. Сейчас придет.

Я спустился с крана на железную палубу понтона. Она была скользкой от пленки льда... И вдруг снова увидел мысленно, как Игнат легко вскочил на бревна, окантовывавшие кромку берега, побёжал по крутому трапу на понтон. Что-то уж очень быстро скрылся он за крышей каюты, будто провалился... Вроде как артист в люк на сцене.

Скользя ногами по пленке льда, запахнув ватник, по узкому проходу обошел каюту. Одно окно в ней светилось. За ним шкипер понтона, тетя Нюра, низенькая, полная, стояла у плиты, разогревала ужин... Дверь в каюту была на корме, но я почему-то прошел мимо нее. Еще издали увидел: трап, ведущий на берег, косо висел в воздухе перилами кверху, а той стороной, где их не было,— вниз; один из тросов, крепивших его к бревну на берегу, был ослаблен.

Значит, Игнат сорвался в воду!

Я подбежал к трапу. Низкая осенняя вода не покрывала целиком гранитные глыбы, лежавшие у берега, тонкая пленка льда вокруг одной из них изломалась.

Машинально сбрасывая с себя ватник, шапку, развязывая шнурки ботинок, вглядывался в черную поверхность воды за кормой вниз по течению реки. Если бы Игнату удалось добраться до понтона, он был бы около его борта, хоть бы даже и не смог подняться на палубу. Я понял уже, что Игната снесло течение, посмотрел вдоль борта понтона: в тиховодье за острым углом одной из глыб медленно кружилась шапка Игната.

Хотел уже спустить лодку, но в это время, напрягая зрение до рези в глазах, вдруг увидел за кормой понтона ниже по течению будто темный шарик. Он медленно плыл вниз по реке, то появляясь на ее поверхности, то снова исчезая под водой.

Сейчас мне кажется, что тогда прошло много времени, прежде чем я сообразил: этот медленно спускаю-

щийся по реке, ныряющий темный шарик — голова Игната.

Перелез через перила, прыгнул в воду. И только когда ледяной холод ее сомкнулся у меня над головой, сковывая тело, острой болью отдаваясь в затылке, запоздало подумал, что мне повезло: в этом месте под водой не оказалось этих проклятых гранитных глыб!

Вынырнул наконец, изо всех сил поплыл вниз по течению, ничего не видя перед собой, понимая только, что ни на секунду не могу перестать двигаться, судорога сразу же сведет тело. Я люблю воду, но сейчас она была врагом мне... Не помню, долго плыл или нет, пока снова вдруг различил вровень с поверхностью голову Игната. Обими руками схватил Игната за плечи, поднял над водой его голову. Побелевшее лицо Игната с закрытыми глазами прорезала рваная рана, начинаясь под волосами, шла по лбу, через глаз, терялась в узкой полоске волос на левой щеке. Все большое тело Игната было непривычно-обмякшим, послушным, я изо всех сил двигал ногами, стараясь сохранить равновесие, удержать его голову над водой.

Течение быстро сносило нас вниз по реке. Если никто не видел, как я прыгнул в воду, плохо наше дело...

Веки Игната вздрогнули, чуть шевельнулись побелевшие губы, и он вдруг открыл глаза. Сознание медленно возвращалось к нему, наконец, он узнал меня. Потом повел глазами в сторону, понял, что с нами. И вот веки его расширились, метнулись намоченные длинные ресницы: вспомнил, видимо, что с ним случилось.

— Трап... был... с берега... — шепеляво и чуть слышно выговорил он.

— Я знаю...

— Кто-то...

— Найдем! — Я кивнул в подтверждение этого, с растерянностью чувствуя, что мои онемевшие от холода руки уже почти не ощущают тела Игната.

Он снова повел глазами по сторонам, вокруг нас была кромешная тьма...

— Клик..., ни... — выговорил он, глаза у него прикрылись.

Я понял, хотел закричать, но нижняя челюсть не слушалась, получился какой-то шипящий писк...

— Брл-лось мя...

Я понял, что он просил меня бросить его, хотел сказать: «погоди», но у меня выговорилось:

— Гди...

Вдруг тело Игната напряглось, он осмысленно поглядел мне в глаза, проговорил неожиданно и внятно:

— Доживи за меня... Катю береги... Женись на ней... Жалко, раньше с тобой не подружился, иначе бы жизнь моя сложилась...

Секунду мы глядели друг другу в глаза. Потом тело его снова обмякло, глаза стали медленно и бессильно прикрываться веками... Закрылись.

Вокруг была тьма, ледяной холод... Я понимал, что сейчас мы утонем, но почему-то все не мог отпустить его... Даже и тогда, когда подумал, что Игнат уже умер, не переставал изо всех сил поддерживать его голову над водой.

Я и сам начал терять сознание, потому что вдруг увидел, как мама улыбается мне:

— Не простуди ноги...

И в то же время вспомнил, что мама умерла, когда я учился в пятом классе.

Потом видел, что Катя улыбается радостно и смущенно моему отцу, и его всегда строгое, суровое лицо преобразуется, делается мягким и добрым. Я радуюсь этому и тут же понимаю, что Катя не знакома с отцом...

...Сначала стало горячо и горько во рту, потеплело в груди. И сразу я почувствовал, как чьи-то сильные руки заботливо и методично растирают мое тело. Открыл глаза. Мужчина в белом халате... А сам я лежал на столе в общем кубрике нашей каюты, ярко светила в глаза лампа. Поискал глазами: в кубрике, кроме врача, был еще Смоликов, сидел на табурете в углу, курил. Даже когда мы с ним встретились глазами, лицо его осталось таким же сонным, как и до этого.

— Очухался, герой?! — радостно и громко спросил врач. — Чуть не литр спирта на тебя извел.

Я закрыл глаза, сжал зубы — и справился, сел, спустив ноги со стола. Все тело горело, во рту был прежний резкий вкус спирта. Шумело в голове, но никакой боли я не чувствовал.

— Ну-ка, хлебни еще, — врач накинул мне на плечи ватник, поднес ко рту стакан. — В кровать, завтра утром будешь как огурчик!

Я с трудом поднял руку, взял у него стакан, чуть не расплескал спирт, так дрожала рука.

— Закуси,— Смоликов протянул мне ломтик соленого огурца.

Я спросил:

— Игнат?

— Умер,— просто ответил Смоликов.

— Удар головой при падении, затем охлаждение в воде,— договорил врач, секунду помедлил, глядя на меня.— Но вообще-то мне кажется, что главная причина смерти — разрыв селезенки при падении.

Смоликов дождался, когда врач закончит, неспешно сказал:

— Санька видела, как ты прыгнул в воду. Спустили лодку, еле нашли вас. Ты был без сознания, но держал Игната. Странно, как ты не захлебнулся?..

Я прислушался: кран работал, циклы его были нормальными. Глянул на Смоликова, тот сказал:

— Разбудили Сашку Енина, с ним вышел на смену Пирогов. Катя около Игната убивается... А я вот пока без хозяина.

Команда крана — восемь человек: четыре крановщика, три кочегара и шкипер понтона. Подсменным крановщиком была Катя, теперь ей придется работать постоянно, а команда лишилась выходных дней.

— Но точно причину смерти может установить только вскрытие, которое просто невозможно произвести в этих условиях,— сказал врач.

— Береговой трап в порядке? — спросил я; слова начали выговариваться.

— Игнат просто сорвался,— ответил Смоликов.— Торопился, да и ледком чуть подернулся трап.

— И сейчас в порядке?

— Да брось, он и был в порядке,— спокойно и буднично проговорил Смоликов.— Когда Санька подняла тревогу, что ты в воду прыгнул, люди без конца туда-сюда бегали по трапу.

— До приезда следователя к телу прошу не прикасаться! — сказал врач.

...Ну, что ж, Игнат, прощай!.. Хорошо мы с тобой поговорили напоследок, спасибо тебе... Чисто они проделали с трапом, однако...

Я выпил спирт, закусил огурцом и встал.

Проснулся от какого-то непривычного тревожного чувства. Еще не открывая глаз, прислушался: сюда, за дощатые стены каюты, доносился каждый звук, передающий любые движения крана. Они подтверждались вибрацией стен, легким покачиванием пола, короткими и резкими толчками из стороны в сторону. Все это передавалось койке: металлические ножки ее были привинчены к полу.

Когда Енин, выбросив пар, травил на палубу баржи раскрытый грейфер, в наступившей тишине слышалось только свистение тросов.

Но вот в работе машины и лебедки появился новый звук: поднимая грейфер с песком, Енин включил одновременно поворот крана. По-иному вибрировали стены, койка наклонялась согласно с круговым движением стрелы. По полу и стенам каюты, также по кругу, бежал оранжевый отсвет прожектора, укрепленного на стреле.

Ясно и отчетливо мне представились и Сашка Енин, сидящий за рычагами, и Пирогов, шурующий в топке котла.

Есть люди, которых до старости почему-то называют так — просто Сашка или Верка. Енину пятьдесят два года, он дельный и опытный крановщик, чутко улавливает малейшие неполадки крана, тотчас и самостоятельно способен устранить их. Но то ли из-за вечной неряшливости в одежде, то ли из-за смешного, торчащего по-утиному носа, способного непостижимым образом двигаться в стороны, а может, из-за иронически-насмешливого отношения Енина к собственной персоне, будто и сам он не принимает себя всерьез, — виновато, конечно, и его пристрастие к спиртному, принимаемому хоть и редко, но в неумеренных дозах... Только как-то забывается, что Енин уже больше тридцати лет работает крановщиком, что сын его — офицер, закончивший высшее военное учебное заведение. Да и меня не удивляет, что Енин — простой крановщик, а я, по возрасту, сын ему, — механик крана. Привык я и к тому, что Енина даже в глаза называют Хоботом. Между тем, когда он на смене, за работу крана можно не беспокоиться.

Посмотрел на часы, было пять утра. Выспался я хо-

рошо, тело было легким и послушным, точно и не случилось вчерашнего купания в ледяной воде. На соседней койке нашего мужского кубрика по-младенчески сладко и уютно посапывал Смоликов. Койки Енина, Пирогова и Игната были аккуратно заправлены.

Мы познакомились с Игнатом четыре года назад на курсах крановщиков нашего речного порта. Я пришел из армии, он вернулся из заключения, где пробыл три года. Он не любил вспоминать об этом, уже месяца через два нашего знакомства как-то коротко обронил:

— Мальчишка я был, дурак. Проходил по делам несовершеннолетних. А вообще-то, был групповой грабеж, деловой такой мужичок сорганизовал нас, дурачков. Встретить бы мне его теперь, отца крестного!

Трудно объяснить, почему один человек дружит с другим или за что любит именно ту женщину. Мне нравилось, что Игнат красив, нравилась его манера держаться, насмешливо-ироническая и уверенная, его острый ум, а главное — скрытая, но многократно проверенная надежность Игната во всем.

Два года назад на нашем кране появилась крановщица Катя Соколова, в которую я влюбился сразу и бесповоротно. Вскоре понял, что она отдает явное предпочтение Игнату. И это не отразилось на нашей с ним дружбе.

Протянул руку, взял с тумбочки пачку сигарет, спички, закурил. Да, вот отчего я проснулся с неприятным тревожным чувством: не стало Игната!.. Привычный дым сигареты вдруг сделался нестерпимо горьким, к горлу подкатил комок, сердце будто замерло.. И вдруг отчетливо увиделась худощавая мальчишеская фигура в ватнике около трапа на берегу. Увиделось, как человек быстро поднялся, исчез за кромкой берега, так и не обернувшись ко мне...

Нижний конец крутого пятнадцатиметрового трапа крепился за кнехты понтона. На берегу в бревне были вбиты костыли, к ним крепились тросовые растяжки верхнего конца трапа. Отдать одну из них, а затем снова подтянуть свисающий трап, поставить его на место, закрепить по-старому растяжку было легко и просто. В призрачном свете берегового прожектора, в шумной суматохе разгрузки это можно было сделать совершенно незаметно.

...Игнат вскочил на бревна, махнул рукой, улыбнул-

ся мне весело и по-всегдашнему чуть иронически. Легко и уверенно побежал по трапу на понтон, тотчас пропал за крышей каюты. Да, видимо, так оно и было: человек даже не тронул растяжку с места, просто распустил узел, затянутый на костыле. Иначе Игнат предусмотрел бы опасность.

И опять я видел трап, косо свисавший с берега на одной растяжке.

Я прыгнул в воду. Санька видела это, подняла шум. В наступившей суете подтянуть трап за ослабленную растяжку, снова закрепить ее за костыль на берегу — дело нескольких секунд. «Да брось ты беспокоиться, он и был в порядке. Игнат просто сорвался», — сказал мне Смоликов. Винить, получается, некого: каждый из нас ежегодно дает подписку об ознакомлении с правилами техники безопасности. По трапу надо не бежать, а идти, держаться в это время рукой за перила, для того они и установлены.

Комок подступил к горлу от жестокой подлости этого заранее обдуманного преступления!.. Кому же надо было убить Игната?! За что?! Да еще представить дело так, будто он сам виноват в своей смерти!

Может, кто-нибудь, кроме меня, видел человека около трапа на берегу? Или тот короткий момент, когда трап косо свисал с берега на одной растяжке?..

Странно, но только сейчас я услышал нестерпимый, жалобный, негромкий и тоскливый, на одной ноте, плач Кати за стенкой в соседнем кубрике.

Я встал, оделся, пошел мыться. Смоликов по-прежнему сладко спал. Игнат сказал: «Ты не знаешь, когда мой дедушка выспится? Только ест и спит, больной, может?..»

Низенькая и особенно широкая от того, что на ней был ватник, тетя Нюра стояла у плиты. Повернув ко мне побледневшее лицо, скорбно глянула на меня большими серо-спокойными глазами, проговорила негромко:

— Игната перенесли в общий кубрик, а Катю я уложила в своем.

Тоскливый однотонный плач Кати доносился оттуда.

Умылся, зашел в общий кубрик. Игнат лежал на столе, на котором до этого меня растирал спиртом врач, приводя в чувство. На Игнате была та же спецовка, в которой он упал в воду, и я вспомнил, что врач запре-

тил к нему прикоснуться до приезда следователя. Но ботинки с Игната сняли, а под голову подложили подушку. Руки его по старому обычаю тетя Нюра, наверное, сложила крест-накрест на груди.

Я постоял у его изголовья. Игнат был еще здесь, но его уже не было, никогда больше не будет. Лицо его оставалось таким же красивым, как и при жизни, только было теперь иссиня-белым, каменно-неподвижным. Кровь на рваной ране лица запеклась рубцом... Я вдруг увидел, как Игнат улыбается, как светятся его глаза, услышал его насмешливый голос, испытал то ощущение надежности, которое всегда исходило от него... И только сейчас понял, что не успокоюсь, пока виновный или виновные не будут найдены и наказаны, чего бы мне это ни стоило!

Послышался голос тети Нюры:

— Поешь, может?

На кухне я сел к маленькому столику. Тетя Нюра поставила передо мной тарелку отварной картошки с маслом и колбасой... Я встал, сказал:

— Рано еще, не хочу есть.— И пошел на палубу.

По-прежнему не было видно ни противоположного берега, ни самой реки. Шел косою хлещущий дождь, порывами налетал сильный пронизывающий ветер. На барже сиротливо раскачивались лампы, палуба была почти пустой: Енин и Пирогов поработали неплохо... И на берегу горел прожектор, в его свете струи дождя казались косо развешенным стеклярусом. Виднелся кузов очередного самосвала.

Вместо того чтобы пойти на кран, я стал медленно подниматься по трапу на берег. Посередине его остановился, держась одной рукой за перила, сильно качался, как в детстве на доске: трап был укреплен нормально. Поднялся, вышел на берег. Оба троса растяжек были закреплены за костыли. Перила установлены по правую руку, если спускаться, потому что спускаться по трапу труднее, чем подниматься. Нагнулся: трос с одной стороны был намотан на костыль и затянут обычным узлом, а не морским, каким пользуемся мы.

Вернулся на понтон. Выбрал момент, когда Енин взял песок с баржи,— и поднялся на кран.

Миша Пирогов, шупленький и белобрысый, сидел на скамье у топки, читал учебник физики. Миша заоч-

но учился вместе со мной, только я перешел уже на пятый курс, а он — на второй.

Миша кивнул мне. Енин обернулся, молча и серьезно посмотрел на меня. И хоть ушанка его была надета по-обычному косо, а треугольный нос далеко выступал вперед, ничего смешного сейчас в этом не было. Мы секунду молча глядели друг другу в глаза, потом он отвернулся, продолжая работать, а я постоял еще и послушал: лента тормоза подъема так же пищала.

Спустился. Тетя Нюра вопросительно посмотрела на меня из кухни. А в ее кубрике продолжала плакать Катя. Я не выдержал и пошел к ней.

Катя лежала под одеялом лицом в подушку, прижимаясь к ней, обхватив ее голыми руками. Я видел только ее светлые пушистые волосы, загорелые руки и спину, открытую вырезом майки. Даже сквозь одеяло чувствовалось, как напряжено ее длинное тело. Я понял, что Катя все это время старается сдержать рыдания, прижимаясь к подушке. И неожиданно для себя ласково погладил ее по голове.

Катя вздрогнула, умолкла, и тело ее чуть расслабилось. Она медленно приподнялась, опираясь локтем о постель, повернула ко мне распухшее от слез, но все же красивое лицо.

— Серега!.. Родной!..— взяла меня за руку, потянула к себе: — Как же я теперь буду, Серега?! — Она зарыдала, глядя на меня, не пряча лица, судорожно сжимая мою руку.

Я сел на койку. Катя крепко обхватила голой рукой мою шею, ткнулась мокрым лицом мне в грудь. Я поглаживал ее волосы, и рыдания постепенно стихли, тело перестало дрожать...

— Только не уходи, Серега, только не уходи, иначе я не знаю, что!..— сбивчиво выговорила она, снова прижалась лицом к моей груди.

Она плакала, обнимая меня. Потом вдруг замолкла, несколько раз глубоко и прерывисто вздохнула, заснула внезапно, как засыпают, наплакавшись, дети.

Я прилег рядом с ней, обнимая ее за плечи, а она все не отпускала мою шею. И я знал уже, что не уйду до тех пор, пока она не успокоится.

Очень хотелось курить. Неторопливо вспоминал все, что касалось Кати, Игната, меня...

Слышал, как буксир увел пустую баржу, поставил

на ее место груженую. Енин и Пирогов продолжали работать, тетя Нюра ни разу не подошла к двери своего кубрика, мимо часто пробегала Санька...

Не знаю, сколько прошло времени, только за окном был уже поздний туманный осенний рассвет.

Вдруг опять прогремели поспешные Санькины шаги, она подбежала к двери, остановилась. Я ждал.

— Серега, следовательно!.. — прошептала наконец она.

И сразу же в коридорчике перед дверью послышались еще чьи-то шаги, дверь кубрика приоткрылась, на меня посмотрели внимательные серые глаза...

Мужчине было лет сорок, на худом лице его перекатывались крепкие желваки. За его спиной я увидел растерянное лицо врача, этой ночью приводившего меня в чувство.

Я осторожно высвободил руку из-под плеч Катн и встал.

Она вздрогнула, дыхание ее сбилось.. Потом обняла рукой подушку, задышала ровно и спокойно.

— Пусть еще поспит, — негромко проговорил я и вышел из кубрика, тихо и плотно прикрыл за собой дверь.

— Я следователь Кузьмин, — сказал мне мужчина; на нем было осеннее гражданское пальто, теплый красно-черный шарф, в одной руке он держал толстую кепку, в другой — тоненькую кожаную папку. — Вы механик этого крана Колосов? — спросил он меня, нетерпеливо и внимательно вглядываясь.

— Да я же вам говорила! — нетерпеливо вскрикнула Санька за его спиной.

Кран не работал, вся команда была здесь. Кузьмин так же спокойно-внимательно смотрел на меня, будто и не слышал голоса Саньки. Я кивнул, показал на кубрик тети Нюры:

— А там спит Екатерина Соколова.

Ни в глазах, ни на лице следователя ничего не изменилось.

— В каком порядке вы будете нас опрашивать? — спросил я его и пояснил: — Кран не может стоять. — И точно в подтверждение моих слов на берегу загудел самосвал.

— А вам как удобнее будет? — просто и тихо спросил Кузьмин.

— Енин и Пирогов, — я кивнул на Сашку с Ми-

шей,— работают уже вторую смену. Лучше бы сейчас нам с Ивановой сменить их.

Все тревожно молчали. Кузьмин поглядел на Енина с Пироговым, потом на Саньку, обернулся ко мне:

— Хорошо. Тогда мы с доктором Козыревым сначала произведем осмотр тела Прохорова, потом я побеседую с членами вашей команды, а потом поговорю с вами, Сергей Сергеевич, и с Александрой Ивановной Ивановой. С Павлом Петровичем Мирошниковым я уже разговаривал, еще кое с кем из работников причала, с шоферами. Вот только с командой той баржи, которую вы разгружали в вечернюю смену, поговорить мне не удалось.

— Она через сутки вернется к причалу.

Он кивнул мне, спросил так же ровно:

— Где вы меня устроите?.. И все документы, относящиеся к работе крана, попрошу.

— Можете в женском кубрике, он сейчас свободен.

— Хорошо.

— Покажи все наши документы,— сказал я Енину, глянул на Саньку: — Пошли.

С опаской поглядывая на Кузьмина, она быстро пошла на кран. На берегу теперь уже гудели три самосвала.

— Поел бы, Серега! — вздохнула тетя Нюра.

— Спасибо, еще не нагулял аппетита,— и я пошел на кран.

Несколько первых циклов пришлось сделать быстрее обычного, чтобы загрузить песком ожидавшие самосвалы. Потом я вошел в нормальный ритм работы, закурил. В первый же коротенький перерыв, когда машина и лебедка были выключены, Санька успела сказать мне:

— И чего я так милиции боюсь? Даже будто сама сразу виноватой оказываюсь!.. — Вздохнула задумчиво: — Или уж потому, что выросла в детдоме?

Я работал, а Санька часто теперь уходила с крана. Давление пара и уровень воды в котле были нормальными, и я поэтому ничего не говорил ей.

А она так же в короткие перерывы сообщала мне, что Кузьмин с Козыревым осмотрели Игната, написали какую-то бумагу. Потом Кузьмин опросил Енина с Пироговым, те спали, когда Игнат сорвался с трапа, ничего не видели.

Ничего не могли сказать Кузьмину и Смоликов, и тетя Нюра. Катя пока спала.

На кране появился Смоликов, сонное лицо его было равнодушно-спокойным, но сказал он Саньке деловито и быстро:

— Твоя очередь, голубица. Зовут следователя Виктор Трофимыч. Говори ему все как было, и только то, что видела сама. Отвечай коротко, помни, что он записывает каждое твое слово, не фантазируй.

Санька испуганно глядела на меня, я улыбнулся ей:

— Иди, иди, так и действуй.

Она медленно, оглядываясь на меня, пошла с крана. Я начал работать. Смоликов шуровал в топке, подбросил угля, качнул воды в котел. В считанные секунды, когда на кране стало тихо,— я травил раскрытый грейфер,— он сказал мне:

— По всему получается, Серега, что Игнат просто сорвался...

Я обернулся, поглядел на него. Лицо его было равнодушно-неподвижным, но я-то знал, что Смоликов все видит и замечает. На миг даже мне показалось, что он помнит, как я, только очнувшись, расспрашивал его о трапе... Поэтому я сказал:

— Игнат — человек опытный, сильный и ловкий. Да и выспался он перед сменой нормально... С другой стороны — и на арбузной корке можно поскользнуться.

В лице Смоликова решительно ничего не изменилось. Но смотрел он на меня дольше обычного, потом все-таки кивнул согласно. Я дал пар в машину и впервые с удивлением и растерянностью понял, что ведь и обо мне самом можно думать что угодно... Все знают, что я люблю Катю, а она любила Игната. Кузьмин застал меня с ней.

Правда, в тот момент, когда с Игнатом случилась беда, я находился вместе со Смоликовым и Санькой на кране... Нет, ведь я первым ушел с крана, а Санька со Смоликовым остались. И никто не знает, что Игнат сорвался с трапа, когда я еще брал с баржи последний грейфер песка. Можно вполне предположить, что я первым ушел с крана, встретил Игната, сбросил его в воду, потом прыгнул за ним сам, имитируя его спасение, а на самом деле...

Продолжал машинально работать. Брал песок с баржи, грузил его в кузов очередного самосвала, начинал весь цикл сначала...

Что за человек Кузьмин? Проще всего ему, конечно, закрыть дело, возложив вину на самого Игната. Да если я сам не скажу, что было с трапом, ничего другого, видимо, Кузьмину и не останется. Но ведь не сказать-то этого я не могу!

3

Наступал обычный северный осенний день. Погасли гирлянды лампочек на барже — шкипер берег аккумулятор, потом береговые прожекторы, и Смоликов тотчас вырубил свет на кране. Дождь продолжался, не усиливаясь и не ослабевая, как вчера и неделю назад. Небо казалось особенно низким, тяжелым... Точно застиранное пуховое одеяло, придавило оно далекий, плохо различимый противоположный берег, неуютный и безлюдный. Ветер стих, глухая и вязкая тишина, — только выключишь на миг лебедку и машину крана, — заполняла, казалось, весь мир. В такую минуту пришла Санька:

— Ой, Серега! — весело и особенно громко в наступившей тишине звучал ее голос. — Смешной этот следователь, ты бы знал!.. — Ее круглое веснушчатое лицо с маленьким носом и по-утреннему ясными, быстрыми глазами было мокрым от дождя; размазалась тушь на бровях и ресницах, расплылась помада на пухлых губах... — Я думала, он меня допрашивать будет, а он только интересовался, что я делаю в свободное от работы время, часто ли хожу на танцы, да кто у меня знакомые, понимаешь?!

Смоликов и я молча глядели на нее.

— Хоть он, конечно, уже и старый, этот Виктор Трофимыч, а сразу видно — положительный! — заключила Санька и задумалась. — Любит он танцы или нет? — спросила Санька, но, спохватившись, выговорила быстро: — А про Игната он меня два слова спросил, и так это, между делом!..

— Каким? — спросил я.

— Что — каким? — Санька нагнулась, заботливо и тщательно, точно нас со Смоликовым и не было, стала подтягивать тонкие и дорогие выходные чулки.

И туфли на ней были выходные, лакированные. Так и бежала в них по дождю...

— Между каким делом-то? — повторил за меня Смоликов.

Санька распрямилась, мигнула, поняла. И круглое лицо ее стало неудержимо, густо багроветь... Отвернулась, ссутулилась, пошла с крана.

— Со всеми он уже поговорил? — спросил я.

Она приостановилась:

— Катю сейчас последнюю допрашивает...

— Допрашивают обвиняемых, — сказал Смоликов.

Тогда Санька порывисто обернулась, испуганно поглядела на меня:

— Ой, Серега, главное забыла! Катя плачет и говорит, что кроме тебя некому было... Понимаешь?! — Ее пухлые губы по-детски жалобно покривились.

Я отвернулся, взялся за рычаги и начал работать, не дожидаясь, пока Санька уйдет.

Не знаю, сколько прошло времени до того, как я точно сквозь сон услышал у себя за спиной враждебно звенящий голос Кати:

— Колосов!.. Эй, Колосов!..

Выбросил пар, обернулся. Катя пристально смотрела на меня, прищурившись, крепко сжав губы.

— Иди! — она отрывисто мотнула головой, и во взгляде ее сверкнула ненависть.

Я посмотрел на манометр и водомерное стекло, нашел глазами Смоликова. Он смотрел на Катю, и лицо его было обычным, только он вдруг сказал ей:

— Эх ты, курочка! — и выругался.

Она резко обернулась к нему, крикнула:

— Он меня жизни лишил!.. — Сжалась, обхватив голову руками, зарыдала, тяжело сожвась всем телом.

Я встал, пошел с крана, стараясь не коснуться Кати, когда проходил мимо нее. Спустился на палубу. На берегу тягуче и нетерпеливо гудел самосвал. Я постоял, подождал, пока кран начнет работать. Вот загудела машина, зарокотала лебедка. Кран резко, точно за рычагами сидел новичок, дернулся, начал поворачиваться.

На голову и плечи мне кто-то сзади набросил тяжелый брезентовый дождевик... Да, дождь.

— Иди в каюту, а?.. — негромко попросил меня Миша.

Да, дождь... И на Мише мокрый дождевик, и лицо у него мокрое... Испуганное, растерянное и жалобное. Совсем мальчишка еще он, как же я раньше этого не замечал?..

— Иди, а?..— повторил он и потянул меня за полу.

Кран уже работал почти нормально, только некоторые движения его получались чрезмерно порывистыми, неоправданно резкими. Ну, ничего...

Когда шли по скользкой палубе в каюту, Миша придерживал меня. Боялся, что я упаду?..

Даже сейчас, сквозь ровный шум дождя и порывистый рев лебедки было слышно, как пищит лента тормоза.

Дверь каюты была открыта. В коридорчике стояли Санька, тетя Нюра и Енин, смотрели на меня. По-разному смотрели.

— Прохорова уже унесли! — торопливо шепнула мне Санька, тревожно косясь на дверь женского кубрика.

— И врач с ним отбыл...— протянул Енин.

— Продукты я получила, готовить собираюсь,— всхлипнула тетя Нюра.

— Иди спать,— сказал я Енину.— И Мишу с собой возьми. Вечером будете работать,— и добавил неожиданно для себя: — А может, и ночью... вам придется.— Глянул на Саньку: — И ты, красавица, выспись как следует, с крана — никуда! А вы, тетя Нюра, на свое боевое место к плите.

— Поел бы, может, Сереженька?..— опять всхлипнула она.

— Обязательно! Вот поговорю с Кузьминым и — ваш гость.

Они расступились. Я прошел к женскому кубрику, постучал.

— Прошу, Сергей Сергеевич! — услышался ровный и свежий голос Кузьмина.

Я вошел. Кузьмин сидел за маленьким столиком под круглым окошечком кубрика, спокойно-внимательно, как и утром, смотрел на меня своими серыми глазами. Только на худом лице его будто сильнее выпирали крепкие желваки...

— Садитесь, пожалуйста, — сказал он.

На койках Кати и Саньки белья не было, бросались в глаза голые полосатые матрасы. Я сел на табуретку

рядом с Кузьминым, закурил. Отметил, что на одной из коек лежат зеркало, духи, пудра и гребенки, которые обычно были на столике. На нем сейчас — тоненькая папка Кузьмина, ручка, листы чистой бумаги...

— Устали? — негромко спросил он меня.

— Обычно.

— Да-а... Расскажите, Сергей Сергеевич, в двух словах о себе.

— Учился в школе, потом служил в армии, теперь пятый год работаю крановщиком, учусь в институте, студент-заочник, перешел на пятый курс...

— Прохорова давно и хорошо знали?

— Давно и хорошо, все эти четыре года вместе, на одном кране.

— Что он был за человек?

— Хороший человек! Настоящий.

— Он ведь был в заключении?..

— Оступился по молодости. Но тюрьма в данном случае точно выполнила свое назначение.

— Простите?..

— Она должна наказывать преступников и воспитывать, исправлять просто оступившегося человека.

Кузьмин, отложив ручку, стал медленно закуривать, я вдруг увидел, что он тоже устал.

— Ваш отец секретарь горкома?.. — и он назвал город, расположенный в тысяче километров вверх по реке.

— Да.

— А мать, кажется, давно умерла?.. И отец больше не женился, вы так вдвоем с ним и живете?

— Да.

— Можно себе представить, сколько оставалось времени у секретаря горкома для воспитания сына.

— Для нас с отцом достаточно.

— Простите?..

— Он умеет говорить, а я умею слушать и запоминать.

— Почему ваша судьба сложилась именно так?..

— Простите?.. — Я невольно перенял его тон.

Мы помолчали, докурили, загасили окурки в пепельнице. Она была полной, я взял пепельницу, выбросил окурки в ведро, снова поставил ее на стол.

— Спасибо, — сухо поблагодарил Кузьмин.

— Пожалуйста.

Кузьмин посмотрел мне в глаза:

— Как вы относитесь к Екатерине Александровне Соколовой?

— Я люблю ее.

— Она знает об этом?

— Прямо я ей не говорил...

— А она вас любит?

— Нет.

— Не мог Прохоров встретить здесь кого-нибудь из знакомых по месту отбывания срока? — без всякого перехода спросил Кузьмин.

— Вполне мог. На строительство комбината люди съехались со всех концов. Игнат, как и все мы, уходил иногда в поселок, человек он был общительный... Но я убежден, что возврат к прошлому для него был невозможен!

Кузьмин кивнул. Я видел, что он быстро записывает мои ответы и получается это у него почти незаметно.

— У нас с Игнатом были такие отношения, что он наверняка сказал бы мне, если бы встретил кого-нибудь из прежних своих дружков.

Долгое молчание, пристальный взгляд Кузьмина:

— Игнат знал, что вы любите Катю?

— Да. Но это не мешало нам дружить. Разумеется, мне трудно подтвердить это фактами... Но есть люди, которые знали нас с Игнатом...

Кузьмин продолжал писать быстро и аккуратно.

Только сейчас я заметил, что разговор между Кузьминым и мною идет так, будто оба мы уверены: Игнат не просто сорвался с трапа, что может случиться с каждым, а кто-то преднамеренно погубил его!..

Ну, я-то и раньше был уверен в этом, а Кузьмин? Ведь если я не скажу ему о свисавшем с берега трапе, — а это видел я один, — ничего другого, кроме предположения о собственной неосторожности Игната, у Кузьмина не останется... Или, может, просто такова методика расследования: приходится предполагать худшее, а затем, постепенно, исключать одну за другой возможности этого худшего...

Я все-таки решил рассказать ему про мелькнувшую мальчишескую фигуру у трапа на берегу, о свисавшем с берега и потом закрепленном трапе.

— Вот за это — спасибо вам, Сергей Сергеевич! — Кузьмин раскрыл свою тонкую папку, достал листы бумаги, долго и тщательно записывал мои слова.

Потом он показал мне записанное. Я прочитал, попросил вставить, что одна из растяжек трапа была закреплена за костыль на бревне обычным, а не морским узлом. Он снова поблагодарил меня, записал и это.

— Вы мне очень помогли, Сергей Сергеевич! — он устало улыбнулся. — Я не могу поверить, что он — просто сорвался с трапа! Да теперь мне, собственно, и не надо в это верить. — Встал порывисто, сказал: — Покажите мне тот узел на растяжке. — И неожиданно дотронулся до моей руки, заглянул в глаза: — Вы кому-нибудь, кроме меня, говорили про трап?

Я помолчал, вспоминая:

— Нет.

— И дальше прошу не говорить, иначе... Что с вами?

— Только бы найти их, голубчиков, а там бы я им за Игната!..

Немного помолчав, он сказал мне, глядя в глаза, уговаривая, точно ребенка:

— Вы мне разрешите сейчас сесть за рычаги вашего крана?

— Нет...

— Тогда и мне не портите работу своей самостоятельностью! — жестковато уже договорил он; усмехнулся, добавил: — А заодно и сами постарайтесь не умереть, как Прохоров.

— Уговорили, Виктор Трофимыч!.. — но улыбнуться я не смог.

Когда мы с Кузьминым выходили из женского кубрика, от дверей его запоздало отскочила Санька. В коридоре были и остальные, никто не спал.

— Еда готова? — спросил я у тети Нюры.

Она будто не слышала моих слов, испуганно глядела на Кузьмина.

— Готова-готова, — поспешно ответил Енин.

— Может, и вы с нами?.. — нерешительно спросил Кузьмина Миша.

Виктор Трофимыч растерянно обернулся ко мне.

— Я только что продукты получила, — сказала тетя Нюра.

— Придется уж вам пообедать с нами. Вместо Игната.

— Спасибо.

Кузьмиң первым, а я — за ним поднялись по трапу на берег. Кузьмин сказал, оглядывая трап:

— Даже и я бы с него не сорвался...

Как ни странно, но обе растяжки были завязаны нашим обычным морским узлом.

— Опытные люди!— по-прежнему жестковато проговорил Кузьмин, сразу все поняв.

Кран работал.

Я увидел глаза Кати. И понял, что сделаю все, только бы никогда она больше не посмотрела на меня такими глазами!

4

На причалах химкомбината, расположенных в нескольких километрах друг от друга, работало четыре наших крана, по одному на каждом причале. Возглавляла нашу крановую группу молодой инженер Алла Викторовна Рабацкая. Ей было двадцать три года, она только этой весной окончила Ленинградский институт водного транспорта, и ее направили на работу в наш порт.

Не помню уже, на каком из кранов она была, когда случилось несчастье с Игнатом, кто сообщил ей об этом. Для связи между кранами из порта спустился четырехместный пятидесятиильный катер. Вот на нем Алла Викторовна и прибыла к нам на кран примерно через час после ухода следователя Кузьмина.

— Садитесь, пожалуйста, Алла Викторовна,— сказал я и подвинул ей табуретку; на соседней койке спал каменным сном Смоликов, уютно похрапывая.

— Спасибо,— вежливо и тихо ответила она, послушно уселась на табуретку, еще руки положила на колени, как школьница.

— Я жду, Колосов!

На ней был рабочий комбинезон, шапка-ушанка. Маленькое и худенькое лицо Аллы Викторовны было бледным, встревоженным. Кривились по-девичьи пухлые губы, жалостливо подрагивал остренький подбородок, напряглись ноздри тоненького носа, только неожиданные на ее лице большие, зеленовато-серые и лучистые глаза в мохнатых ресницах по-всегдашнему светились доброй теплотой, которую не могли затушить ни смущение, ни отчаянная строгость. Я поспешно загасил сигарету, разогнал рукой дым.

— Я жду!— повторила она.

— Крановщик Прохоров, сделал обычную отметку

в сменном журнале Мирошникова, возвращался на кран, сорвался с трапа...

— Все это я уже знаю!

— Врач констатировал смерть. Следовательно побеседовал со всеми членами команды...

— Побеседовал!.. Почему этот ваш следователь не дождался, пока я приеду?!

— У него, вероятно, еще какие-то дела...

— В конечном счете я отвечаю за работу кранов!

— Случай, хоть и тяжелый, но для следователя, видимо, ясный. Работа на кранах требует известной осторожности. Поэтому каждый из нас и дает ежегодно подписку об ознакомлении с правилами техники безопасности...

— Это — с одной стороны! Я, разумеется, проверила: средство сообщения с берегом установлено в строгом соответствии с требованиями техники безопасности. Конкретно вас, Колосов, я не имею оснований обвинять, но остается главная, моральная сторона случившегося!

— Тяжело, Алла Викторовна!.. Игнат был мне как брат...

Работаем здесь третий месяц, а уже несколько ЧП: травма кочегара Ладовой на кране Петухова, обрыв грузового троса и почти авария на кране Левашовой. В какое положение мы ставим ее, молодого инженера, начальника крановой группы?.. И теперь еще смертельный случай!..

— Разденьтесь, отогрейтесь, поешьте. А потом поезжайте к следователю Кузьмину, поговорите с ним,— предложил я.

Лицо Аллы Викторовны в эту минуту было очень молодым, растерянным, искренне огорченным.

— Как же это, Сережа?! — медленно выговорила она.— Игнат был таким!.. И как же теперь Катя?!— она поспешно закрылась маленькими, как у девочки, руками, заплакала.

...Хоронили Игната на кладбище старинного таежного села, которое было километрах в десяти вверх по реке от нашего причала.

Кладбище было тоже старинным, с низенькой церковью, сложенной из толстенных бревен. Вокруг нее аккуратными рядами шли могилы местных жителей с деревянными крестами, почерневшими от времени. А в стороне от них было несколько могил с такими же пира-

мидками, какую сварили мы с Мишей. Рядом с одной из них мы и вырыли могилу Игнату.

Енин и Смоликов сделали гроб. Отфуговали доски, покрасили его. А мы с Мишей Пироговым сварили из прутьев и листового железа невысокую пирамидку. На одной стороне я аккуратно сварочным валиком написал имя и фамилию Игната, даты его рождения и смерти. Пирамидку покрасили красной масляной краской.

Игнат, как и Санька, вырос в детдоме. Отец его погиб на фронте, мать умерла от голода в блокадном Ленинграде. Двухлетнего Игната вывезли по дороге жизни на Большую землю, как тогда было принято говорить в осажденном Ленинграде. Родителей своих он не помнил, переписывался только с сестрой матери, она и сейчас жила в Ленинграде. Я знал, что отец его до войны работал фрезеровщиком на Кировском заводе, а мать была учительницей литературы в школе.

Я сообщил в порт о смерти Игната, получил ответную телеграмму. Хотел написать и в Ленинград тетке Игната, но адреса среди его документов не нашел. Жил Игнат в портовском общежитии. Разговаривая по радио с диспетчерской порта, я попросил сказать его соседям по общежитию, чтобы они нашли среди его вещей теткин адрес и дали телеграмму.

В стенном шкафу нашего мужского кубрика висел выходной костюм Игната, на одной из полок лежали его белая рубашка, галстук, белье. Похудевшая, осунувшаяся Катя аккуратно и любовно собрала вещи Игната в рюкзак, сверху заботливо завернула его брезентовым дождевиком.

Гроб мы застропили веревками, а не тросами, чтобы не поцарапать. Енин высыпал песок в кузов очередного самосвала, потом повернул кран, затормозив грейфер в метре от палубы понтона. Смоликов взял в руки концы веревок, а Енин чуть приоткрыл челюсти грейфера. Смоликов заправил в щель между ними концы веревок, Енин сжал челюсти грейфера, осторожно и медленно приподнял гроб с палубы понтона. Затормозил, проверяя, не выскользнет ли он из веревок, так же медленно понес его к самосвалу.

Я залез в кузов, стоял под дождем, проваливаясь ногами в мокрый и рыхлый песок. Енин мягко опустил гроб на песок, разжал челюсти грейфера, концы веревок выскользнули из них.

Енин кивнул мне и тотчас же, по-рабочему быстро, понес грейфер, все шире разевая челюсти его, на баржу за песком.

Гроб в кузове стоял надежно, я сел рядом с ним на песок, запахнувшись в дождевик. Катя, обеими руками прижимая к себе рюкзак Игната, залезла в кабину самосвала. Шофер тотчас натужно тронул его, самосвал пошел, сильно кренясь и переваливаясь на выбоинах разъезженной дороги. Все остальные, свободные от смены на нашем кране, на других машинах должны были приехать прямо на кладбище.

...Три года назад мы с Игнатом работали недалеко от порта, выгружая пиломатериалы. Сидели однажды ночью на палубе понтона и курили, он вдруг сказал мне:

— Знаешь, Серега, по молодости лет любой мечтает быть полярником или артистом, а уж космонавтом — на-верняка! А подрастешь, да потискает тебя жизнь иногда шершавыми лапами, и станешь понимать, что северный полюс, космос и театр — это, конечно, здорово. Но быть просто нормальным честным человеком... Человеком каждый день, в любой мелочи, чтобы от одного твоего пребывания на земле было хорошо кому-то, тоже задача из самых достойных! Это, порой, потруднее, чем на полюсе или на сцене. Тем более что задача эта задается тебе ежедневно в новых вариантах, и решаешь ты ее всю жизнь.— Игнат спокойно улыбнулся, поглядел на меня большими теплыми глазами:— Вот когда до тебя по-настоящему дойдет такое понимание, вся твоя жизнь получит полный человеческий смысл!

Сам он именно так и жил!..

Задумавшись, я совсем забыл про Аллу Викторовну. Она молча сидела в кузове по ту сторону гроба, держалась за него обеими руками. И дождевика на ней не было... Почему она не села в кабину, ведь в ней трое за просто помещаются?

Вздохнул, привстал, стараясь не упасть, обошел гроб, сел рядом с ней. Накинул на нее полу дождевика, обнял ее за топорщившиеся плечи.

— Что вы?!— испуганно сказала она, повела плечами, стараясь освободиться от моей руки, потом затихла, плечи ее постепенно обмякли.

Так мы с ней и ехали до больницы. Вплотную к дороге стоял глухой и угрюмый лес, шел проливной дождь, трудно даже было представить себе, что человек сумеет

когда-нибудь оживить этот вековечный заглохший мир!.. Алла Викторовна не сказала больше ни слова, но прижималась уже плечом к моей груди доверчиво и по-детски спокойно.

Строительная площадка химкомбината раскинулась на добрый десяток километров в длину по ветке железной дороги, плавной дугой огибавшей большое таежное озеро. Проектировщики, видимо, посчитали, что выгоднее транспортировать из тайги готовую продукцию, чем необходимый для нее лес. Производительность комбината планировалась огромной, основной вид продукции — бумага. Строительство шло уже второй год, кроме высившихся там и тут кирпичных коробок будущих цехов, обставленных тонконогими кранами, на берегу озера был и поселок строителей. Ровными рядами стояли пятиэтажные дома, в них после пуска комбината должны были жить его рабочие. Выделялись большие здания клуба, больницы, кинотеатра. После нашей речной обстановки особенно бросались в глаза многолюдье, обилие машин, совсем городские дома и улицы. Каждый раз, оказываясь на строительстве комбината после двадцатикилометрового пути по тайге, я с радостью чувствовал, что попал в наш сегодняшний день.

Молоденький шофер сначала подогнал самосвал к больнице, помог снять гроб, внести его в больницу, поставить на длинный стол в подвале. Сказал, что сбросит песок на восьмом участке, снова заедет за нами, возвращаясь на причал.

Пожилая санитарка, — здесь, на строительстве, странно было видеть человека старше сорока лет, — провела нас троих в одну из комнат подвала.

Игнат лежал на белом топчане, тело его было закрыто простыней.

— Нет... Не могу!.. — услышал я у себя за спиной хриплый голос Кати.

Алла Викторовна, пошатываясь, обхватив Катю за талию, уводила ее из комнаты. Ноги у Кати заплетались...

Я взял с пола рюкзак с вещами Игната, достал их, разложил аккуратно на соседнем топчане. Только после этого снял простыню с Игната. Он был совсем голым, от груди до живота тянулся свежий шов... Постоял над ним, удерживая колотившееся сердце, стал одевать Игната. На длинных стройных ногах его пониже ко-

лен, — одинаково на обеих, — виднелись старые, поперечные рубцы. Я хорошо помнил их происхождение.

...Катя тогда только что пришла к нам на кран, закончив курсы крановщиков в порту. Быстро уставала, сидя за рычагами. Нервничала и потому ошибалась чаще, даже плакала. Не только всем нашим, но и мне самому казалось временами, что работа крановщика — не по силам Кате, надо ей искать работу полегче. И только один Игнат терпеливо и настойчиво продолжал постоянно помогать ей.

И вот однажды Катя чрезмерно резко сбросила на землю десятитонный пакет бревен: грузовой трос, отпрыгнув, соскочил с концевого блока стрелы. Надо было подняться на тридцатиметровую стрелу, по узенькому трапу добраться до конца ее, снова завести трос в канавку блока. Команда собралась на кране. Катя плакала от усталости и страха. Игнат, не раздумывая, полез вместо нее на стрелу. И когда возвращался уже вниз, вконец растерянная Катя снова начала работать. Я успел только заметить, как странно вдруг переломилось тело Игната, бессильно припавшего к трапу стрелы.

Протянув к рычагу руку через голову Кати, я выбросил пар, полез на стрелу.

— Ноги мне грузовой трос погладил... — с трудом выговорил Игнат, пытаюсь улыбнуться побелевшими губами; на обеих его брючинах проступали пятна крови.

Я помог Игнату спуститься на кран, задрал брючины; стальной трос, туго сжавшись, сильно ободрал обе его икры.

— Игнаша теперь — в больницу на пару неделек, а бюллетень, Соколова, за твой счет ему на хобот! — сказал Енин.

Достав из аптечки все необходимое, я промыл ноги Игната, забинтовал.

— Таким фифочкам надо в детсаду кантоваться! — фыркнула Санька, глядя на Катю.

Но и после этого отношение Игната к Кате не изменилось. В больницу он не пошел, продолжал работать. И как-то через месяц или два, работая в ночь, я увидел их силуэты: Игнат и Катя, тесно прижавшись, сидели на корме понтона...

Эх, Игнат, дружище!..

Надел на него белую рубашку, костюм, аккуратно повязал галстук. Костюм мы покупали вместе: Игнат

сказал тогда, что всего второй раз в жизни делает такую дорогую попкуку...

— Документы я взяла,— сказала, входя, Алла Викторовна.— А вот цветов нам уже не достать!..

На кладбище собралось человек двадцать. Мы поставили гроб рядом со свежерырытой могилкой, открыли его. Катя плакала, встав на колени, целуя Игната... По-прежнему шел дождь, на кладбище было очень тихо, только изредка могуче и басовито шумели столетние ели. Мы стояли вокруг могилы, сняв шапки...

Сказал прощальное слово Мирошников... Потом Алла Викторовна... Потом я, еще кто-то... Зачитали телеграмму от месткома порта.

Опустили гроб в могилу, засыпали землей, аккуратно выровняли холмик, установили на него пирамидку. Молча постояли еще, не надевая шапок, потом пошли с кладбища. Катю вели под руки Санька с тетей Нюрой. У выхода в стороне стоял Кузьмин, внимательно глядя на идущих...

Ехали обратно в кузове пустого самосвала. Смоликов вдруг негромко сказал мне:

— Я всю войну был в разведке. Возглавлял нашу беговую компашку веселый старшина: любил пошутить, в том числе со смертью. Были у него такие самодельные стишки:

Первый раз икается,
Второй раз спотыкается,
А на третий раз
Риск — потеря глаз.

И действительно: два раза он чудом уходил от немцев, а на третий — не вернулся.

Все так же шел дождь, шумел ровно и нескончаемо. И так же вплотную к дороге стоял неподвижный, угрюмый, безлюдный и тоже нескончаемо протянувшийся на тысячи километров лес. Я понимал, зачем Смоликов привел самодельные стишки веселого старшины и случай с его гибелью.

Нет, не те у нас с Игнатом были отношения, чтобы зарыть его тело в могилу — и забыть, почему и как он умер! И вы уж не забывайте Игната Прохорова, следовательно Кузьмин!..

Еще накануне похорон тетя Нюра спросила меня, не решительно заглядывая в глаза:

— Надо бы, Сереженька, помянуть нашего Игната, а?.. Неверующий он был, как вы все теперь, но обычай-то это неплохой. Посидели бы часик за столом, отдали ему память...

Я видел, что все согласны с тетей Нюрой, ответил негромко:

— Ну, что ж, свежие продукты мы только что получили... Вернемся с кладбища к концу дневной смены. Вечерняя, конечно, едва успеет присесть за стол, да и ночная смена должна быть в форме. А дневная после работы может посидеть подольше...

— Мы с тетей Нюрой тут прикинули,— быстро и удовлетворенно проговорила Санька.— И спирт у нас в аптечке есть, и много горячительного вообще ни к чему, но все-таки с мужчин — по два рубля, а с женщин — по рублю,— по-взрослому рассудительно закончила она.

Я кивнул, все согласно молчали. Только Алла Викторовна строго сказала:

— И на этом — все!

Ей никто не ответил. Катя сидела молча, потерянное лицо ее было таким горестно-отсутствующим, что я старался не глядеть на нее.

Каждый пересменок у нас был чем-то вроде диспетчерского совещания, проводила его Алла Викторовна. Механики кранов выходили по радиотелефону в эфир, докладывали о проделанной за смену работе, о планах на следующую; о неполадках на кране, устранении их; необходимости запасных деталей, запасах угля, здоровье членов команды... На этот раз Алла Викторовна разговаривала с нашего крана, радиотелефон был установлен в общем кубрике. Я сидел рядом с Рабацкой, слушая ее командно-строгий голос. Иногда он точно спотыкался, умолкал на секунду... Но тотчас она справлялась с собой, продолжала выговаривать слова старательно и строго. Я представлял себе, конечно, как снисходительно улыбается у себя на кране, слушая Аллу Викторовну, громадный Петухов... Или шурит спокойные глаза Наташа Левашова, как вежливо пережидает, пока Рабацкая справится со своим смущением, Панферов.

Петр Петрович Петухов был механиком седьмого

крана, Наталья Михайловна Левашова — первого, Борис Васильевич Панферов — тринадцатого; наш кран в портовской нумерации значился двадцать вторым.

В конце каждого разговора в тот день Алла Викторовна говорила о похоромах Игната, о том, что после них будут короткие поминки, приглашала на них всех свободных от работы. Потом, как обычно, — это ей приходилось делать тоже каждый пересменок, — связалась по радио с диспетчерской порта. Отчиталась за проделанную работу, опять сказала о предстоящих похоромах. Мигнула, помолчала, а потом сказала потише:

— Да, я говорю с крана Колосова, он сейчас рядом со мной... — и протянула мне трубку радиотелефона. — Виктор Павлович Пахомов.

Витя работал диспетчером в порту, он был секретарем нашей комсомольской организации. Алла Викторовна разговаривала с ним, как и со всеми, на «вы».

— Слушаю, Витя, — сказал я, позабыв поздороваться.

Он помолчал, потом вздохнул. И я сразу будто увидел его, невысокого, крепенького, как дубок. С Витей мы выросли в одном дворе, десять лет просидели за одной партией в школе. После нее он пошел в институт, закончил его, работал сейчас вместе с нами.

— Жалко Игната... — медленно выговорил наконец Витя.

Когда знаешь человека с детства и дружишь с ним, понимаешь и слышишь все, чего он и не сказал тебе словами. Я сразу же вспомнил, как на одном из собраний, когда долго разбирали тяжелый случай с пропажей спецодежды на одном из кранов и кто-то намекнул, что Игнат, дескать, был в заключении, Витя решительно и твердо вступился за Игната. И собрание одобрило и поддержало его.

Очень мне захотелось сказать Вите, что Игнат не просто сорвался с крана, что кто-то убил его! Но говорить это по радио да и при Алле Викторовне было нельзя...

Он все не вешал трубку.

— А у нас, знаешь, еще купаются некоторые чудачки, а?..

Я вспомнил, как вытаскивал Игната из воды :

— Да и у нас такие чудачки есть.

— Слышал, Серега! — вздохнул он. — Все слышал...

Тогда и я помолчал. Но знал, что Витя не похвалит меня, не в его это характере.

— Ничего,— сказал я.— Доработаем до конца навигации вшестером, без подменного.

— Взять его тебе неоткуда... — Спросил после молчания: — Сообщить об этом Рабацкой?

— Делу не повредит. Ну, всего доброго!

— Будь здоров!

Я передал трубку Алле Викторовне.

Когда вернулись с кладбища, Енин даже не остановил кран, только поглядел на нас, сморщился... Лента тормоза подъема не скрипела. Когда же Енин успел отрегулировать ее?..

Женщины пошли собирать на стол в общем кубрике. А мы сели на койке в нашей мужской каюте, закурили. Долго молчали. Стены каюты, пол ее, койки размеренно и несильно сотрясались в такт движениям крана, чуть покачивались из стороны в сторону. Когда кран на секунду переставал двигаться, замолкал, особенно слышался мерный и непрерывный шум дождя.

— Одно слово — осенние дожди! — вздохнул наконец Петухов.

Громадный и тяжелый, он сидел на койке, широко расставив сильные ноги, туго обтянутые штанами спецовки. В больших мозолистых руках со следами масла и железной пыли, навечно вьевшихся в складки кожи, задумчиво крутил маленькую сигарету. Крупное скуластое лицо его с большим носом, широким ртом, маленькими черными глазами, глубоко запавшими, было спокойно-печальным. Круглая голова его была чисто выбрита, из-под распахнутого ворота виднелась крепкая загорелая шея. Игнат умер, и тут уж ничего не поделаешь. И говорить об этом нечего, но жизнь у каждого из нас идет так быстро, такая она, к сожалению, короткая, так горько, когда теряешь близкого человека...

— Дожди здесь с сотворения мира идут по расписанию весь сентябрь, — негромко и неспешно проговорил Панферов.

Узкоплечий и худой, с густыми, но совершенно седыми волосами, он сидел на краю койки, гибко изогнувшись жилистым телом, упруго упираясь в пол куб-

рика длинными ногами. Узкое лицо его с треугольным подбородком было бледным. Под кустистыми, нависшими и тоже седыми бровями беспокойно и остро посвечивали быстрые темные глаза.

Тоскливо, конечно, здесь на севере в эти сентябрьские дожди, но уж сами мы себе выбрали такую работу. Да и кто-нибудь должен ведь ее делать...

— Но зато чуть наступит октябрь, прихватит по-настоящему морозцем, и снова солнышко, — задумчиво проговорила Наташа Левашова.

На правах механика крана она единственная из женщин сидела вместе с нами. Левашовой за тридцать, у нее двое детей, ее муж работает у нас в порту начальником участка штучных грузов. Все зовут Левашову просто Наташей. Кран ее почти постоянно занимает одно из первых мест в порту по производительности и безаварийной работе. Есть что-то очень домашнее, уютно-спокойное в ее полной фигурке, круглом добром лице, больших и спокойно-внимательных голубых глазах.

Я смотрел на Петухова, на братьев-близнецов Локтевых, Владимира и Всеволода, неразлично похожих друг на друга, веснушчатых и огненно-рыжих... Они сидели рядышком на койке, курили, одинаково затягивались сигаретами, очень похожими движениями рук относя их потом в сторону. На их кране работал сейчас подменный Синельников, с ним кочегар Петя Воскобойников, учившийся в той же группе института, что и наш Миша Пирогов...

Редко нам приходится собираться вот так почти всем вместе.

Только что мы похоронили своего товарища, которого давно и хорошо знали, а некоторые из нас — и любили. Про случай с трапом знали только я да следователь Кузьмин, для остальных смерть Игната была обычным несчастным случаем, какой может постигнуть каждого из нас... Но говорить сейчас об этом, как вообще сетовать на жизнь, у нас не принято. Просто сидели, молчали и курили.

Двери нашего кубрика были открыты; в коридоре вдруг остановился Кузьмин, не решаясь войти.

— Входите-входите, — пригласил я его и встал.

Он проговорил негромко и просто:

— Оказался тут поблизости и не удержался, знал, что вы соберетесь.

— Виктор Трофимыч Кузьмин, — представил я его, стал так же по очереди называть каждого, с кем он здоровался за руку.

Кое-кто, наверно, знал, что Кузьмин — следователь, но все вели себя точно так же, как и до его прихода.

Потом в дверях появилась Алла Викторовна, выговорила смущенно, но четко:

— Прошу к столу!

Все поднялись, пошли в общий кубрик. Я вышел на палубу, встретился глазами с Мирошниковым, стоявшим на кромке берега, махнул ему рукой. А когда он спустился ко мне, сказал:

— Пусть кран минуты две-три постоит.

Он кивнул.

На повороте крана также встретился глазами с Ениным, махнул рукой вниз. Он резко остановил кран, высунулся ко мне в окно кабины.

— Идите с Мишей, помянем Игната, — сказал я.

На кромке берега тотчас загудел самосвал, но Мирошников, замахав руками, крикнул, что кран сейчас будет снова работать.

Длинный стол в нашем общем кубрике был покрыт белой бумажной скатертью. На ней стояли в ряд глубокие и маленькие тарелки, даже чайные блюда, чтобы хватило на всех. Вилки тоже было маловато, поэтому рядом с некоторыми тарелками лежали ложки, суповые и чайные. Прямо на скатерти лежал аккуратно нарезанный ломтями хлеб, стояли две бутылки красного вина, в трех бутылках из-под молока был налит разведенный спирт.

Клубы пара поднимались от большой кастрюли с отварной картошкой. Стояли открытые консервные банки, лежали несколько огурцов, порезанных на дольки...

Члены нашей команды сели на свои обычные места, поэтому я оказался во главе стола. На кране было непривычно тихо, только за стенами по-прежнему ровно шумел дождь...

Мужчины разлили себе разведенный спирт, женщинам — красное вино. Тетя Нюра и Санька раскладывали по тарелкам и блюдам клубни картошки, куски сочного фарша, ломтики огурца.

Все сидели за столом, не разговаривая и не двигаясь. Я поглядел на Аллу Викторовну, она кивнула мне. Встал, поднял стакан, вспомнил...

Около месяца назад мы сидели в этом же кубрике, праздновали день рождения Игната, и тогда я первым поднялся, чтобы поздравить его. А он, поблагодарив всех, в конце вдруг сказал:

— Если вдуматься, не очень удачно сложилась моя жизнь...— Вздохнул, поглядел на меня.— Завидовал я ребятам, у которых есть отцы-матери. Но среди вас я — как в родной семье!..

Я молчал, а все тихо и неподвижно сидели за столом. И я сказал:

— Умер человек, который был настоящим товарищем всем, с кем он работал и жил. Давайте всегда помнить его заботливое отношение ко всем нам!.. Если мы в своей жизни и делах будем равняться на Игната Прохорова и в большом, и в повседневном, тогда он не умер, просто его нет сейчас за столом с нами!

Катя не плакала, но и не глядела на меня.

Выпили, стали закусывать... Потом Енин и Пирогов поднялись, осторожно, стараясь никого не потревожить, ушли работать.

Мужчины закурили... Петухов вдруг сказал громко:

— Подивил меня как-то Игнат... — потер большой ладонью свою гладко выбритую голову. — С полочки зашли в столовую, выпили, закусили. А тут учительница привела целый класс малышей. Ходили, наверно, куда-нибудь на экскурсию, проголодались. Сидят за столами, как галчага, ноги до пола не достают. Игнат вдруг подошел к буфету, купил большой кулек конфет, раздарил им... — Петр Петрович чуть улыбнулся: — Детки, конечно, обрадовались, а учительница рассердилась: аппетит, дескать, пропадет у них!

Мы молчали.

Катя подняла голову, поглядела на Петухова, кивнула ему, но улыбнуться не смогла...

Опять стало тихо. Слышалось только, как работал кран, да так же ровно и глухо шумел дождь.

— У Игната было чему поучиться, — выговорил Тихон Сотников. — Но что уж я от него перенял... насовсем, так это — крепко держать слово!

Игнат был такой! Все это знали.

— Алла Викторовна? — быстро спросил механик катера Захар Сидорович Комлев, ожидающе глядя на Ра-

бацкую своими разноцветными глазами: левый у него был голубым, а правый — карим.

Она поняла, кивнула. Наш пятидесятиильный катер не брал больше четырех пассажиров, пора было развозить людей по кранам.

— Ну, вот и помянули Игната! — неспешно и негромко проговорила Наташа Левашова и вышла из-за стола.

За ней поднялись другие. Комлев поморщился:

— Опять пятерых друг на друге везти?

— Мы — легкие, — ответила ему Наташа. — Особенно я! — и в дверях обернулась, нашла глазами молчавшего все это время Кузьмина, поглядела на него, вышла.

Потом Комлев вернулся за бригадой Петухова. Прощаясь, он сказал Кузьмину:

— С трудом верится, товарищ Кузьмин, чтобы Прохоров просто сорвался с трапа...

И когда Комлев увозил бригаду Панферова, все члены ее, прощаясь, безмолвно вопрошали Кузьмина.

Они ушли. Алла Викторовна не вытерпела:

— Что же это такое предполагается, Виктор Трофимыч?! Ведь это же тогда... Ведь это же убийство! — И она всхлипнула. А Кузьмин ответил негромко:

— Жалеют люди, Алла Викторовна, Игната Прохорова.

Алла Викторовна, ссутулив узенькие плечи, пошла к дверям, стала медленно и неловко одеваться. Я помог ей, набросил сверху дождевик.

И вот проводили всех, кто не работал на нашем кране.

— Что же это, Серега, а?! — так же, как Алла Викторовна, проговорила вдруг Санька. — Неужели Прохорова?..

— Поможешь тете Нюре — и одевайся, приходи на кран: пора нам сменить Енина и Мишу!

И когда одевался в коридорчике, поймал вдруг островнимательный взгляд Смоликова.

После смерти Игната не прошло и недели, как разговоры пошли.

— На кране Колосова крановщика убили!

— Какого это?

— Игната Прохорова. Красивый еще такой был, цыганистый...

— Убили!.. Сам сорвался с трапа, разбился о камни. Колосов прыгнул за ним, вытащил. Да поздно...

— Сорвался!.. Да Прохоров — кровь с молоком. Его в цирке пусти по канату бегать, — не сорвется!..

Мне передавали, что кое-кто считал меня повинным в случившемся

Работали мы теперь без выходных, кочегаром у Кати был Смоликов. И уставали мы больше, чем всегда.

Санька, каждую свободную минуту и с любым человеком обсуждая обстоятельства смерти Игната, говорила напрямик, значительно выставляя вперед пухлый, с ямочкой посередине подбородок:

— Слепому ясно, что Прохорова убили! Весь вопрос: кто и за что?! Но убийцу рано или поздно обязательно найдут!

Тетя Нюра вздыхала, качала головой, глядя на Саньку. Однажды все-таки сказала ей:

— Ты, девка, Игнашу поминай да жалея, а глупости своей не выказывай.

— По старости ума ничего вы не понимаете, бабушка! — отмахнулась Санька.

— Подрастают кадры! — насмешливо хмыкнул Енин, смешно свернув на сторону свой утиный нос.

— По старости ума!.. — передразнил Саньку Миша Пирогов. — Ты бы хоть сама-то слышала, что говоришь!..

— Извините, тетя Нюра! — спохватилась Санька.

Как-то ночью приснился мне отец. Он разговаривал с Игнатом, с которым, — даже и во сне я понимал это, — не был знаком. Отец, широкоплечий и грузный, сидел за столом в своем кабинете, курил.

Он разговаривал с Игнатом так, как обычно разговаривал со мной. Однако странно говорил отец:

— Больно, конечно, Игнат, что ты умер так рано!.. За Катю не беспокойся, ведь мы-то живы, по-прежнему рядом с ней. А если кто-то виноват в твоей смерти, мы обязательно найдем его и накажем! И потому, что такие преступления нельзя оставлять безнаказанными, и потому, что мы все помним и любим тебя!..

И вот уже не Игнат, а я сам сидел перед отцом, видел его лицо, глаза... И у меня было всегдашнее ощущение уверенной и умной силы, исходящей от него, передававшейся мне. Оно не пропало даже и после того, как отец сказал чуть виновато:

— Вчера, Серега, мне повезло: случайно купил «паркер» тринадцатого года! — Не сдержался, улыбнулся удовлетворенно.

И хоть мне всегда казалось необъяснимо-странным это детское увлечение отца коллекционированием авто-ручек, я втихомолку порадовался его удаче.

Проснулся... Чего только не приснится?.. Но все так: и о Кате забывать нельзя, как бы она себя ни вела по отношению ко мне, и за смерть Игната надо наказать по заслугам!.. Мне стало спокойнее, как будто я и впрямь поговорил с отцом.

Стараясь не потревожить Смоликова, осторожно нащупал пачку сигарет на тумбочке, спички, закурил. И в свете вспыхнувшей спички увидел, что Смоликов не спит. Зажег свет, кинул Смоликову сигареты со спичками. И когда он тоже закурил, я спросил:

— Болен ты, что ли, Иван Иванович?

— Что не сплю-то? — сразу поняв, сказал он.

— Слушай, Иван Иванович, давно хочу спросить, как это получилось, что ты кочегаром на кране работаешь столько лет?

— Нам где бы ни работать, лишь бы не работать. Покалечила война меня...

— Так ведь столько лет прошло...

— А ты видел, чтобы оторванная нога заново отросла?

Смоликов не женат, живет один, у него комната в городе. И никому из нас о его личной жизни толком ничего не известно. Только раз в году, после окончания навигации, у него обязательно случался двухнедельный, а то и месячный запой. В остальное время он к вину не притрагивался, даже на поминках Игната не выпил ни капли.

— А не пробовал... ну, как-нибудь выбраться из этого состояния?

— Почему не пробовал? Был случай, женился даже. В другом городе это было, на юге...

Этого я не знал... Да и никто из нас.

— Дети, наверно?

— Какие там дети?! Пустил бы по миру... Ребенка ведь на ноги поставить надо.

— Женщина, если она любит...

— Женщина тоже человек, ее уважать надо, а не мучить.

— Семья — это двое, как один...

— Она плакала, любила, пришлось мне сюда на край света уехать. И сейчас иногда пишет... Не могла у нас быть такая семья, когда двое — как один. Из-за меня не могла.

Я глядел на него... Неожиданно у меня выговорилось:

— Не думал я, что у тебя, Иван Иванович, так... сложно и тяжело, прости!..

— И ты не обижайся: молод еще... Вот поживи с мое.

Я загасил сигарету.

— А что тебя, Иван Иванович, в войну особенно... покалечило?

— А точно и не знаю... — он тоже тщательно погасил окурок. — Самое удивительное — даже ни разу не был я по-настоящему ранен, так, пустяки... Только ведь, знаешь, когда все время живешь под страхом и душишь его в себе... Ты не верь, что есть люди, которым страх неведом, его только автоматы не знают! Ну, идешь через линию фронта, потом берешь «языка», возвращаешься с ним... Когда передохнешь пару деньков, а когда и по новой сразу назад. Три месяца как-то просидел с рацией в бункере. Это — самое тяжелое, пожалуй, было. Это, брат, смертная тоска, сам себя покусать готов! «Морген, морген, нур ниht хойте, — заген алле фауле лейте». Перевести?

— Завтра, завтра, только не сегодня, говорят все ленивые люди. Так? — спросил я.

Он кивнул:

— Дословно... Следователь Кузьмин, конечно, будет вести расследование, но у него ведь не один Игнат, работенки Кузьмину хватает, народишко здесь разный... Да и хотелось бы своими руками поговорить с теми, кто Игната убил!.. Не кривись, я не ребенок, давно догадался. Да и видел кое-что... Крановый прожектор помог. Развернул я кран, чтобы ваше купание осветить, и увидел, что ты не топишь, а спасаешь Игната.

— Но ведь я мог спасти его, до этого столкнув с трапа?

— Я сам спускал лодку с понтона, видел, что трап свисает, кто-то отдал одну оттяжку. А потом проверил, на месте он стоит, только растяжка обычным узлом затянута.

— После поправили на морской?

— И это видел.

— Чего ж молчал? А я следователю Кузьмину сказал.

— А еще кому?

— Больше никому.

— Почему ты думаешь, что я Кузьмину об этом не сказал?..

Я затаился, привычно-автоматически прислушиваясь к работе крана, спросил Смоликова:

— А не видал кого подозрительного около трапа на берегу?

— Позавчера крутился какой-то худощавый, когда ты к Мирошникову уходил.

— Мужчина?

— По движениям — баба или девушка, фигурой похожая на мужчину.

— Как же бабе одной трап поднять, поставить его снова на место?

— Бабы тоже разной силы бывают...

Я встал, начал одеваться. Уже в дверях я приостановился, обернулся к нему, спросил:

— Ты говорил, что своими руками хотел бы напоследок поговорить с теми, кто Игната убрал?

— От хотения до делания — дистанция огромного размера. И вообще этого разговора у нас с тобой не было!

— Забыли!

Я зашел на кран. Енин с Пироговым работали, к дневной смене баржа будет готова, как и положено по графику.

Когда снова вернулся в каюту и уже раздевался, вдруг увидел на кухне Катю. Она сидела на табурете, сжавшись сиротливым комочком. Почувствовала, что в дверях кто-то есть, подняла голову, посмотрела на меня ненавидяще.

— Может, на другой кран хочешь перевестись? — неожиданно для себя, шепотом спросил я.

Лицо ее из горестно-потерянного постепенно стало удивленно-растерянным. Однако она сказала раздельно и четко:

— Не думай, что тебе удастся избавиться от меня таким путем.

— Катя, я ведь люблю тебя.

Она не ответила.

7

На следующее утро, работая вместе со мной на кра-не, Санька вдруг сказала мне совсем по-взрослому:

— Странно вы, мужчины, устроены...

От удивления я даже обернулся, посмотрел на нее. И внешне Санька сейчас была другой: пухлые губы ее — без помады, ресницы и брови — не накрашены тушью, глаза внимательно и будто жалея глядели на меня.

— Чем же странно-то?

— Ты, Серега, зря думаешь: если мне девятнадцать еще через три месяца будет, так, значит, дура душой!

— Да что ты, Санька, когда я про тебя так думал?

— Думал, думал, я не слепая! Ты, конечно, взрослый мужчина...

— Да я всего на пять лет старше тебя.

— Это, конечно, нормальное соотношение, когда девушке — девятнадцать, а парню — двадцать четыре... — Она густо покраснела, но глаз не отвела. — Но что касается тебя, Серега, то у тебя уж такой склад характера... Ну, взрослый, что ли... — Опустила наконец глаза, договорила: — Счастливой будет та, которой удастся за тебя замуж выйти! — Снова посмотрела на меня: — За тобой, Серега, проживешь жизнь, как за каменной стеной!..

Я смутился и спросил глупо:

— Что значит — удастся?..

— Не родись, знаешь, красивой, а родись счастливой. Когда растешь в детдоме без папы-мамы, то пораньше начинаешь о жизни задумываться, делать кое-какие выводы.

Она вздохнула и продолжала:

— Если трудно тебе, не говори, а только, что такое особенное есть в нашей Кате, если уж начистоту? Игнат ее любил, ты вот тоже... Ну, красивее меня она, ко-

нечно, так ведь сколько красивых по жизни вековухами мыкается?! Или, того хуже, плачут от своих кормильцев, будь им неладно! За другим кормильцем глаз да глаз нужен: и чтобы получку не пропил, и к другой не побежал, и из ребенка хулигана не вырастил на собственном примере!

На кромке берега давно уже гудел очередной самосвал, но я почему-то слушал Саньку, пока она же и не сказала мне:

— Кинь тонн сто, а потом, если надумаешь, ответишь на мой вопрос.

Я кивнул ей, продолжал работать. Когда на берегу не оказалось самосвала, повернулся к Саньке. Она все так же выжидательно смотрела на меня, точно наш разговор и не прерывался.

— Не знаю, Саня.

— Зови уж меня Санькой. Хоть я и малолетка, но сердце-то и у меня есть. — В лице ее что-то опять неуловимо изменилось, она вдруг сказала: — Да будет ли когда-нибудь у тебя такая знакомая, которая не почувствует себя малолеткой рядом с тобой?

— Катя вон не чувствует.

— Потому что она еще не видит тебя. — И спохватилась: — Ой, чего это я козыри тебе подсовываю?! — Задумалась, усмехнулась: — Нет, это я правильно делаю, по-человечески.

— Да, Саня, правильно и по-человечески!.. То есть Санька.

Уже гудел самосвал, а мы с Санькой все продолжали смотреть друг на друга.

— Я, конечно, Серега, на танцы бегаю, и вообще у меня полно знакомых парней, это я тебе, не хвальнось. Но ни с одним еще... у меня ничего не было.

— Я верю, Санька.

— Нет, правда?! Только честно! Ну, работай-работай. Ты только не забудь, что с отцом меня обещал познакомиться!

— Не такой у нас с тобой сегодня разговор, чтобы я забыл.

И она неожиданно, очень серьезно ответила:

— Спасибо, Серега! — Снова покраснела, заторопилась: — Ну, работай-работай... — И засмеялась: — Ты вон — непрерывно странный: сын секретаря горкома, а простым крановщиком пилишь... — Мигнула, перестала

улыбаться, попросила: — Прости, Серега, оговорилась я! — Снова по-взрослому пояснила: — Впадаю я еще иногда в детство. Девятнадцати мне еще нет...

— Ты и так прямо-таки на глазах взрослеешь.

— А это и я сама чувствую. И больше не оговорюсь, слово тебе даю, Серега! И вообще... никогда тебе за меня стыдно не будет! Ни разу в жизни, Серега!

— А вот за это уж — тебе спасибо! — И я начал снова спешно работать.

В остальном смена была обычной. И мы с Санькой, как всегда, успели выгрузить баржу. Только однажды она сказала:

— Громом меня разрази, Серега, не могу понять!

— Что именно? — И сам заметил, что уже по-новому, серьезно слушаю ее слова, отвечаю ей.

— Пусть Катя еще и не видит тебя, ну вот... как я. Но как она всерьез может думать, что ты угробил Игната? А, Серега?!

— Этого я и сам не могу понять.

Санька прищурилась, проговорила медленно и задумчиво:

— Что же она тогда за человек, наша Катя Соколова?..

Я вздохнул, пожал плечами.

И сказал ей то, о чем будто подспудно думал всю смену:

— Слушай, очень это будет странно выглядеть, если я как-нибудь схожу с тобой на танцы?

Она покраснела, отодвинулась. Даже вдруг попыталась натянуть на колени свою коротенькую юбку. Но спросила уже так, как и разговаривала со мной в эту смену:

— В каком смысле странно?

— Ну, с чего это вдруг — я и на танцы?!

— А-а-а?!

— Что — а-а-а?

Санька выговорила поспешно:

— Возраст у тебя — нормальный для танцев, в клубе строителей и лысые дедушки бывают. — Чуть покривилась: — Репутация у меня, конечно... — Снова посмотрела прямо в глаза мне: — Но я тебе правду сказала.

— Ну, тогда сегодня вечером и пойдем.

Санька спросила без улыбки:

— А танцевать-то ты хоть умеешь?

— А иначе какая бы у меня причина на танцы идти?

— Да, действительно, какая?.. Что это я опять запятовала: видела ведь, как ты танцуешь. Для танцев, конечно, ты кавалер средненький, но уж сделаю тебе снисхождение: начальство как-никак, механик крана.

— Уж как мне тебя и благодарить, Санька?!

— А ты — подумай, может, что путное придумаешь.

Мы сдали, как обычно, смену, вымылись, сели за стол обедать. Катя ела и читала какую-то книжку. И верзила Смоликов, конечно, молчал, ел с аппетитом. Тетя Нюра вздохнула:

— Что-то позабыл нас этот вежливый следователь?..

— А чего ему о нас помнить?.. — равнодушно и негромко спросил Смоликов. — Это для нас Прохоров был свой человек, а у следователя таких дел — десятки. Закрыв очередное, то есть про Игната, поскольку все тут яснее ясного, и начал следующее.

— Радость у меня, тетя Нюра! — сказала неожиданно Санька. — Уговорила я наконец-то Серегу пойти со мной на танцы сегодня вечером.

— А что?! — обрадовалась тетя Нюра. — Нельзя, Сереженька, все бирюком на кране в глуши сидеть. Горе, конечно, так ведь и отвлекусь когда надо! — Глянула искоса и коротко на Катю.

Катя продолжала есть и читать свою книжку... И Смоликов не поднял головы от тарелки... «От хотения до делания — дистанция огромного размера...»

— Не опозорить бы мне только Саньку, тетя Нюра, ногу бы кому не отдавить!

— Санька к любимым кавалерам привыкла!.. А ты — человек воспитанный.

Смоликов сказал:

— Ты сам берегись, чтобы тебе не отдавили ногу, не подсовывай ее по неопытности под чужой каблук.

— Ну, спасибо, тетя Нюра, — я встал, пошел к радиотелефону, отчитался за смену перед Аллой Викторовной.

— Не удалось мне, Колосов, побывать сегодня у вас на кране, — сказала она. — Целый день у Панферова с инъектором мучаемся... — и замолчала выжидательно.

— Да у нас все в порядке, не беспокойтесь, пожалуйста.

— Ну, до ночного пересменка, — помолчав, сказала она, повесила трубку.

Я пришел в каюту. Тетя Нюра мыла посуду на кухне, улыбнулась мне:

— Иди-иди, попляши для разнообразия.

В нашем кубрике были Смоликов и Санька. Санька уже надела свое единственное выходное платье, синее с каемкой белых кружев по воротнику и концам рукавов. На стройных ногах — тонкие чулки, лакированные туфли. Светлые и коротко остриженные волосы были причесаны как всегда, будто с нарочитой небрежностью. Санька спокойно и деловито доставала из стенного шкафа мой костюм, белую рубашку, галстук, аккуратно раскладывала все это на моей койке. А на полу уже стояли рядышком мои выходные ботинки.

— Ты, Саня, лицо накрась, как всегда, — вдруг сказал Смоликов.

— Что, дядя Ваня? — Санька резко крутанулась на каблучках, оборачиваясь к нему, тотчас поняла, кивнула согласно: — Ага!

Какое-то растерянное у Саньки лицо, будто испуганное даже, словно она готовилась к чему-то важному, исключительному...

— Я достала все твое, — нерешительно выговорила она, чуть покраснела: — Знать бы раньше — отгладила бы тебе костюм. Редко вы пользуетесь своим выходным костюмом, товарищ механик крана! Зависелся он в шкафу!

— Серега — выгодный муж будет, — так же ровно выговорил Смоликов и вдруг сел на койке, спустив на пол свои длинные ноги: — Вспомнил, что курево кончается. Прогуляюсь с вами до магазина, в компании — и мне веселее, — и начал неспешно одеваться. — Куда поведешь-то нас? — спросил он Саньку. — В село или в поселок строителей?

— Для такого долгожданного и коллективного выхода подавай нам центральный клуб строителей, а?! Одевайся скорей, Серега! Буду уж сегодня экскурсоводом у вас, старички заплесневелые!..

8

У Саньки оказалось все предусмотрено, для моих и своих выходных туфель даже были приготовлены два целлофановых мешочка.

— Иначе нельзя, Серега, — пояснила она. — Приходится к обстоятельствам приспособливаться.

Смоликов тщательно выбрился, тоже надел выходной костюм, рубашку с галстуком. И неожиданно оказался высоким представительным мужчиной, даже интеллигентным с виду, молчаливо-вежливым. И равнодушно-неподвижное лицо его с сонными глазами сейчас казалось уже не то задумчивым, не то просто усталым. Санька долго и удивленно рассматривала его, по-птичьки наклоняя голову к плечу, сказала:

— Гролом меня разрази, дядь-Вань: вылитый ты сейчас наш учитель математики! — Зорко прищурила свои серые глаза: — Темнишь ты что-то нам всем...

Все так же шумел дождь за стенами каюты, пол ее привычно покачивался согласно поворотам работавшего крана.

— Да и ты, Сереженька, совсем другой в этой одежде, — вздохнула тетя Нюра; помолчала, добавила неожиданно: — Сидим мы тут на краю света в темноте и сырости, а добрые-то люди каждый день в такой одежке разгуливают. Эх, жизнь-житуха наша!.. Ну, ладно, я-то старуха, а вы на что годы свои молодые размениваете?

— Если ты, дядь-Вань, только в магазин, чего же костюм, рубашку, галстук на себя напялил?

— Хоть я и заплесневелый старик, конечно, Саня, но хоть на минутку загляну в клуб, полюбуюсь на отдыхающих.

— Ну, ладно, экскурсовод, поехали веселиться, — сказал я Саньке.

Она стрельнула глазами на Катю, демонстративно взяла меня под руку, пропела громко:

— С такими кавалерами мне еще не приходилось красоваться!..

По трапу на берег я пошел первым... Все было в порядке: тросовые растяжки нормально закреплены за костыли бревна. Мимоходом оглянулся на Смоликова. Так и видно было по его лицу: ни о чем он сейчас не думал.

Шофер первого же самосвала, увидев Саньку, распахнул дверцу кабины, заулыбался:

— Санечка!.. Лезь ко мне, голубка, двадцать километров греть буду! — И замолчал, наткнувшись глазами на меня, на Смоликова, вежливо и чуть удивленно поздоровался.

— Садись ты рядом с ним, — шепнула мне Санька.

Я влез первым в высокую и просторную кабину, пожал руку шоферу. Лицо его мне было знакомо, но имени его я не знал. Влезла Санька, уселась рядом со мной, захлопнула дверцу:

— Газуй, Гринька!

— Слушаюсь, мадам!

Самосвал тронулся осторожно. Гринька включил фары дальнего света, сплошные струи дождя опять напомнили мне стеклярус... Вот и дорога, темные и молчаливые стены леса по обе стороны от нее, подступившие вплотную. Трясти стало меньше, Гринька прибавил скорости, привычно и ловко съезжая в обочину, чтобы пропустить встречные порожние машины. Они шли мерным и непрерывным потоком на наш причал за песком.

— Вас к прокуратуре подвезти, механик? — вдруг спросил Гринька.

Лет ему столько же, сколько и мне. И в армии он служил, наверно. Плотный и сильный парень, лицо обветренное, продолговатое, глаза светлые, лихие...

— Пока до клуба подбрось.

— А Смоликова тоже свидетелем вызвали?

— Да вроде того...

Гринька по моим ответам понял, что дальше спрашивать об этом неудобно. И он решил просто занять нас разговором.

— Второй год работаю на строительстве химкомбината. Мерзну на снегу, мокну под дождем, подкармливаю мошку. И не перестаю удивляться собственной странности: не тянет меня что-то отсюда на родину. Что я здесь, озолочусь? Не похоже. Такая у меня потребность в бумаге, чтобы я собственными руками целый комбинат в тайге строил? Да я за редким исключением всю жизнь могу без листка бумаги прожить и не охнуть. И ведь не турист я по натуре... И вся моя предыдущая жизнь, за исключением героических годов службы в армии, прошла на солнечном юге. Почему же я к этому унылому и дикому месту душой прирос?!

— А мы все — почему? — спросила Санька.

— Странное существо — человек. Ну, чего, спрашивается, не жилось мне под теплым крылышком родной маменьки?.. И место у нас курортное. А я пришел из армии, пару месяцев попил сухого вина досыта, так уж досыта, Санечка! Шоферу в винодельческом совхозе, кругом люди радуются, а мне, дураку, скучно. Родная ма-

менька углядела, конечно, что с ее сыночком после армии какая-то неполадка начинается, решила меня женить. Средство это, известно, испытанное. Ну, и я, конечно, не против. Тем более что маменька приглядела сыночку голубку вот вроде тебя, Санечка. Лизнул пару раз в щеку, сахаром отдает. Ну, дальше — больше, и голубка моя на все, вижу, согласная. К тому же — студентка она, учится в плановом институте. Вот на этом первом я и споткнулся. Призвание у нее, наверное, такое — плановиком быть. Вижу, она жить не может, чтобы наперед нашу с ней будущую совместную жизнь не запланировать. На десять пятилеток вперед. Я проверяю на ошупь ее здоровье, а она — планирует! И не только нашу с ней жизнь, но и меня самого незаметно запрограммировала: как-то вдруг обнаружил, что стою вместе со старухами за прилавком, помогаю отдыхающим здоровье укреплять, продаю фрукты. Не только с маменькиного садика, но уже и с голубкиного. В общем — окончательно загрустил я... Даже голубкины щечки перестали сахаром отдавать. К тому же будущий тесть мой заставил меня крышу на их особняке перекрывать. Разговорились мы с ним на высоте по летнему времени, взял я его за плечики, встряхнул, подержал над воздухом. А он — в авиации не служил, привычки к высоте не имеет, обиделся. А тут кореш мой, вместе служили, кинул мне письмецо отсюда, с химкомбината: «Так, дескать, и так, может, прогуляешься, куда Макара телят не гонял?..» А что, думаю, почему бы мне по молодости лет и слабому здоровьишку, подорванному сухим вином, и действительно не поглядеть на это самое местечко? Может, хоть пойму, откуда поговорка эта про Макара пошла? Собрал вещмешок, посидел с приятелями за столом, успокоил маменьку... и — отбыл с легкой душой... Ну, мы-то с тобой, Санечка, слегка обученные, а механик ведь — институт, я слышал, заканчивает.

— Здесь притормози, у клуба, — сухо сказала Санька, открыла дверцу.

Я поблагодарил Гриньку.

— Макара-то встретил? — крикнула ему снизу Санька.

— А?.. Так он же сюда телят не гоняет, кормить их здесь нечем, так и в поговорке сказано. — И включил двигатель, поехал, захлопнув дверцу.

Двухэтажное каменное здание клуба располагалось в центре поселка, раскинувшегося пологой дугой вдоль

озера. Сейчас, в сентябре, сумерки наступали рано, в семь часов вечера было уже совсем темно. Редкие лампочки поселка были неспособны разогнать густую, будто вязкую от дождя темноту.

Только места строительства химкомбината были щедро залиты ярким светом.

Подъезд клуба был широким и просторным, с далеко вперед выступавшим козырьком, обрезанным косо, будто пожницами. Здание было современное, из бетона и стекла, способное украсить улицы любого города.

— Тютелька в тютельку! — удовлетворенно говорила Санька, блестя глазами. — К самому началу бала поспе-ли! — Мы с ней стояли на ступеньках подъезда под козырьком.

Она сбросила с себя дождевик, стряхнула с него воду. Рядом с нами парни и девушки разговаривали, чему-то смеясь. Многие из них здоровались с Санькой, она кивала и улыбалась им в ответ. И со мной тоже здоровались, некоторые называли меня по имени.

— Где же наш заплесневелый? — нетерпеливо говорила Санька. — Или он прямо в магазин за своим куревом поехал?.. Ты, Серега, постой тут, подожди его на всякий случай, а я пойду билеты куплю.

— Подожди, вот деньги... И на дядю Ваню купи.

Она убежала, легко распахнув широкие, сплошь за-стекленные двери.

Ко мне неспешно подошли два парня. Один был ростом с меня, второй — низенький.

— Здорово, механик! — высокий протянул мне руку.

Я кивнул в ответ, пожал ему руку.

— Пашка, да Серега не узнает нас! — засмеялся низенький, пожимая мою руку. — Шофера мы с Пашкой, каждый день видим тебя на кране.

— В лицо-то я многих знаю, а вот познакомиться с каждым — не успеть, — ответил я.

— Что верно, то верно, — густым и спокойным басом отвечал Пашка, протянул мне раскрытую пачку «Памира»: — Закуривай «нищего в горах».

— Спасибо, — я взял сигарету из пачки, прикурил от готовно протянутой мне сигареты Виктора.

Подлетела раскрасневшаяся Санька с билетами в руках:

— Наш дедушка прибыл?

— Здесь я, Саня, — тотчас ответил откуда-то сбоку

Смоликов, подходя к нам.— За табачком заезжал,— в громадной руке его было несколько пачек махорки.

— Глянь, Витек, Смоликов!

— Культпоход у них, Пашенька!

— Саньке здесь кавалеров не хватает!

— Для резерва с крана начала прихватывать.

— Сразу по парочке!

— Затанцует одного, ухватит второго.

За стеклянными дверями, легко распахивавшимися в обе стороны, тоже переговариваясь и смеясь, стояли парни и девушки. Сбоку была касса, напротив около прохода за невысоким барьером сидела молоденькая билетерша. Не глядя на входивших, привычно-автоматически отрывая края протянутых ей билетов, звонко смеялась в ответ двум парням, что-то говорившим ей. На рукавах у них были красные повязки дружинников.

— Приветик, Сонечка,— сказала Санька девушке, кивнула на нас со Смоликовым: — Эти — со мной, — и протянула билеты.

— Приветик, подружка! — так же ответила ей девушка, отрывая контрольки наших билетов.

Один из дружинников вытянулся, опустил руки по швам:

— Позвольте вас приветствовать, королева бала!

— Вольно! — ответила Санька.

— Борис, объяви по местному радио, что можно начинать: Саня прибыла! — нарочито значительно проговорил второй парень.

— Подождите минутку! — не задумываясь, отвечала им Санька. — Нам еще переодеться надо.

— Есть подождать минутку!

Вестибюль был громадным, с высоким потолком, с портьерами на окнах. Пол и колонны красиво отделаны керамической плиткой. По периметру потолка — лампы дневного света.

— Ну, как, заплесневелые? — торжествующе спросила Санька.

— Действительно, Иван Иванович, — вздохнул я. — Живем мы с тобой, как медведи в берлоге!

— Комбинат не на один год строится, — спокойно ответил Смоликов.

За длинным барьером несколько девушек быстро и деловито принимали от пришедших одежду, развешивали на крючки вешалок, молча протягивали номерки.

— Ботинки переодень, Серега,— шепнула мне Санька, повернувшись к стене, стала снимать резиновые сапоги. Я снял свои рабочие ботинки, надел вместо них выходные, достав их из целлофанового мешочка.

Санька, отвернувшись, подтягивала чулки. А всего неделю назад она запросто задирала свою коротенькую юбку при нас со Смоликовым... Как это она сказала мне сегодня утром?.. Да: «Потому что она еще не видит тебя...» Посмотрел на Смоликова. Чисто выбритый, в выходном костюме, рубашке с галстуком, он действительно был похож сейчас на школьного учителя. Вежливо и терпеливо молчал, ожидая нас с Санькой. И даже стоял сейчас Иван Иванович как-то интеллигентно, что ли... Лицо его было все таким же неподвижным и глаза равнодушными, но я видел, что он тоже заметил это новое в поведении Саньки.

— Ну, я готова! — радостно объявила Санька, весело и тревожно глядя на меня, крутанулась на каблуках, снова вопросительно посмотрела на меня.

— Красивая ты девушка, Санька,— серьезно ответил я ей.— У нас на кране за работой и человека не разглядишь.

Мы сдали вещи в гардероб, взяли взамен номерки. Если посмотреть на вешалки: на работу пришла очередная смена, повесила верхнюю одежду.

А по просторному вестибюлю неспешно разгуливали нарядно и модно одетые люди, никакого отношения, казалось, не имевшие к одежде, висевшей в гардеробе.

— Охо-хо, Серега! — вздохнул Смоликов: — «За работой человека не разглядишь...» А здесь он тебе виднее, если каждый нарисовал себя, как только умеет?

— Ты прав, Иван Иванович, но ведь приятно на таких вот молодых и нарядных поглядеть?

— Это другой разговор.

— Боря! — через весь вестибюль звонко крикнула Санька парню с красной повязкой на рукаве, стоявшему у входа.— Я готова, объявляй!

— Слушаюсь, Санечка! — готовно ответил он.

И тотчас, будто это действительно от него зависело, загремела веселая и бодрая музыка.

— Спасибо, Боренька! — радостно закричала Санька.

— Всегда рады стараться! — отвечал он.

— Ну?! — Санька повернулась ко мне, взяла меня за обе руки.

— Прямо-таки чудеса ты творишь, как в сказке! — так же радостно ответил я ей.

— Сказочные чудеса, конечно, тоже зрелище, — сказал Смоликов. — Только лучше, когда заранее о них знаешь, чтобы не растеряться от неожиданности.

9

Зал тоже был большой, залитый ярким светом. Под потолком висели гирлянды бумажных разноцветных флажков и фонариков. В разных местах наверху были граненые зеркальные шары. Они медленно вращались, освещенные тонкими лучами прожекторов, радужно переливаясь. Народу было много, парни и девушки уже танцевали, другие — тоже, как в любом клубе любого города — еще стояли вдоль стен зала. На просторной эстраде, способной вместить сотню артистов, играл джаз-оркестр. Музыканты, в большинстве — тоже молодые, были одеты в одинаковые строгие черные костюмы, белые рубашки с черными галстуками. На дирижере был длиннополый фрак... Даже странно было сейчас, видя все это, под звуки музыки представить себе, что за стенами этого зала — глухая тайга, дождь и безлюдье на сотни километров!..

Санька, словно расслышав мои мысли, сказала быстро, будто хвастаясь:

— Вот в этом зале полтыщи человек может поместиться, а когда концерты устраиваются — стулья в зале ставят, совсем как театр он получается, да-да!.. И кинозал здесь есть такой же большой, и библиотека, и театральная студия, разные кружки самодеятельности, даже кройки и шитья, даже курсы молодых хозяек...

— Позволь, Саня, — неожиданно и точно смущаясь, проговорил Смоликов. — Хоть и в рабочих я, правда, ботинках, но они ведь у меня довольно чистые? Так?..

— Конечно, чистые! — сказал я.

— Ну-ну, дядь-Вань! — поторопила Санька, и я впервые увидел, что она умеет по-женски кокетливо, лукаво улыбаться.

— Ну-ну, дядь-Ваны! — повторила Санька, подмигнула мне.

— Когда-то мне, Сань, приходилось танцевать... Много лет, правда, с той поры прошло, но не подведу я тебя, не беспокойся.

И Санька мгновенно стала снова обычной девчонкой, вопросительно и смущенно глянула на меня.

— Потанцуйте, пожалуйста,— согласился я.

— Сама хотела просить тебя об этом, дядь-Вань!

Смоликов стоял перед ней и ждал, опустив руки. После ее слов кивнул, ловким и вежливым движением взял ее за правую руку, другой прикоснулся к спине Саньки, легко и ловко повел ее. По залу разносились плавные и грустные звуки старинного вальса «На сопках Маньчжурии», голова Смоликова виднелась над всеми, танцевал он даже красиво. И лицо Саньки уже было самозабвенно-радостным. Движения Смоликова и Саньки получались удивительно согласованными, оба они будто чутко перекладывали в свои движения плывшую над залом грустно-задумчивую мелодию. На них оглядывались. Трудно нам все-таки приходится в этой командировке, если обычные танцы в клубе, да еще после рабочей смены, двадцатикилометрового пути по ухабистой дороге, способны доставлять нам радость.

Оркестр перестал играть, ко мне подошли Санька и Смоликов.

— Знаешь, Серега, а дядь-Вань просто классно танцует, уж никак не могла подумать! — удивленно и восхищенно выговорила Санька, блестя глазами, обернулась к нему: — И где ты только мог так научиться водить даму?!

Смоликов внешне безразлично осмотрел своими выпуклыми серо-голубыми глазами сначала людей, стоявших вокруг меня, потом задержался глазами на мне. И только после этого поглядел на Саньку:

— Ты проживи с мое, дочка, не только плясать жизнь научит.— Пояснил вежливо и неспешно: — Я ведь уж полвека прожил.

В зале стало тихо. На эстраду к микрофону вышла невысокая стройная девушка, модно одетая и причесанная. Весело и радушно улыбнулась, проговорила певуче:

— Я от лица всех девушек объявляю дамский танец!

Снова заиграл оркестр, свет притушили, из углов зала протянулись тонкие сиренево-синие лучи к вращающимся граненым зеркальным шарам. Они радужно засветились, по стенам зала и лицам людей заскользили веселые разноцветные зайчики. А я почему-то растерялся. Уже всех парней, что стояли рядом со мной, девушки пригла-

силы танцевать. И к Смоликову подошла женщина лет сорока, сказала негромко:

— Вы уж простите меня...

— Очень рад, спасибо! — тотчас ответил он ей; и они пошли в круг.

А Санька стояла рядом со мной и молча смотрела куда-то в сторону... Постепенно свет в зале погас совсем, а зеркальные шары под потолком завращались быстрее, зайчики от них бежали теперь веселым хороводом...

— Простите, девушка, — негромко и смущенно проговорил паренек, подходя к Саньке; будто споткнулся, не находя слов, — договорил быстро: — Позвольте пригласить вас.

— Спасибо, — вежливо ответила Санька. — Только я уже... — и потянула меня за руку.

Миша Пирогов часто восхищался, как здорово Санька танцует. Сейчас она молчала, в свете бегущих зайчиков я видел ее серьезно-значительное лицо. Она не смотрела на меня, но я скоро понял, что целиком подчиняюсь ее движениям. Впервые в жизни, кажется, мне было так приятно просто танцевать.

Когда оркестр замолк, в зале снова зажегся свет, и Санька, чуть нагнув голову, пошла впереди меня к той колонне, где мы втроем стояли до этого, я сказал в спину ей:

— Я никогда еще так... приятно не танцевал, честное слово!

Она ничего не ответила мне, не обернулась, только еще чуть ниже наклонила голову.

Смоликова около колонны не было.

— Вон дядь-Вань, — тихонько сказала мне Санька.

И я увидел Смоликова шагах в десяти от нас около окна, задернутого портьерой. Он разговаривал с той женщиной, которая пригласила его танцевать. На ее лице была взволнованная улыбка.

Я взял Саньку за руку. Ее пальцы чуть подрагивали, и стояла она, почти повернувшись спиной ко мне, но руку не отбирала.

— Здравствуйте! — весело и громко произнесла Вера Миронова, подходя к нам, протягивая мне руку. — Наконец-то и вы, Сергей, выбрались в центр галактики, — она засмеялась. — Помогите нам разрешить спор, — и обернулась назад: — Ну, где вы, мои оппоненты?

Вера работала инженером в конструкторском бюро

треста, строившего комбинат. Была она невысокой, шупленькой, продолговатое худенькое лицо ее быстро меняло выражение.

— Вот они, противники мои! — насмешливо выговорила она, глядя на Боровикова и Симагину.

Высокий, ростом со Смоликова, только поуже в плечах, Боровиков язвительно оттопыривал толстые губы, шурил маленькие глазки. Он работал техником на монтаже приборного цеха комбината. Может, потому, что Боровикову приходилось иметь дело с тонкими и капризными приборами, или такова особенность его характера, но не только в лице его, а казалось, даже в аккуратно отглаженном костюме без единой пылинки, белоснежной рубашке, тщательно завязанном галстукe сквозила ироничность: приборы — это вам не краны или топоры, прошу, дескать, не забывать, дорогие товарищи!..

— Наш критик, — высокая и тоненькая Симагина, будто вытянувшаяся девчонка-старшеклассница, указала на Боровикова, — утверждает с присущим ему апломбом, что люди сюда в тайгу приехали по двум причинам: в погоне за деньгами или в силу случайности, а?!

Симагиной было уже за двадцать, она успела окончить в Москве химико-технологический институт, сейчас возглавляла лабораторию качественного анализа, большую и сложную. Но и в манере говорить, и во всей тоненькой узкоплечей фигурке, и в лице так и виделось что-то детски-наивное.

— Мы с Симагиной, Сергей, — быстро заговорила Вера, — научно подразделили всех прибывших сюда на несколько категорий. Первая, — она, подняв руку, загнула тоненький палец, — энтузиасты. Вторая — перекасти-поле. Третья — погоня за рублем. Четвертая — действительно случайное стечение обстоятельств, вследствие которого некоторые из нас и оказались здесь.

— Простите, Вера, — сказал я. — В таком случае я не могу уловить, почему же они — и Боровиков, и Симагина — ваши противники!

— Потому что оба они впадают в крайности.

В зале играла музыка, свет постепенно угасал, заметнее и ярче делались крутившиеся хороводом зайчики от зеркальных шаров под потолком.

— Если смотреть в корень, — глуховато проговорил Боровиков, — то привели сюда людей или деньги, или случайность.

— Позволь, а где же нормальное для всякого человека простое желание быть полезным другим людям, обществу, стране? — горячо перебила его Симагина.

— Допустим, человек любит свою специальность, — обстоятельно, точно и не слыша слов Симагиной, продолжал Боровиков. — Тогда он ищет, где может применить себя с наибольшей пользой, так?.. А где же, если не здесь, на новом и большом строительстве, и в результате — получается повышенная зарплата, так?..

Я чувствовал, что Санька давно уже и нетерпеливо пожимает мою руку, понимал, что ей хочется снова танцевать, но не мог уйти, не возразив Боровикову, чем-то меня раздражавшему.

Санька вдруг повернулась к Боровикову:

— Очень прошу вас: пригласите меня, пожалуйста, потанцевать!

Боровиков растерялся, Миронова и Симагина засмеялись. Тогда он сказал поспешно:

— С удовольствием! Простите, что раньше не сообразил, — и они с Санькой ушли танцевать.

— Поскольку главный мой оппонент бежал с поля боя... — начала Миронова.

Но тотчас к ней и Симагиной, приглашая их танцевать, подошли двое парней.

— Простите, Сергей, — успела сказать мне Вера.

— Не уходите отсюда, — сказала Симагина. — После танца приведем Боровикова, доспорим.

Мне давно уже хотелось курить... Да и поведение Саньки чуть ли не обидело меня. И я решил, что пока они танцуют, выйду в курительную комнату.

В длинном пустынном коридоре остановился, немного не дойдя до курилки, стал жадно закуривать. Вдруг свет в коридоре погас, и сразу же чей-то вкрадчивый, незнакомый голос произнес сзади:

— Кончай, Серега, играть в КВН.

Я только что бросил в урну потухшую спичку, хотел обернуться к говорившему, но сильный удар по голове чем-то тяжелым и мягким, будто резиновым шлангом, заставил меня сначала сильно пошатнуться, а потом и сесть на пол, такими вдруг непослушно-ватными сделались ноги...

Едва различимый звук быстрых шагов, снова вспыхнувший свет в коридоре.

Наконец я сообразил, что сижу на полу, прижимаюсь

спиной к стене, обеими руками упираюсь в пол, чтобы не свалиться на сторону...

— Ах ты, Серега! — огорченно проговорил надо мной Смоликов. — Как же это я проглядел, а?!

— Что там... на голове? — выговорилось у меня.

Он осторожно, одними пальцами, отвел в сторону волосы, ответил с облегчением:

— Просто шишку набили... Пустяки. Давай-ка поднимайся, незачем внимание привлекать, — взял меня двумя руками под мышки, легко поднял, прислонил спиной к стене: — Стоять сам можешь?

— Могу, кажется...

— Не тошнит?

— С чего это?

— Первый признак сотрясения мозга — тошнота.

— Выключили свет в коридоре, предупредили, чтобы перестал играть в КВН и...

Я заставил себя отодвинуться от стены: стоять мог, и голова не кружилась, только вот шумело в ней и затылок болел, точно кипяток на него лили.

— Наверное, свинцовой трубкой они тебя... Ну-ка, иди по коридору, а я погляжу.

Я сделал несколько шагов. Стены и пол коридора надежно стояли на своих местах.

— Здоровеньким тебя отец вырастил, ничего не скажешь, — одобрительно проговорил Смоликов.

Я обернулся к нему, спросил:

— Как там твой веселый старшина говорил?.. «Второй раз — спотыкается?..» Может, покурим, Иван Иваныч?

— Нет, тебе придется потерпеть пару часиков. И вообще, знаешь, поедем-ка домой.

— Зачем, да я в порядке, ты не бойся!..

— Вот чудак: поучили тебя, а ты — урок понял, на дальнейшее учел, сбежал домой. Может, сейчас нам Кузьмина найти?.. Впрочем, нет, полошить наших «друзей» ни к чему, еще заметят, что к Кузьмину мы направились. Сейчас Санька прибежит, ты, — он чуть улыбнулся, — просто оступился, задел, скажем, головой о косяк.

— Понял.

Он помолчал, потом ни с того ни с сего сказал:

— Просьба у меня к тебе, Серега... Ты, конечно, не такой, но с нами, мужиками, случается... А у Саньки к тому же и ножки аппетитные. Не делай ты из нее мимоходом бабу, а?..

— Это ты зря.

— Да я знаю. Просто...

— Ну, ладно, поехали с бала домой.

И в это время в коридор вбежала Санька. Сначала крикнула обрадованно:

— Вот ты где, Серега! — Тотчас остановилась, зорко щуря свои быстрые глаза, переводя их с меня на Смоликова, снова на меня. Будто все и сразу поняв, спросила: — Ты обиделся, Серега?..

— Что ты, Санька?.. Просто вышел покурить с Иван Ивановичем, да оступился, задел головой о косяк.

Она медленно подошла ко мне, попросила тихонько:

— Ну-ка, наклони голову.

— Да ничего нет, вот чудачка...

Она обеими руками взяла мою голову, подула на волосы, как ребенку, потом сказала:

— Приличненькая шишечка! Больно?..

10

Комсомольская конференция строителей химкомбината, посвященная окончанию лета и подготовке к зиме, проходила в том же клубе, в котором несколько дней назад мы с Санькой и Смоликовым были на танцах.

На наших четырех кранах было двадцать три комсомольца. Еще когда мы уходили из порта вниз по реке в эту длительную командировку, ребята выбрали меня комсоргом группы. Накануне конференции мне позвонил по радиотелефону секретарь комитета комсомола строительства Саша Костылев, рассказал о предстоящей конференции, о своем докладе. Извинился, что больше одного пригласительного билета они нам на краны послать не могут, и так в комитете боятся, что делегаты конференции не поместятся в зрительном зале клуба. Попросил, чтобы тот, кого мы пошлем с кранов на конференцию, обязательно выступил на ней.

С грехом пополам, что называется, мне удалось собрать на кране Наташи Левашовой восемнадцать комсомольцев. Я рассказал ребятам о разговоре с Костылевым. Они высказали свои пожелания и замечания, решили, что на конференцию от нас должен поехать я. Особенных претензий у нас ни к транспорту строителей, ни к флоту не было: и автомашины, и баржи с грузами подавались к нашим причалам строго по расписанию. Но Тихон Сотников с крана Левашовой, — на их причал шел цемент в бумаж-

ных мешках,— сказал, что не на всех автомашинах строителей имеется брезент. Не покрытые им мешки с цементом за двадцать километров пути по тайге под непрерывным дождем должны промокать, цемент — портится. Нужно сказать об этом на конференции. Братья-близнецы Локтевы с крана Петухова,— их причал перерабатывал баржи с кирпичом,— наказывали напомнить строителям: не всегда хватает контейнеров из стальных прутьев, без них бой кирпича на ухабистой дороге значительно превышает норму. Да и замедляется сама погрузка его на автомашины. Веселый крановщик Золотов с крана Панферова пошутил:

— Мы, конечно, для строителей — сфера обслуживания, почти что официанты, но ведь и официанты — люди.— И прищурился.— Уж чего книг на нас жалеют? Как бы мы не разучились читать.

И я обещал передать конференции нашу просьбу: пусть библиотека строителей присылает нам на кран книги и журналы.

Когда приехал на конференцию, вошел в клуб, разделся, опять удивился странному противоречию: в гардеробе клуба — ватники, дождевики, в фойе — нарядные и веселые молодые люди, никакого отношения, казалось, не имевшие к этой рабочей одежде.

Подошел Леня Казаков, протянул мне руку, быстро сказал:

— Буду выступать, хочу поблагодарить, Сергей, команду вашего крана за бесперебойную подачу песка для печей. Через месяц, почти на полгода раньше срока, одну уже задуем, опробуем!

— Если похвалите, нам это не помешает.

— Здравствуйте, Сергей! — Ко мне подошла Вера Миронова, широко и свободно улыбаясь: — Что же сбегали тогда с танцев?.. Ну, ничего, мы с Симагиной и вдвоем Боровикову мозги вправили!

Я извинился за тот побег, объяснил, что мы торопились на смену.

По клубному радио пригласили в зал. Мы с Верой сели на свободные места в одном из последних рядов.

В углу большой сцены стояла кафедра с микрофонами, вдоль стены — стол президиума, стулья к нему. На сцену вышел высокий и широкоплечий, цыганисто-черный Саша Костылев. Дотянулся к микрофону, объявил конференцию открытой. Дождлся, весело улыбаясь, пока

смолкнут аплодисменты, предложил выбрать президиум. Я увидел на сцене известного всей Сибири каменщика Виктора Шалимова, невысокого, коренастого, с мальчишеской белобрысой челочкой. Начальника строительства химкомбината невысокого и полного Рудакова. По его большим, улыбающимся глазам было очень заметно, как он рад видеть сейчас в зале лучшую молодежь со строительства.

— Кто эта нарядная дама? — спросил я шепотом Веру, глазами показывая ей на высокую и красиво одетую женщину, севшую за стол рядом с Костылевым; в ушах ее поблескивали серьги, седые волосы были аккуратно причесаны, на руке — браслет.

— Да это же Морозова! — удивленно ответила мне Вера.

Много я слышал о главном инженере строительства Надежде Ивановне Морозовой, читал ее научные статьи, но ни разу не видел.

— Уж больно железные приказы отдает иногда Морозова, — сказал я Вере.

— Наверное, в этом есть необходимость. — И Вера усмехнулась: — Вы, Сергей, не засиделись в глуши на своей реченьке?

— Есть отчасти... Только простите, Вера, не реченька, а река! Одна из самых больших в мире!

— Ну-ну, речной патриот, я и не хотела вас обидеть!.. Если думаете выступать, Сергей, то пошлите сейчас записку в президиум: желающих будет много, можете не успеть.

Я вырвал листок из блокнота, написал, что прошу слова, аккуратно сложил записку, дотронулся до плеча впереди сидящего.

Какой-то парень, не обернувшись ко мне, взял записку, передал ее дальше.

Костылев сначала читал свой доклад, потом, разгорячившись, говорил уже без бумажки, заглядывая в написанное только для того, чтобы справиться с цифрами. Мы часто хлопали его словам, и я, как все другие сейчас в зале, испытывал то же радостно-приподнятое чувство уверенности и значительности происходящего. Хотя Саша говорил не об одних только успехах... Пожалуй, столько же, если не больше, он говорил и о недостатках, которые еще имеются, советовался, как лучше их преодолеть. Просто все мы понимали, что в том громадном деле, которое

начато здесь, в тайге, некоторые ошибки и трудности неизбежны, но ведь не они определяли общее настроение людей и картину строительства.

После доклада Саши был короткий перерыв, потом выступала бригадир монтажников Зина Аквилева, рассказывала, как они собираются работать на открытом воздухе в морозы. Закончила, ей хлопали, а она все не уходила с трибуны. Когда аплодисменты затихли, побавровевшая от смущения Зина, сначала спотыкаясь, а после уже уверенно прочитала стихи, написанные ею о строительстве химкомбината. И хотя в стихах ее не было ничего особенного, зал хлопал Зине долго и оглушительно.

Такие же громкие и продолжительные аплодисменты были и после выступления парторга строительства Павлищева. Он тоже не только хвалил комсомольцев, по количеству — основную массу строителей, но и критиковал — иногда дружески, а когда — и строго. В выступлении Павлищева было нечто такое, что всех, сидевших сейчас в зале, непостижимым образом приподнимало над обычным уровнем нашей жизни, показывая все величие стройки, будущие горизонты и ее, и самого комбината. Так и казалось: комбинат — уже построен, тайга вокруг — преобразилась, вся страна знает о строителях комбината, а продукция его — полновесной долей входит в общее дело всей страны!

Леня Казаков успел выступить до перерыва, похвалил, как и обещал, наш кран.

В часовой перерыв мы быстро пообедали, а потом в фойе клуба точно сами собой возникли танцы. Мы танцевали с Верой, она прошептала:

— Мама так боялась, когда я уезжала сюда, а вот увидала бы она сейчас все это, поняла бы меня...

Четвертым после перерыва получил слово я. Когда шел по залу к трибуне, то будто спиной чувствовал сотни взглядов. Поднялся на трибуну, подождал, пока в зале станет тихо, заставил себя успокоиться. Сказал обо всем, о чем меня просили ребята.

В перерыв я быстро пошел в курительную комнату. Людей в коридоре было много, в курительной комнате все просто не могли поместиться, стояли здесь вдоль стен, громко разговаривали, смеялись, спорили.

— Здравствуйте, Сергей Сергеевич. — вдруг услышал я голос Кузьмина, повернулся к нему. — Вы хорошо выступили! — сказал он. — Дельная, толковая речь.

— Здравствуйте, Виктор Трофимыч, спасибо,— я крепко пожал его руку.

— Ну, как вам живется-работается? — спросил он.

— Да нормально, Виктор Трофимович, и живется и работается. Что новенького у вас?

— Ничего, к сожалению, Сергей Сергеевич,— он даже пожал плечами, улыбаясь чуть виновато.

— А я порадую вас, Виктор Трофимыч.— Я рассказал ему о том, что случилось несколько дней назад в этом же коридоре.

Кузьмин внимательно выслушал меня, потом попросил, как Санька тогда:

— Ну-ка, наклоните, пожалуйста, голову,— аккуратно и бережно отвел в сторону мои волосы, вздохнул: — Да, похоже на удар свинцовой трубкой. А сейчас болит голова?

— Да побаливает временами, вот приходится даже с собой носить,— я вытащил из кармана таблетки от головной боли.

— Может, врачу бы вам все-таки показаться?

— Да теперь уже ни к чему, Виктор Трофимыч... Да и, знаете ли...

— А интеллигентный человечек вами занимается...

— Ну, о передачах «Клуба веселых и находчивых» знает каждый...

— Надо будет порыться в нашей картотеке, да и навести справки в других городах: не прибыл ли к нам какой-нибудь опытный гастролер?.. Действительно, порадовали вы меня.— Вдруг коротко и зорко глянул на меня, спросил: — А Екатерина Александровна Соколова ничего не говорила... Ну, не вспоминала хоть чего-нибудь такого об Игнате Прохорове, что могло бы навести нас на след этого интеллигентного преступника?

Вокруг нас стояло много куривших, но все они громко разговаривали, смеялись чему-то своему, им было не до нас. А мы с Кузьминым разговаривали очень тихо.

— Катя по-прежнему находится в очень тяжелом состоянии, никто из нас не решается просто напомнить ей об Игнате... А уж тем более — я.

— Да, понимаю. Ну, всего доброго,— Кузьмин кивнул мне, пошел, вдруг обернулся: — Запомните-ка, Сергей Сергеевич, на всякий случай мои телефоны, рабочий и домашний.

— Сейчас запишу,— я полез за книжкой в карман.

Он тихо назвал мне два телефона.

— Когда поедете в следующий раз в поселок, предварительно позвоните мне домой или на работу, Сергей Сергеевич, не посчитайте за труд.

— Хорошо. Может, и вам сказать, как вызвать меня по радиотелефону?

— Это я знаю.

11

Шла уже третья декада сентября, дней через десять, самое большее через две недели, река должна была встать. День был таким коротким, что без электрического освещения нам удавалось работать всего два или три часа. Вся широченная гладь реки была сплошь подернута шугой, едва передвигавшейся вниз по течению. В свете лампочек и прожектора река даже казалась скованной льдом, неподвижной. Дожди продолжали идти, но когда ослабевали на час-полтора, особенно чувствовался холод, вплотную приблизившаяся зима... В тихой заводи между понтоном и берегом была сплошная корка льда, из нее там и тут высывались углами затонувшие гранитные глыбы. Обледенел и трап, идущий с понтона на берег, теперь он располагался еще круче; вода в реке убывала. В свете прожектора бревна, окантовывавшие верхнюю кромку берега, блестели, будто обернутые целлофаном. Поблескивали и кузова самосвалов, крыши их кабин.

Как всегда в последние дни навигации, работа была особенно напряженной, ведь снабжение строительства материалами по реке приостанавливалось до середины мая. Надо было успеть доставить все, что еще можно. Баржи с песком шли непрерывно одна за другой. Мы едва успевали поесть. Сашка Енин уныло качал головой, кривил на сторону свой мягкий утиный нос:

— С такой работенкой, будь она проклята, до межнавигационного отпуска хобот не дотянешь, нет!..

Снова у нас дымила и пищала лента феррадо муфты сцепления, мы никак не могли выбрать хотя бы час, чтобы отрегулировать ее. Грелись подшипники колечатого вала машины, их тоже было некогда перебрать. Если они расплавятся, кран вообще выйдет из строя. Я дал эскизы в механический цех строительства, по ним нам выточили бронзовые запасные вкладыши, но, чтобы переставить их и отрегулировать, надо было полсмены. Но хуже всего,

что нам приходилось работать на одном инжекторе, гнавшем свежую воду в котел крана: конусы второго съела вода. Запасных конусов не было ни на одном из наших кранов. Я снова обратился к начальнику механического цеха Ване Пушкареву, но нужной марки стали для конусов у него не было. Пришлось позвонить в комитет комсомола строительства к Саше Костылеву, он нашел нужную нам сталь. Но геометрия конусов была очень сложной, а точность обработки их — высокой, механический цех портил одну заготовку за другой, мы же сидели, как на иголках: если наш последний инжектор выйдет из строя, придется гасить котел, спускать из него воду. Потом снова растапливать топку котла, заполнив его предварительно свежей водой, поднимать до нужного уровня давление пара в нем, — все это потребовало бы около двух суток. Вода подкачивалась инжектором в котел каждые полчаса, — вот весь резерв времени, который у нас имелся, если только инжектор откажет.

Эта продолжительная и напряженная работа в трудных условиях Севера сказывалась и на здоровье нашей команды. Первой простудилась тетя Нюра: ей приходилось, разогревшись у плиты, часто выбегать на палубу за дровами или еще за чем-нибудь. Она как-то сказала мне:

— Хороший ты парнишечка, Сереженька, а только — аю: последняя это моя навигация: ищи себе нового шкипера!.. Чего ты кривишься, ты лучше рассуди: мне уже без двух годков шестьдесят, всю жизнь я на нашей матушке-реченьке! Дай ты мне перед закатом моего солнца хоть годок-другой покантоваться пенсионеркой. Или не заслужила я? То-то, сынок!

И Сашка Енин примолк, прекратились его обычные шуточки. И Санька не смеялась уже над ним. Заметно осунувшийся Миша Пирогов, улучив свободную минутку, садился рядом с топкой на кучу угля, штудировал свои учебники. Часто обращался ко мне с вопросами по математике и физике.

Смоликов, кажется, спал теперь поменьше, но был все таким же молчаливым и замкнутым. Как-то ночью — мы с Ениным теперь работали в вечер или ночь, а Катя — только днем, — я проснулся оттого, что к привычному для меня шуму работавшего крана, покачиванию понтона, плеску воды о его борта, гудению северного дождя неожиданно примешался какой-то новый звук: точно жалобно скулил щенок. Зажег в кубрике свет, этот тревож-

но-непривычный звук тотчас пропал. Смоликов лежал на своей койке, закрывшись одеялом с головой, повернувшись к стене. Только выпиравшее бугром его плечо под одеялом мелко-мелко и неудержимо дрожало. Я встал, подошел к нему, положил руку на плечо. Оно дернулось, точно по телу Смоликова прошла конвульсия, и дрожь прекратилась.

— Что ты, Иван Иванович?

Он полежал еще неподвижно, потом проговорил, чуть сдвинув одеяло с лица:

— Плохо мне, Серега...

— Тоже простудился, что ли?

Он с трудом и медленно, точно больной, повернулся на спину, глянул на меня странно мерцавшими, провалившимися глазами:

— Тоска, Серега.

— Фу ты, черт! — с облегчением проговорил я, стал закуривать.

— Тоска... — медленно повторил он, все так же странно мерцая глазами. — Отдохнуть бы мне надо, Серега.

— Фу ты, черт! — Я приглядывался к этому новому и чем-то неприятному мне выражению его глаз. — Какой же сейчас может быть отдых, Иван Иванович? Потерпи уж еще недельки две, поднимемся в порт, возьмешь очередной отпуск, а то можешь и в межнавигационный, если пониженная зарплата тебя не пугает.

— Да мне, Серега, физический отдых не требуется, мне нервами отдохнуть надо.

Я догадался:

— В запой, что ли, уйти?

— Ну да, — просто ответил он. — Нервы-то на это время мне и отпустит.

— Вот, значит, почему ты после навигации регулярно...

— Ну да, — повторил он.

— Ведь, наверно, есть какое-нибудь лечение и кроме питья?

— А почему? — спокойно спросил он. — Во хмелю я — тихий, пью на свои, пью во время отпуска, а через месяц такого самостоятельного лечения, когда и через две недели, я снова человек на год.

— Вот что, Иван Иванович! — вдруг решил я. — Краповщиком ты работать можешь, сам сколько раз ви-

дел, как уверенно ты держишься за рычаги. Попробуй, а?.. Тебе это было бы вроде трудотерапии. Ну, согласен?

— Да ведь у меня удостоверения крановщика нет, Серега, случись даже какая мелочь, тебя же засудят.

— Это уж мое дело, Иван Иванович.

— Ну, если так — спасибо тебе, Серега! Я и сам сколько раз подумывал... Дай-ка и мне закурить...

А Санька не только перестала ежевечерне убегать на танцы, но и на работе стала внимательней, сосредоточенней. Ни разу не вспомнила она ни про наш разговор на кране в день поездки на танцы, ни про случай в коридоре, ведущем к курительной комнате. Только однажды, когда я сидел за рычагами, сняв от жары шапку, Санька подошла ко мне сзади, ласково провела пальцами по волосам, спросила негромко:

— Чем же это они все-таки тебя?

Я обернулся, посмотрел ей в глаза:

— Говорил же я тебе...

— Ну-ну.— И улыбнулась вдруг мне, как старшая.

— Хоть и молчание не всегда бывает не лучше, но лучше уж помолчи, чем врать мне, понял? — И отошла снова к топке котла.

В тех новых отношениях, которые вдруг возникли у меня с Катей точно сами собой, Санька вела себя повзрослому умно: просто отстранилась, никак и ничем не мешая ни мне, ни Кате.

Как-то мы с Санькой сдали вечернюю смену Енину с Мишей, поужинали вчетвером: тетя Нюра теперь по вечерам лежала в своем кубрике, закрывшись с головой одеялом, лечилась от простуды и ревматизма. Катя вдруг подняла голову от стола, посмотрела прямо в глаза мне, сказала негромко:

— Мне, Серега, надо поговорить с тобой...

Смоликов тотчас поднялся из-за стола, у Саньки задрожал подбородок.

Выходя вслед за Катей, я обернулся. Смоликов внимательно глядел на меня.

Катя стояла в нашем общем кубрике у стола, одной рукой опираясь о него пальцами, второй ритмично и неспешно крутила конец растрепавшегося локона своих светлых волнистых волос. Молчала, неподвижно и пристально глядя своими голубыми глазами в пышных ресницах на черный иллюминатор.

Я сел за стол напротив. Хотел закурить и почему-то не мог решиться...

Эту привычку Кати крутить пальцами концы волос мы с Игнатом заметили сразу, как только она появилась у нас на краше. Странно было видеть этот совершенно детский жест у красивой и гордой девушки. Игнат спросил Катю тогда:

— Это ты чтобы в парикмахерскую лишней раз не ходить?

— Что? — Катя посмотрела на него, и ее лицо стало медленно краснеть. Отдернула руку от волос, смутилась еще сильнее, но сказала с вызовом:

— Ну, а если и так?!

— Прости, если обидел,— проговорил Игнат.

И сразу же мы с Игнатом увидели Катю другой,— по-детски незащищенной.

— Сама понимаю, что глупо, да от многих еще детских привычек никак не могу отделаться!

Тогда мы с Игнатом еще не знали, что Катя в ответ на шутку Игната сказала нам с ним о главном в своей жизни. Ее отец — профессор древней истории в нашем педагогическом институте, мать — никогда не работала, часто болеет. Помню, как тетя Нюра не могла понять, что заставило Катю пойти на эту нелегкую работу. Тетя Нюра сказала Кате:

— Дурочка ты, однако. Плохо ли под крылышком папеньки с маменькой? Выдали бы они тебя замуж за... достойного человека, всю жизнь каталась бы как сыр в масле! А тебя, чудика, эва куда занесло!

Катя внимательно и строго посмотрела тогда на тетю Нюру, на нас всех, ответила:

— Я уже, тетя Нюра, каталась как сыр в масле, считаю, что хватит на мою долю, надо мне когда-то и нормально пожить! Вот как вы, как все другие живут.

Не только у тети Нюры, у Саньки, даже у меня сначала было такое ощущение, что Катя — случайный человек на нашей работе. Ключет ее разок жареный петух, что называется, и убежит она. Один Игнат, кажется, сразу все понял и как-то сказал мне:

— Жизнь — сложная штука, Серега. Ты вот погляди... Странно, конечно, что девочка из такой обеспеченной жизни сама пошла после школы не в институт, а на работу, да еще выбрав потруднее. А с другой стороны — что здесь странного? Ты вон хоть на себя самого огля-

нись, так?.. Смешно, конечно, сравнивать нашу Катю с теми дворянскими дочками, которые в прошлом веке уходили в народ. Параллель здесь неуместна. Просто приятно, когда молодой человек решает жить не захребетником, а как все, не оглядываясь на всякие разные шансы.

В ту первую навигацию у Кати многое не получалось, она часто нервничала, даже плакала... Люди у нас на краях работают разные, некоторые безжалостно смеялись над ней, называли барынькой и белоручкой.

А Катя работала, сжав зубы, перемогаясь.

После навигации ушла в отпуск, тетя Нюра усмехнулась:

— Похоже, не увидим мы больше нашей голубушки.

Но Катя вернулась из отпуска снова в порт, стала работать на ремонте и монтаже кранов. Она окрепла физически, уже не обижалась по пустякам, не плакала. И мы все как-то неожиданно стали уважать ее. Особенно, когда Катя пошла и в следующую навигацию. Та же тетя Нюра только и сказала:

— По-разному, конечно, жизнь у людей складывается...

Игнат вздохнул тогда:

— И дальше еще, конечно, будет из Соколовой Катя-Мурочка выскакивать временами, да уж теперь пореже и не так нахально.

Я ответил ему:

— Твоя, Игнат, заслуга.

— Ну-ну, Серега...

Вот именно тогда, наверное, и только глазами мы с Игнатом и сказали друг другу о нашем отношении к Кате.

— Я позвала тебя, Серега,— начала наконец-то Катя,— чтобы, во-первых, попросить у тебя прощения, да-да! А ты закури, закури, я же вижу, что хочешь.

Я глупо кивнул ей, поспешно и жадно закурил.

— За то просить прощения,— повторила она,— что обидела тебя подозрением... ну, насчет Игната! Да и за то, вообще, как вела себя все эти дни по отношению к тебе. И поблагодарить тебя хочу. Если бы не ты, кто его знает, что бы учудила... Сама, конечно, выбрала этот путь, которым иду, но не все еще, Серега, получается у меня. А свернуть с этого пути я уже не могу!.. Может, и свернула бы, да часто мне моя маменька на ум приходит, понимаешь ли.— Она презрительно усмехнулась:—

Мой отец — настоящий ученый, по призванию ученый, а не из-за степени и денег. Но он мог бы сделать в своей жизни значительно больше, будь у него другая жена. Плохо, что я о матери так говорю?.. Ты думаешь, моя мама — больная? Нет: просто распушенность и нервы, мягкость отца — без памяти он любит ее, привык жить под ее каблуком. Ну, а оправдаться как-то надо, если непрерывно гостишь в жизни, вот и напридумывала маменька себе болезней, понимаешь ли...

— Да ты сядь, Катя.

— А?.. Да-да.— Она села, снова стала крутить пальцами локон, выговорила медленно, почти по складам: — А тут еще — это горе с Игнатом! Ну, за что меня так бьет жизнь, Серега?! — Она опять долго молчала, вздохнула глубоко: — А я, наверное, пошла в отца, однолюбка. Поэтому очень я прошу тебя, Серега, постарайся забыть, что любишь меня, а?.. А то ведь во мне мамочкиного еще много осталось: могу не выдержать, выйти за тебя замуж по расчету, а потом ты и будешь мучиться со мной всю жизнь, как мой отец с маменькой. Кому нужна такая семья?

— Что ты, Катя!

— Ну, понял наконец-то?! А ведь как человек — ты не хуже Игната. Игнат был красивее тебя, да ведь для любви красота — не самое главное, понимаешь ли. Спроси меня, какое лицо было у Игната, я и не скажу. Разным оно бывало у Игната, разным и всегда — любимым, родным. Было и есть, всегда для меня будет! Поэтому очень прошу тебя, Серега: будь добр, забудь меня. А в порт вернемся, я переведусь на другой кран.

— Хорошо... Постараюсь...

— Ну, а теперь второе, зачем я тебя и вызвала. После смерти Игната я была как в чад, сам видел. Потом постепенно стала понимать, что к чему.— Вдруг она поднялась, шагнула к двери, рывком распахнула ее: в коридоре никого не было. Катя вернулась, плотно прикрыв дверь, снова села.— Зря, выходит, погрешила, думала, Санька подслушивает. Вот на ком тебе, Серега, надо жениться, уж поверь мне.

— Да я сам знаю, что Санька хорошая.

— Послушай еще два слова. Я так решила: если сейчас убийца Игната не обнаружится, останусь на строительстве комбината. Тем более что я, может, единственная, кто его в лицо знает.

— В лицо?

— Да. Погоди. Были мы с Игнатом в поселке, ждали попутную машину. Вдруг к Игнату подходит невысокий шупленький мужчина лет пятидесяти. Здоровается с ним, спрашивает так это елейно: «Не узнаешь, Игнаша?» Игнат отвечает: «Что ты, папа, я тебя на всю жизнь запомнил!»

— Папа?

— Потом мне Игнат сказал, кличка у Воронова такая, из-за него Игнат в тюрьму угодил.

— А почему Игнат мне ничего не сказал?

— Да это всего за два дня до его смерти и было. И ведь из-за меня у вас с Игнатом отношения не всегда нормальными были, так?.. Нет-нет, еще два слова, Серега, «Папа» попросил меня отойти, дать им с Игнатом поговорить, но Игнат сказал ему, что от меня у него секретов нет. Тогда Воронов прищурился, и я увидела, что над левой бровью у него маленький шрам. Потом извинился, вежливо попрощался: «Так я и думал, Игнаша, что ты окончательно перекуешься. Зря, выходит, побеспокоил и тебя, и твою даму. Ну, извините. И, конечно, ни ты, ни твоя дама меня сейчас не видали, Игнаша, ты меня знаешь!..» И пошел себе.

— Извини, Катя, мне не верится, чтобы Игнат...

— У нас с Игнатом в день его гибели был разговор. Мы решили, что отработает Игнат ночную смену, а наутро я попрошу тебя поработать за меня, а мы с Игнатом — в поселок строителей, в милицию. Только Папаша, выходит, опередил нас. Он человек опытный, Игнат говорил, даже с высшим образованием, когда-то инженером работал, понимаешь ли.

— Что ж ты все эти двенадцать дней молчала?

— Не до этого мне было, Серега: я сама решала, стоит ли мне без Игната жить.

Ночь Енин с Пироговым отработали нормально. Только раза два или три я просыпался оттого, что привычный слуху рабочий шум крана нарушался. Просыпался и несколько секунд лежал неподвижно, гадая: лента феррадо, вкладыши подшипников машины или инжектор?.. Но каждый раз через несколько секунд работа крана восстанавливалась, я тотчас засыпал снова.

В одно из таких пробуждений заметил, что Смоликов курит.

— Чего ж не спишь? — спросил я.

Он слегка улыбнулся:

— Ты, Серега, с краном, как баба с малым дитем: сама вроде и спит, а чуть ребеночек в своей кровати пошевелится или вздохнет не так, она и открывает глаза.

— Надо же как-то нам доработать, Иван Иванович...

— Что и говорить! — вздохнул он.

У меня все еще побаливал затылок, и спать хотелось. Может, и поэтому еще болит голова, что не успеваю я выспаться? Достал из тумбочки таблетку от головной боли. Вставить за водой не хотелось, разжевал таблетку, проглотил. Потом закурил:

— Чего же не спросишь, о чем Катя со мной беседовала?

— Пару дней назад ты обещался меня в крановщики произвести, или запомятовал, Серега?

— Почему запомятовал? Вот сегодня с утра и начнешь.

— Ну-ну!

Я воспроизвел свой разговор с Катей. Он выслушал, не задавая никаких вопросов. Я спросил:

— Выходит, Воронов поучил меня для порядка, а главной у него остается Катя?

Смоликов вздохнул:

— Человек он, видать, опытный, со стажем: на горбу небось много веселых историй висит, мог обеспечить себя на всю жизнь, если бы ушел в подполье. Да уж не уйти ему, больной он, вроде алкоголика. А что касается меня, Серега, кокнул бы я его просто, как неизлечимого, освободил бы людей от этой гнили,— спокойно и ровно, как о самом обыденном, проговорил Иван Иванович.

Я растерялся:

— А много, наверное, приходилось тебе, Иван Иванович, в войну... вот так просто кокать?.. Ладно, давай спать. А то завтра у тебя рычаги в руках запрыгают.

— Насчет этого ты, Серега, не беспокойся... Спи, механик.

Перед завтраком я выбрал момент, когда Катя была одна в женском кубрике, сказал ей:

— Понимаешь, ночью просыпаюсь, а Смоликов лежит на койке, не спит, тоскует...

— Запой подошел? Надо бы дать ему за рычаги по-

держаться. Работать-то он умеет. Только ведь формально — тебе отвечать, если что.

— Придется рискнуть, Катя.

Первые несколько циклов Смоликов сделал нетерпеливо, и от этого они получились беспорядочнее, чем должны быть. Но скоро он вошел в ритм, только лицо его было непривычно-сосредоточенным, а глаза светились.

Сразу после завтрака позвонил по радиотелефону начальник механического цеха строительства Ваня Пушкарев, сказал удивленно:

— Это, кажется, опять Колосов?

Стараясь попасть в эту обычную для Пушкарева манеру разговора, я спросил:

— Уж не начальник ли механического цеха на проводе?

— Как вы догадались, Сергей Сергеевич?

— Чудом, Иван Владимирович.

— Я-то, собственно, в роддом звонил.

Никакого роддома на строительстве не было, а Пушкарев — не женат, хоть ему двадцать восемь.

— И кого ж родила ваша внучка, Иван Владимирович?

— Пять близнецов, Сергей Сергеевич.

— Поздравляю.

— Спасибо. — Он помолчал, спросил, с натугой вспоминая: — Не обещал ли я вам чего, Сергей Сергеевич?

— Да не помню что-то, Иван Владимирович.

— Стареем, Сергей Сергеевич.

— Совершенно верно, Иван Владимирович.

Он повесил трубку.

А я, зная Ваню Пушкарева, догадался, что звонил не попусту. Можно ждать конусы инжектора.

Привез их веселый Гринька. Высунулся из кабины, лихо сверкая светлыми глазами, крикнул:

— Получай подарочек, механик! — и ловко бросил на палубу понтона завернутые в кусок обтирки конусы.

Я стащил обтирку: Ваня прислал целых три конуса.

— Спасибо, Гринька!

— До чего ты дожид, механик, простому железу радуешься! — насмешливо ответил он. — Ну, бывай, Серега. Да, чуть главного не забыл: Санечке мой нижайший поклончик!

Никаких измерительных инструментов на кране, кроме обычного штангенциркуля, не было, а он в этом случае

не давал необходимой точности. Но я все-таки замерил основные параметры конусов: они были одинаковыми у всех трех и в первом приближении совпадали с размерами, указанными на чертеже.

Разобранный инжектор лежал на чистой тряпке, постеленной на столе общего кубрика. Мы с Санькой вымыли руки, сели за стол, стали вставлять новые конусы. Я собирал медленно и тщательно: невидимые геометрические оси конусов должны были точно совпадать с общей осью инжектора. Санька сидела рядом, прижималась ко мне плечом, готовно подавая мне деталь за деталью.

Я обнял Саньку за плечи и притянул к себе. Она закрыла глаза, плечи ее напряглись... А когда открыла глаза, в них была насмешка.

— Ну? — спросила она. — А что же дальше, механик? Чего же не поцеловал-то? У меня уж сердце от радости замерло.

Собранный инжектор мы установили на котел, опробовали: он гнал воду ровно. Я заметил, что все мы стоим вокруг котла, слушаем работу инжектора и облегченно улыбаемся.

Вдруг расхохоталась Санька:

— Ой-ой... Посмотрите на себя! Грязные-прегрязные, одни глаза да носы. А рот до ушей! И отчего, спрашивается, нас такое счастье охватило? Всего-навсего одна из железяк нашего крана исправно работает и — ничего же больше!

— До чего ты дожил, механик, простому железу радуешься, — повторил слова Гриньки Смоликов.

И только теперь мы услышали нетерпеливые гудки самосвалов с берега.

Когда мы с Санькой быстро пробежали по палубе понтона под проливным дождем, оказались под крышей каюты, Санька чуть придержала меня за рукав. Я посмотрел на нее. Санька молчала, внимательно прислушиваясь. Из нашего мужского кубрика доносился мерный хан Енина с Пироговым, у себя на кухне кряхтела тетя Нюра. Санька улыбнулась виновато, выговорила тихонько:

— Вот, знаешь, бывало, обидит меня кто в детстве... Вот обидит меня кто, наревушь вдоволь, потом лежу на своей кровати, с головой одеялом укурюсь и мечтаю, мечтаю! Все о том, как встретится мне наконец-то добрый человек. Все больше почему-то старушка какая-то мне виделась, маленькая, ласковая, с тихой улыбкой... И мне

сразу дела тось спокойно так, радостно. Я этой выдуманной старушке была готова, как говорится, ноги мыть и воду пить!.. До того я к этой старушке привыкла, что у нее скоро и голос, и лицо появились, а потом она пришло мне, сказала, что зовут ее Татьяной Петровной. И до сих пор, Серега, когда мне не спится, я свою Татьяну Петровну вызываю, послушаю ее добрые слова, погляжу на ее тихую улыбку — и засыпаю...

— Доброта, Санька, может быть, главная человеческая красота!

— Вот! — торжествуяще проговорила она, взяла меня за руку, крепко сжала ее.

Я пошутил неловко:

— Как бы тебе, кроме старушки, Татьяны Петровны, для сна и Серегу Колосова вызывать не пришлось?

После обеда к нам на кран пришел Кузьмин.

— Попал по делам на причал Мирошникова, дай, думаю, и старых знакомцев повидаю.

— Раздевайся-ка, садись к столу: горячим чайком напую, отогреться,— засуетилась тетя Нюра.

— Спасибо.

Когда Кузьмин напился чаю и мы с ним остались за столом вдвоем, он сказал:

— На этот раз и я, Сергей Сергеевич, с вестью: вчера хотели взять мешок с деньгами от инкассатора. Спугнули их, правда. Два неизвестных молодца. Но по почерку — Воронов их подослал. — И вздохнул: — Старый мой приятель. Воронов... Трижды я с ним встречался.

— И пока счет три — ноль в его пользу?

— Нет, два — один. В третий раз я его все-таки запечатал в лагерь. Его узкая специальность в последние десять лет, Сергей Сергеевич, деньги и драгоценности. А в городе ему, конечно, труднее, чем здесь. В городе и население постоянное, и милиции он давно известен. А здесь — деньги громадные, кругом — глухая тайга. Вот и прибыл на гастроли, как говорится. Это он посадил в молодости Игната. И думается мне, он и убил его!.. — Он достал из внутреннего кармана фотографию, протянул ее мне.

На фотографии был мужчина лет пятидесяти. Большеглазое и горбоносое лицо выглядело очень интеллигентно. Да, над левой бровью шрам.

Просторный, залитый ярким электрическим светом кабинет главного инженера строительства Надежды Ивановны Морозовой чем-то походил на свою хозяйку, был и нарядным, и строгим. Бросался в глаза ровно блестящий, натертый пол. От высоких дверей кабинета к большому столу тянулась широкая ковровая дорожка. На ней были следы, а паркет просто пугал своей музейной чистотой.

Мы четверо — Левашова, Панферов, Петухов и я — уже знали, зачем нас вызвала Морозова. Вчера Саша Костылев объехал наши краны, рассказал о просьбе строителей не уходить на зиму в порт, остаться на строительстве химкомбината. Каждый из нас мог уйти в межнавигационный отпуск, и кое-кто действительно уходил на зиму из порта. Но большинство, использовав свой обычный отпуск, работали зимой в порту, готовя краны к новой навигации, монтируя новые. Но одно дело — жить зиму в городе, приходя в порт только на смену, и совсем другое — через месяц снова вернуться на строительство, сюда, в тайгу, за тысячу километров от дома, работать до следующей осени. Саша Костылев объяснил нам, что Морозова предлагает размонтировать наши краны, снять их с понтонов. Понтоны на зиму поставить в затон строительства, а краны перевезти на стройплощадки, заново смонтировать их, работать на разгрузке железнодорожных вагонов.

Вчера же после разговора с Костылевым мы связались по радиотелефону с портом. И начальник его, и главный инженер, и секретарь парткома, и секретарь комсомольской организации порта просили нас не отказывать строителям.

Сейчас мы четверо да еще начальник мехцеха Ваня Пушкарев и Саша Костылев сидели вдоль длинного стола, торцом приставленного к столу Морозовой, а она говорила спокойно:

— У каждого из вас, товарищи, есть, конечно, свои планы на зиму.— Посмотрела на Наташу Левашову.— И дети, конечно, и семьи в городе. И каждый из вас вправе уйти в межнавигационный отпуск, так что мы можем только просить вас. Но очень уж нужны нам ваши краны, очень! Понимаете? — Высокая, седая, Морозова по-молодому, легко поднялась из-за стола, отдернула в

сторону занавес на стене, за ним была большая карта строительства.— Вот смотрите! — В руках Морозовой уже была указка.— Сейчас вот здесь,— она показала на ветку железной дороги,— у нас работают на разгрузке вагонов четыре крана «Январец», грузоподъемностью в десять тонн. Мы снимаем эти четыре «Январца», перебрасываем их на стройплощадки, а вместо них, на заранее сваренные нашим мехцехом круговые рельсы, устанавливаем стационарно ваши краны. Конечно, условия разгрузки вагонов ухудшаются: «Январцы» — на гусеничном ходу, ваши будут неподвижны. Но я уже договорилась с железной дорогой, машинист будет продергивать вагон за вагоном по мере разгрузки. Сейчас Иван Владимирович Пушкарёв, начальник механического цеха строительства, подробно познакомит вас и с конструкцией нового кругового рельса, установкой крана на него.

— Простите, Надежда Ивановна,— сказала Левашова,— позвольте мне...

— Прошу! — И Морозова вдруг совершенно по-женски лукаво улыбнулась, а я подумал, что в молодости она, наверное, была очень красива; всю свою жизнь Морозова кочует со стройки на стройку, а могла бы спокойно заведовать кафедрой где-нибудь в институте, жить хоть и в Москве.

Наташа спокойно поднялась из-за стола.

— Вы, Надежда Ивановна, оставите у себя наши краны, даже если команды уйдут в межнавигационный отпуск?

— Разумеется. Я на всякий случай уже договорилась с начальством порта, что беру краны на зиму по договору к себе. Душа не терпит, понимаете ли, чтобы такая прекрасная техника простаивала всю зиму! А что касается вашего законного отпуска, вы можете уйти с последним пассажирским транспортом в порт, отдохнете месяц у себя дома, вернетесь к нам поездом или самолетом.— Она вздохнула, глядя на Наташу.— У меня и у самой есть ребенок, товарищ Левашова. Задумаешься другой раз, как он там, в Москве?

— А муж ваш?

— Еще в войну погиб... Мой ребенок, конечно, постарше вашего, товарищ Левашова, у него у самого двое детей — да для меня-то он по-прежнему ребенок.

— Понятно, Надежда Ивановна.

— Да... Трудно доставлять сюда технику, товарищи.

Строительство, как вы знаете, громадное, сроки — короче желаемых, вот и приходится дорожить не то что лишним краном, а литром бензина! Ну, прежде чем я дам слово Пушкареву, нет ли каких вопросов?

— У меня, если позволите? — Я встал.

— А, Колосов. Слышала ваше выступление на комсомольской конференции.

— Я, Надежда Ивановна, еще студент-вечерник...

— Не знаете, как перевестись на заочное отделение? — насмешливо спросила она. — Или мне написать в институт, походатайствовать за вас? Или, того лучше, с отцом вашим поговорить по телефону?!

— Вы не поняли меня, Надежда Ивановна. — И я повторил ее слова: — Просто душа не терпит, понимаете ли, чтобы наши красавцы-краны работали стационарно.

— Ну?!

— На карте, как я вижу, четыре нитки путей. Вес нашего крана, правда, двадцать восемь тонн, но, может, вам удастся выпросить у железной дороги такие платформы? А в железнодорожный габарит наши краны вписываются...

Морозова коротко бросила мне:

— Спасибо, Колосов, садитесь! — И резко повернулась к Пушкареву: — Ну, Иван Владимирович, а где вы были?! Почему заставили меня унижаться перед железной дорогой, выпрашивать у них лишних полкилометра свободных рельсов для протяжки составов?! Почему за вас должен думать Колосов? Чтобы к возвращению крановщиков из отпуска их краны стояли на железнодорожных платформах, чтобы каждую — передвигала своя мотодрезина!

— Ясно, Надежда Ивановна!

Когда мы выходили из кабинета Морозовой, уже входили в него работники строительства. Мы остановились в коридоре покурить.

— Вот она, наша жизнь-жестянка! — сказал Панферов.

— Рыба здесь должна зимой ловиться! — сказал Петухов.

— Одно слово, мужики! — сказала Наташа. — Подледный лов, видите ли, их интересует, а как там детишки будут зиму в городе без нас?!

Постояли, закурили, разъехались по своим кранам на полутных машинах.

Мне пришлось пройти под дождем с полкилометра, чтобы выйти на трассу, ведущую к нашему крану. Первый же пустой самосвал, идущий к нам за песком, резко притормозил около меня, распахнулась дверца кабины. Я поднялся на высокую ступеньку, сел, захлопнул дверцу, поблагодарил машинально:

— Спасибо.— Даже не посмотрел на водителя, так уже был занят тем новым, что нам предстояло.

Не знаю, сколько мы проехали по ухабистой дороге: пустой самосвал подкидывало особенно сильно. Я курил, думал о работе крана во время жестокой здешней зимы: что-то нас ждет, впервые ведь придется работать в таких вот условиях! И о том, что неудачно получается с институтом, ведь пятый, последний, курс придется кончать заочно. Порадовался только, что скоро увижу отца. И вдруг услышал насмешливый голос Гриньки:

— Зазнался ты, механик, однако?

— Извини, Гринька,— сказал я и пожал ему руку, лежавшую на громадном руле.

— Слушай, Серега,— радостно проговорил он,— ты придержи руками за что ни есть: не выпал бы из кабины...

— Неужели голубка сюда едет? — сфантазировал я.

— Ну! — Он достал из внутреннего кармана измятую и запачканную маслом телеграмму, побывавшую, видимо, во многих руках.— Читай, Серега!

«Гришенька, не могу без тебя. Из института уволилась, еду, встречай. Твоя Галка».

Он бережно взял телеграмму, спрятал ее в карман.

— Рад за тебя, Гриша! Так мне и казалось, что зря ты на нее наговаривал.

Он долго молчал, глядя на дорогу перед собой. Было уже совсем темно, глухо гудела темная тайга, стоявшая вплотную к дороге. Гринька включил фары и ближнего, и дальнего света: весь мир, казалось, был заполнен сплошным стеклярусом дождя.

— Если бы не хватило у меня сил, Серега, уехать тогда из страны синих гор,— наконец заговорил Гринька,— не было бы у нас с Галкой жизни, уж поверь мне!

— Ты прав.

— Думаешь, мне легко было ждать ее здесь? А она ведь — красивая, не то что твоя Санька. Шучу-шучу, механик, это я от радости самоконтроль потерял. Другой раз ночью проснусь, аж зубами, веришь ли, скриплю:

в стране синих гор — полно курортников, так бы, кажется, и кинулся в самолет.

— Хватило сил вытерпеть?

— Не было у меня другого выхода, Серега! Первый шаг Галка моя уже сделала, дальше у нее должно легче пойти, а?!

— Правильно, Гриша! Только...

— Ну?! Договаривай!

— Ты все сделал правильно, и дальше у вас с Галкой, надо думать, пойдет легче, а только довольно жесткому испытанию ты ее подверг, понимаешь ли!

— Только ее?

— И себя, конечно.

Мы проехали еще километров пять до поворота, я незаметно для себя задремал. Очнулся оттого, что Гринька легонько тронул мою руку.

Стоял на трассе невысокий щупленький мужчина в дождевике с накинутым на голову капюшоном, поднимал руку.

— Случайный человек, Серега, — сказал мне Гринька, чуть притормаживая машину, пояснил: — В этом месте к трассе по тайге тропок нет.

— Останови все-таки. Не молотить же ему отсюда по грязи да дождю. Не ты, так следующий его возьмет, а нас — все-таки двое.

Я распахнул дверцу. Мужчина вежливо сказал:

— Вот спасибо, товарищи! — Помедлил секунду, легко и пружинисто поднялся в кабину, сел рядом со мной, захлопнул дверцу, спокойно представился: — Я из геологической партии.

Я сразу узнал его по фотографии, которую мне показывал Кузьмин. Он сдвинул с головы капюшон; лицо его заросло густой черной бородой, из нее далеко вперед высовывался вислый нос, над левой бровью — небольшой шрам, как и на фотографии; только был он теперь совершенно лыс.

Гринька перевел глаза с него на меня, спросил Воронова:

— А вам куда, собственно, папаша? — и тронул самосвал.

— Да здесь недалеко, километров восемь.

— Будет сделано, — готовно согласился Гринька.

— Вот уже шестой десяток мне, молодые люди, а все не могу с таежной жизнью расстаться. В городе — жена,

двое детей, а мне не сидится дома.— Он чуть улыбнулся, точно приглашая нас с Гринькой извинить такую вот его милую слабость.

— Ваше положение еще ничего,— сказал Гринька,— а ко мне вот — жена едет! — Сняв руку с руля, он полез за пазуху.

Воронов не двинулся, но локтем я почувствовал, как вдруг напряглось его тело.

— Читайте телеграммку.— Гринька достал ее из кармана, протянул Воронову.

Тот взял ее, стал читать, а я левой рукой вдруг ощутил большой гаечный ключ. Когда и как Гринька успел просунуть его на сиденье между нами?

— Ну, что ж, поздравляю.— Воронов протянул телеграмму обратно Гриньке.— А вы не инженер, извините? — обратился он ко мне.

Гринька опередил меня:

— Серега еще через годик инженером будет, пока он — механик крана.

Наш самосвал ехал все тише, с трудом и неловко уступая дорогу встречным машинам.

— Большая неприятность у нас, папаша! — сказал я.— Ровно две недели назад у нас на кране убили крановщика Игната Прохорова! Был он когда-то в заключении, по молодости лет попал под влияние какого-то Воронова.

— А может, я и есть тот самый Воронов?

— Чего у нас в тайге не бывает... — спокойно сказал Гринька, притормаживая самосвал, стараясь развернуть его поперек дороги.

В это мгновение Воронов выскочил из кабины. Гринька резко затормозил, я прыгнул, провалился в кювет чуть не до пояса. В боковом свете фар за сплошной пеленой дождя мне показалось, что на обочине леса мелькнули четыре фигуры. И впереди нас, и сзади нетерпеливо скопились самосвалы. Я залез снова в кабину. Гринька торопливо повел самосвал дальше.

— Разденься,— сказал Гринька.— Мигом высохнет. Только смотри, не сожги одежду-то: у меня печки тепленькие! И перестань переживать как девочка, а то у меня уже во рту кисло стало от твоих переживаний!.. Ну, упустили! Сейчас его в тайге не возьмешь, хоть график всей трассы нарушь, понял? Мы с тобой не обучены преступников ловить, другая у нас квалификация.

Между вечерней и ночной сменами, когда все мы сошлись за столом, я рассказал своим о просьбе Морозовой. Сначала было тихо. Мне вдруг стало тревожно. Зимы здесь суровые — до шестидесяти градусов. Ну, пусть даже сорок: откуда нам воду брать? Ведь инжектор качает ее в котел каждые полчаса, все время должен быть большой запас незамерзшей воды. В самом кране тепло, смазка лебедки может остаться прежней, а сумеем ли мы достать масло для катков поворота и блоков стрелы? Нужно специальное, морозоустойчивое: наше обычное масло мгновенно схватится этим страшным морозом, полетят и вкладыши подшипников, и сотрутся тросы, скользя по канавкам неподвижных блоков. Какой груз нам придется перерабатывать на железной дороге, какие готовить стропы? Да и много еще чисто технических вопросов, но самое главное, пожалуй: как доверить демонтаж, а затем и монтаж наших кранов людям Вани Пушкарева? Народ у него разный, настоящих специалистов не так уж много: вон сколько времени конусы инжекторов нам вытачивали! Значит, не могу я оставлять демонтаж и монтаж крана без своего глаза, вот какие петушки... А ведь и Наташа Левашова не уйдет в порт на отпуск, не оставит свой кран, нет! Да и Петр Петрович Петухов, и Борис Васильевич Панферов... Значит, остались мы, механики кранов, без отпуска в эту навигацию! А тут еще и Алла Викторовна простудилась. Даже на совещание к Морозовой не могла поехать. Температура у нее. Трудно ей, конечно, с непривычки в этих тяжелых условиях. А кто без Аллы Викторовны составит технологические карты демонтажа и монтажа? То есть в документах каждого крана имеются, конечно, такие карты, присланные еще с завода, да ведь за эти годы, что мы работаем на кранах, многое и ремонтировалось.

Да, Серега, выход только один: придется отложить на год отпуск, ничего уж тут не поделаешь! Спишусь с институтом, переведусь на заочное отделение, попрошу прислать все руководства. Да и Мише придется сделать то же самое. Выполним мы с ним прямо здесь, на строительстве, все задания и курсовые проекты. Ну, а уж для дипломного проекта придется брать трехмесячный отпуск.

А если мне попробовать уговорить и всех других не уходить в отпуск? Своими бы руками и разобрали кран,

и собрали бы на железнодорожной платформе. Уж ни одну бы мелочь не упустили, всю зиму работали бы спокойно. Но кран без людей — просто железяка! А если они не отдохнут как следует после этой тяжелой навигации, какой ждаты от них работы зимой?!

Я поставлю вопрос нейтрально. Может, кто и сам не захочет уходить в отпуск? Нет, заставлю всех уйти в отпуск на месяц, пусть вернутся отдохнувшими. А за это время с людьми Пушкарева переставлю кран на платформу, подготовлю его к работе.

А что, к примеру, Смоликову делать в городе? В очередное самолечение уходить? Так он теперь в этом вроде и не нуждается уже. Или Катя? У нее свои счета с Вороновым. Может, чуть и успокоится она душой, если схватим мы Воронова. Или Санька? Ну, чего, спрашивается, она будет месяц в городе бегать по кинам и танцам, если и здесь все это есть? Девчуха она здоровая, зачем ей отдых? Однако пусть сама решает, пусть... А вот Миша Пирогов пускай съездит: и с матерью повидается, и в институт зайдет, уладит наши с ним дела. И Сашке Енину надо побыть дома хоть месяц, не тот уже у него возраст. А тетю Нюру проводим на пенсию.

Прошло уже минут пять, но за столом все молчали, доедая ужин. Потом Сашка Енин, отодвинув пустую тарелку, начиная неспешно закуривать, поднял ко мне осунувшееся лицо, проговорил негромко:

— Придется, Серега, сварить бачки для воды литров на пятьсот. Поставить их прямо в кабине крана, найти уж как-нибудь место для этого. Будем загружать их прямо снегом, он быстрехонько у топки в воду превратится.

— Правильно,— вздохнула Катя. Она тоже похудела, лицо ее сделалось как бы прозрачным.— К железнодорожной водоразборной колонке не наездишься, да и путь не всегда будет свободен.

— На котел запасные фильтры для очистки воды придется поставить,— сказала Санька.— Снег за тридцать земель возить не будешь, а на железной дороге — он грязный.

Саньке все нипочем: ей только выпасться как следует, и — глаза ясные, лицо свежее, розовое.

— О смазке, Серега, договорись с Пушкаревым,— ровным голосом выговорил Смоликов.— А еще лучше — с Сашей Костылевым.

Глядя на него сейчас, я почему-то видел того спокойного и воспитанного мужчину, который был тогда вместе со мной и Санькой в клубе на танцах.

— Ты насчет грузов, Серега, у Морозовой узнай,— сказал Миша Пирогов, пригладил свою белобрысую челочку ладошкой.— Ведь не одним грейфером нам, наверно, придется на железной дороге работать?

Я понимал, что вопрос Миши относится к нашим с ним институтским делам, но об этом было еще рано говорить, поэтому я только кивнул ему, сказал:

— Хотелось бы после месячного отпуска снова собраться всем вместе на строительстве и дальше работать своей командой...

— Вот она, наша жизнь-жестянка! — повторил слова Панферова Сашка Енин.— Ну, а как, спрашивается, мне с этим железом расстаться? Придется уж, видно, и дальше тянуть лямку здесь.

Санька весело начала смеяться. Сидела, упираясь локтями в стол, смотрела на нас по очереди и смеялась. И мы тоже стали улыбаться, глядя на нее.

— Вот дурища-то! — глухо проговорила тетя Нюра.— Чему скалишься-то?

— На людей не перестаю удивляться, тетя Нюра! — ответила Санька.— Ведь чего только в жизни не бывает! У всех у нас были какие-то планы на зиму, так? Так! Механик Колосов между делом за ужином сообщил нам, что планы эти катятся в тартарары. В ответ на это что? Все мы — еще на год в тайге остались!

— А насчет института, Миша... Ты съездишь в город, повидашь мать, отдохнешь, сходишь в институт, снесешь мое и свое заявление о переводе на заочное.

Миша только успел кивнуть мне, как Санька выкрикнула:

— Так я и знала, Серега! Что не поедешь ты в отпуск, знала. Разве ты кому-нибудь доверишь перемонтаж своего крана?

Енин растерянно выговорил:

— Да вы что, братцы?! У меня уже и так хобот отвис, как же я старуху, детей не повидаю? — Попросил негромко и почти жалобно: — Ты, Серега, хоть совесть поймей... Ты еще пацан, а у меня уж старшая дочка замуж собирается.

— Да что ты, Сашка! — заторопился я.— Вот вместе

с Мишей сходишь в город на месяц, поживешь дома, отдохнешь.

Санька опять взорвалась:

— Ну и дураки. Ну и дураки же мы! Из семи человек только трое имеют желание отгулять свой законный отпуск, а?! Да и то Мишку механик по общим институтским делам в город посылает. Причины, конечно, у всех разные... Но есть и общие.

— Ты третья-то, что ли? — с откровенной надеждой спросила Саньку тетя Нюра.

Санька только обняла ее.

Тетя Нюра заплакала.

— Тяжко, — сказала, — детки, на старости лет главное от сердца отрывать. Ну как я буду доживать без реки-матушки?!

Надо было идти работать. Мы с Санькой оделись, пошли на кран. Циклов двадцать или тридцать мне пришлось сделать быстрее обычного, чтобы разрядить очередь самосвалов на берегу. Когда мы вошли в ритм, Санька сказала:

— Как подумаешь, Серега, что когда-нибудь наступит старость, как у тети Нюры, да придется прощаться то с тем, то с другим, что тебе всю жизнь было дорого, прямо, знаешь...

Я выбросил из машины пар, обернулся. Санька обеими руками держалась за спинку моего металлического кресла. Я снял рукавицу, ласково погладил Саньку по голове.

— А дядь-Вань вроде даже обрадовался, что не надо ему уходить в отпуск, да? — засмеялась Санька.

— У каждого главное — работа. Даже и по времени она большую часть наших суток занимает.

— Это и хорошо. Или уж просто привыкли мы, что наша жизнь такая, а?

— И привыкли, конечно, но не это главное, Санька. — И я ожидающе поглядел на нее.

И она поняла, ответила мне так, как я и ожидал:

— Правильно, Серега. Смысл жизни, конечно, и в заботе о детях, о любимом, о доме, но для многих надежнее всего — работа! — Смутилась, заторопилась. — Работай-работай: ишь, самосвалы, проклятые, ни минуты не дают...

Я сделал еще цикл, больше не мог сдерживать себя, подошел к Саньке... Она молча стояла передо мной, опу-

стив руки, глядя на меня испуганно и радостно. Я крепко обнял ее и стал целовать... Санька обеими руками стиснула мою шею, прижалась ко мне,

— Я тебе все сказал!

— Я знаю! Я тоже.

— Я на всю жизнь.

— А иначе у нас с тобой и не может быть

— Санька! Я люблю тебя!..

— Ой, Сереженька, родной мой!

— Санька, но ведь ты не хочешь вот так, да? — спросил наконец я.

— Нет, я согласна! И сделаю все, как ты захочешь, Серега. Но лучше бы по-людски, а?.. Чтобы познакомились я сначала с Сергеем Платоновичем, потом устроили бы свадьбу. И память бы нам с тобой на всю жизнь была.

— Хорошо, Санька. Правильно! А может, ты меня проверить хочешь? Ну, просто временем?..

Санька поморщилась.

— Извини, я ведь не хотел тебя обидеть.

— Ну-ну...— обняла меня, привстала на цыпочки, поцеловала, погладила ладонью по щеке.— Люблю я тебя, Сережа мой.

— Первый раз ты назвала меня Сережей...

— Давно мне этого хотелось... Знаешь, о чем я все эти дни думаю? Понимаешь, будто я всю жизнь тебя любила, да-да! Только раньше я не знала этого, понимаешь?! А теперь вспоминаю, как два года назад впервые пришла на кран, увидела тебя... И сейчас понимаю, что уже тогда я тебя любила! А потом мучилась, глядя на тебя и Катю. Только сама еще не знала, почему мучаюсь, вот ведь как бывает в жизни, Сережа. А тут это горе с Игнатом. Хоть и горе оно, а мне будто глаза открыло. И Катя тебя не любит, никого она в жизни больше не полюбит, кроме Игната, такая уж она. Оставалось мне неясным только одно: как ты любишь Катю? Подожди-подожди, дай уж я выскажу все. Человек ты, Сережа, цельный и сильный, как я тебя вижу, и таким чувством, как любовь, ты бросаться не можешь. Я вначале думала даже отодвинуться в сторону, не мешать твоему счастью. И ведь мог бы жениться на ней, да?

— Наверно.

— Эх, мужики вы, мужики, властелины наши! Ну-ну, работай...

После смены мы с Санькой умылись, собрались завтракать. Она попросила:

— Я теперь буду сидеть рядом с тобой, хорошо?

В общем кубрике я сидел во главе стола, он был узким, для второго человека места не оставалось.

— Хорошо,— ответил я,— только уж придется мне пересесть на место Игната, чтобы оказаться рядом с тобой.

Санька причесывалась. Только что умытое лицо ее было розовым, глаза — ясными, будто и не работал всю ночь человек, а хорошо выспался. Я обнял ее.

— Трудное у нас с тобой положение, Сережа,— сказала она, ласково и насмешливо глядя мне в глаза.

— А может, напрасно мы с тобой решили ждать до встречи с отцом?

— Нет, не напрасно! — Санька отрицательно покачала головой.

— Необычно как-то все у нас с тобой получается, Санька.

— А может, Сережа, обычно и не бывает?

— Для самих молодоженов и традиционный обряд выглядит, наверно, необычно.

— Вот-вот! Как же он может быть обычным для них?

— Ну, пошли завтракать.

— Подожди.— Она взяла меня за руку, помолчала и вдруг попросила жалобно:

— Только уж будь ты теперь поосторожней, пожалуйста. Ведь случись что с тобой, я просто не переживу этого, понимаешь?

— Выходит, мне теперь руки сложить?

— Что ты, Сережа, разве я об этом? — даже испугалась она.— Да как мы с тобой в глаза друг другу поглядим? Нет, и дальше так же помни про Игната, только прошу тебя — будь поосторожнее!

— Хорошо, Санька, постараюсь.

— И — еще одна просьба у меня к тебе, Сережа.

— Да?

— Поскольку мы с тобой теперь... муж и жена, говори уж мне все!

— Да. Обещаю.

— Все до последнего словечка.

— Я понял. Обещаю.

Тогда я прикрыл двери умывальника, коротко рассказал ей о встрече с Вороновым.

Санька внимательно выслушала меня.

— Так я и чувствовала, что случилось у тебя что-то, когда ты ездил к Морозовой!

— Серега,— проговорил за дверью Смоликов,— тебя Алла Викторовна к телефону.

Все уже сидели за столом в общем кубрике, тетя Нюра ставила тарелки с яичницей. Я взял трубку, сказал:

— Слушаю, Алла Викторовна.

— Здравствуйте, Сергей,— хрипло ответила она, шумно дыша в трубку.— Меня увозят в больницу, вы на это время останетесь за меня...

— Хорошо, Алла Викторовна.

— Под утро мне стало совсем плохо, Наташа Левашова вызвала из больницы строителей «скорую помощь». Приехал врач Козырев, признал у меня воспаление легких... Температура сорок,— она всхлипнула.

— Ничего, Алла Викторовна, ничего! — поспешно сказал я.— Больница у строителей хорошая, воспаление легких — чепуха, через пару недель будете на ногах!

— Моторист Комлев привезет на своем катере вам все документы. Будете вместо меня выходить на связь с портом, как обычно. С Левашовой, Петуховым и Панферовым я ваше назначение согласовала. Все механики поддержали вашу кандидатуру. Ну, мне пора ехать, Сережа.

Я положил трубку, повернулся к столу, объяснил коротко смысл разговора.

— Не везет девахе,— покачал головой Енин.

— Ничего, поправится,— сказал Смоликов.— Молодая еще, только на будущее закалится.

— Правильно, Серега, что тебя она назначила на свое место,— произнесла Катя.

Я увидел, что Санька сидит на своем обычном месте, напряженно вытянувшись, не притрагиваясь к еде, смотрит пристально в черный иллюминатор... Я взял тарелку с яичницей, стоявшую во главе стола, кружку, вилку и ложку, переставил их рядом с Санькой на то место, где обычно сидел Игнат. Из угла кубрика взял табуретку, поставил ее рядом с Санькиной, сел. Тоже не мог начать есть, только чувствовал, как побагровел до ушей. Томительно бесконечными были эти секунды. Тетя Нюра

мигнула, начала медленно улыбаться, даже чуть сдвинула с лица свой платок. Смоликов ласково глядел на нас с Санькой. Катя смотрела серьезно, почти строго. Миша широко и по-мальчишески весело улыбался. Енин долго не мог понять, что случилось, глядел то на нас с Санькой, то на других... Потом хмыкнул, свернув на сторону свой утиный нос.

— Мы с Санькой решили пожениться,— как-то глухо наконец выговорилось у меня.

— Ну, и слава богу! — обрадованно засуетилась тетя Нюра.— Давно пора, сколько девку можно томить, Сереженька?

Санька нерешительно наклонила голову, потерлась щекой о морщинистую руку тети Нюры.

— Поздравляю вас! — отчетливо выговорила Катя, на миг сморщилась, боясь заплакать.— Молодцы, рада за вас! — Встала, сначала обняла и поцеловала Саньку, потом чмокнула меня в щеку, снова села на свой табурет.

— Спасибо, Катя! — ответила Санька.

Катя опустила голову. Приподнявшиеся плечи ее сильно и резко вздрогнули. Вскочила, пряча от нас лицо, выбежала из кубрика.

— Позвольте и мне поздравить вас! — торжественно проговорил Миша, встал, пожал руку Саньки, лежавшую на столе, протянул руку мне.

От растерянности я тоже встал, пожал его руку.

Смоликов поднялся из-за стола, серьезно сказал:

— Желаю вам, Александра и Сергей, счастливой жизни! Да я уверен, что такой она у вас и будет.

— Ешьте, ешьте, молодожены,— засмеялась тетя Нюра.

Енин поднялся из-за стола, начал одеваться:

— Ну, механик, смотри, не зажиль свадьбу!

— А что? — сказал Миша.— Вот прямо в клубе строителей ее и устроим.

— Я, Сереженька, снесу Кате чаю? — спросила тетя Нюра; я кивнул, она взяла кружку Кати, налила в нее чай из большого чайника, вышла.

— Пойду покурю,— негромко проговорил Смоликов.

— Ну, Санька! — сказал я, обнял ее за плечи, притянул к себе. Она прижалась щекой к моей груди. И мы с ней долго сидели молча, неподвижно. В каюте было тихо, в кубрик никто не заходил.

— Сережа,— прошептала наконец Санька и подняла голову, сияющими глазами поглядела на меня.— Я этого счастья всю жизнь ждала, понимаешь? А сейчас — боюсь. До смерти боюсь, как бы в последнюю минуту чего не случилось, а?!

— Да что ты, брось!

— Когда чего-нибудь очень хочешь, всегда суеверным делаешься, да?

Я усмехнулся:

— Знаешь, в детстве я очень хотел велосипед. И перед каждым своим днем рождения загадывал: купят мне его или нет?

— И купили? — Санька искоса, снизу вверх, заглядывала мне в глаза; лицо у нее было таким, будто от моего ответа зависело что-то очень важное в нашей с ней жизни.

И я понял, что не могу соврать. Ответил как можно мягче:

— Знаешь, время послевоенное было, трудное...

— Ну, а когда ты взрослым стал?

— А тогда уж мне и самому велосипед не понадобился.

— Ну, вот видишь! — огорченно сказала Санька.— Еще получится у нас с тобой, как с тем велосипедом.

Я гладил ее плечи, волосы, не знал, что мне сказать, чтобы успокоить Саньку... И в это время на тумбочке в углу кубрика пронзительно-резко зазвонил телефон.

Я встал, подошел к тумбочке, снял трубку:

— Колосов слушает.

— Доброе утро, Серега! — донесся веселый и свежий, как всегда, голос Глафиры Алексеевны, секретаря начальника порта Богатырева.— Данила Герасимович с вами хочет поговорить.

— Хорошо, Глафира Алексеевна.

Было слышно, как она переключила аппарат. Потом басистый, звучный голос Богатырева:

— Доброе утро, Серега.

— Здравствуйте, Данила Герасимович.

Данила Герасимович когда-то вместе с моим отцом работал в порту грузчиком, и хоть после этого, как и отец, закончил институт, что-то грубовато-прямолинейное осталось в нем.

— Мне звонила Рабацкая,— сказал он.— Ты согласен с ее решением?

— Согласен, Данила Герасимович.

— Ну, тогда уж не обессудь, буду спрашивать с тебя по всей строгости!

— Ясно.

Я отчетливо представил, как у него напряглись крепкие желваки на скулах.

— На городском партийном активе видел Сергея...

Я понимал, зачем он сейчас сказал мне об отце, но только спросил:

— Как он?

— Здоров. По тебе скучает.

— Я позвоню ему сегодня.

— Вот-вот...— И тогда он спросил о том, для чего и позвонил мне: — В отпуск-то собираешься?

— Да не придется мне в этом году отдыхать, Данила Герасимович.

— Что так?

И я сказал о том, что было ему, конечно, хорошо известно.

— Чудаки! — весело и облегченно засмеялся он, — И много вас там таких, вроде тебя?

— Да на всех краях механики остаются, а с моего всего двое поднимутся в город. Тетя Нюра — третья: на пенсию.

— Хорошо, Серега! — басисто одобрил он.

Да, вот в чем разница между Данилой Герасимовичем и моим отцом: «Хорошо!» Про здоровье Аллы Викторовны не спросил... Ему только план гони.

— А кто в город поднимется?

— Енин и кочегар Пирогов.

— Ну, что ж, Сашке надо передохнуть, а Пирогов, наверно, ваши с ним институтские дела отрегулирует?

А вот отец никогда не назвал бы Енина Сашкой в разговоре с подчиненным.

— Да, переводимся на заочный, Данила Герасимович.

— Вот видишь! Все в жизни можно устроить при желании, а?

— Да.

— Что там новенького в деле Прохорова? — спросил Богатырев.

— Да пока ничего, расследование продолжается.

— Неприятная история, — вздохнул он; и относилось это больше к тому, что в порту случилось убийство, и

уже во вторую очередь к смерти человека Игната Прохорова; у отца было бы наоборот.

— Сегодня за сутки отчиталась перед гортом Рабацкая, а завтра уж — с тебя спрос!

— Понятно!

— На первый раз будешь отчитываться непосредственно передо мной. Ну, до завтра.— И он повесил трубку.

Санька сидела за столом, тревожно глядела на меня:

— Чего он?

— Да ничего. Просто проверил, как я приступил к исполнению своих новых обязанностей, сказал, что завтра сам будет принимать от меня отчет.

Я помедлил, снова снял трубку.

— Отцу? — негромко спросила Санька.

Я обернулся, поглядел на нее.

— Не могу я, Санька, еще год ждать.

Она побагровела, кивнула мне:

— Лучше бы, конечно, чтобы у нас с тобой сначала была свадьба по всем правилам, а только ведь все это — не совсем главное, да?

— Я так и думаю.

Я вызвал диспетчерскую порта, дежурной телефонистке, смешливой Зине Большаковой, сказал, что прошу ее соединить меня с домом.

— По папочке заскучал, сынок? — засмеялась она, и тотчас я услышал длинные гудки; глянул на часы — половина девятого утра, отец еще должен быть дома,

— Слушаю,— раздалось в трубке.

Только сейчас я понял, как соскучился по отцу.

— Здравствуй.

— Здравствуй. Молодец, что позвонил. Данила Богатырев мне все рассказал.

— Вот какие дела, отец.

— Обычные дела.— Он, однако, чуть слышно вздохнул.— Придется уж еще потерпеть, а?

— Придется.

— Чем там кончилось с Игнатом Прохоровым?

— Да пока еще ничем. Катя Соколова переживает. Да нашего молодого инженера Аллу Рабацкую отправили в больницу с воспалением легких, меня она оставила за себя. В город поднимутся только Сашка Енин и Миша Пирогов. Миша зайдет в институт, оформит наш с ним перевод на заочное отделение.

— Правильно.

Тогда я сказал быстро:

— Я женюсь, отец.

— Ну, что ж...— И он замолчал.

— Она работает у меня на кране кочегаром. Александра Иванова. Санька, я тебе о ней говорил, помнишь?

— Помню. Из детдома девушка?

— Да.

— Дай-ка ей на минутку трубку.

Я отдал трубку Саньке. Она взяла ее, выговорила шепеляво:

— Здравствуйте, Сергей Платонович... Да. Спасибо. Да... Вы простите, что мы с Сережей обижаем вас!.. Нет, не согласна с вами, лучше бы сделать все, как принято, да еще год нам с ним ждать придется. Да, здесь в клубе строителей и устроим свадьбу. Вы?.. Да. Да. Спасибо вам! — И протянула трубку.

— Ну что ж, Серега,— неспешно проговорил отец.— Поздравляю тебя.

— Спасибо, отец!

— Только мне хоть за неделю до свадьбы сообщи.

— Конечно, отец. На работе у тебя все нормально?

— Как и у тебя. — Помолчал, повторил: — Поздравляю тебя, сын, и обязательно прилечу на свадьбу!

Не помню, как мы с Санькой оказались в нашем мужском кубрике. Стояли, держась за руки, около моей койки... Потом Санька ласковым и осторожным движением высвободила свою руку, повернулась ко мне спиной, прошептала:

— Закрой двери, Сережа... И погаси свет.

16

Моторист нашего пятидесяти сильного катера Захар Сидорович Комлев пришел на нем с крана Левашовой только к вечеру: река уже была почти сплошь покрыта льдом. Комлев поднялся на палубу понтона.

— Борта у моего катера, Серега, из трехмиллиметровой стали чуть не продырявило льдом! — И протянул мне папку, аккуратно завернутую в брезент, пояснил простуженным голосом: — Наследство Аллы Викторовны.

Я взял папку и вдруг заметил, какое обветренное.

красное и распухшее от холода и воды лицо у Захара Сидоровича. Я сказал ему:

— Ну, делать нечего, Захар Сидорович, откатались мы, выходит, на собственном виде транспорта, а?

— Вот-вот, Серега! Я хочу тебя просить: поднимем катер от греха на палубу твоего понтона?.. Тем более на зиму все равно оставаться и мне, и катеру.

Катер Комлева весил двенадцать тонн, но оставлять его дольше на воде было никак нельзя, приходилось рисковать...

— Зачисляй меня в команду твоего крана вместо Игната, а?

— Ты что же, не пойдешь в межнавигационный отпуск, как плавсостав? — удивленно спросил я.

— На месячишко сбегая в город, Серега, поживу около своей старухи в тепле и вернусь к тебе. А кочегар из меня исправный, спроси хоть у Наташи Левашовой, а? Когда Петя Борисов приболел, я за него несколько смен на кране справлялся. Можешь у Наташи проверить.

— Да что ты, Захар Сидорович! Ты же мне прямо подарок делаешь!

— Ну?! — и он радостно улыбнулся, чуть растянув распухшие губы. — Я и все свои вещички на катере привез.

— Тащи их в мужской кубрик.

На кране сейчас работали Катя со Смоликовым. Енин и Миша отдыхали. Я еле уговорил Саньку выйти к обеду, посидеть вместе со всеми за столом. Она долго смущалась, просила меня:

— Давай уж вдвоем поедим, а?.. После всех.

— Да ведь рано или поздно, Санька, но придется нам с тобой людям показаться.

— Ты понимаешь, Сережа, — медленно говорила она, держа меня за руки, — как только представлю, что все на нас с тобой смотрят, сквозь землю готова провалиться, разрази меня гром!

Все-таки я уговорил ее, и когда мы вышли к столу, конечно, никто и ничего не сказал нам, все за столом было совсем так, как всегда. И после обеда, когда все разошлись, Санька облегченно улыбнулась.

Я просмотрел бумаги Рабацкой. Все они были аккуратно подколоты, исписаны школьным почерком.

Потом мы с Комлевым завели пятнадцатимиллимет-

грозные тросы под днище катера, подготовили палубу понтона, разложили деревянные брусья, на которых должен был установиться катер. По-настоящему надо было бы снять с грузовых тросов крана грейфер, он весил почти триста килограмм, но на перепасовку тросов ушло бы полсмены. Поэтому я пошел на кран, сел за рычаги вместо Смоликова, а Катя и Иван Иванович вместе с Комлевым заправили стропы катера в челюсти грейфера. Проверил уровень воды в котле и давление пара, выбрал стропы. Они натянулись, держались надежно, защемленные между сомкнутыми челюстями грейфера. Я начал медленно, осторожно, — ощущение было такое, будто голыми руками держал сейчас всю двенадцатитонную громадину, — выбирать грузовые тросы. Сначала катер послушно шел вверх из воды, но когда она перестала уравнивать его, понтон крана стал сильно крениться в сторону катера. Натужно ревели машина и лебедка, подрагивали от напряжения грузовые тросы, кран наклонялся все сильнее и сильнее... Пот заливал мне глаза, всем телом я чувствовал, что катки крана позади меня оторвались от кругового рельса. И когда мне уже казалось, что кран вот-вот опрокинется, надо спускать катер обратно в воду, он вдруг оторвался от ее поверхности, пошел вверх... С бортов его стекала вода, соскальзывали льдинки, а я уже, осторожно включив поворот, понес катер над палубой понтона... Вот и бруски... Тихонько отпуская ногой педаль тормоза, стал травить тросы. И катер — его баграми подправляли Катя, Смоликов и Комлев — сел на бруски, тросы начали слабеть, кран резко качнуло назад, катки его с отчетливым стуком опустились на круговой рельс. Понтон с краном еще качнуло назад, потом вперед, снова назад, и вот качка успокоилась... Катя, Смоликов и Комлев что-то кричали мне, махали руками, но слов я почему-то не мог слышать. Поднялся из-за рычагов, чувствуя, как дрожат вдруг ослабевшие ноги, долго вытирал пот с лица.

Перед ночной сменой, на которую заступали мы с Санькой, я по радиотелефону связался с кранами Наташи Левашовой, Петухова и Панферова.

Наташа сообщила о количестве переработанного груза. Как обычно, норма была перевыполнена. Я за-

рисал данные в журнал Рабацкой, а Наташа еще сказала мне, что ее крановщик Тихон Сотников обжег паром руку, спросила меня о здоровье Аллы Викторовны. Один из шоферов по моей просьбе заезжал в больницу, узнал, что состояние Аллы Викторовны такое же тяжелое и температура высокая. И я сказал об этом Наташе. Она вздохнула, помолчала, потом попросила меня, чтобы завтра, когда я буду отчитываться перед Богатыревым, узнал у него о прогнозе погоды.

На причале Петра Петровича Петухова тоже все было нормально, только вот неизвестно с чего, но крепко подрались между собой братья-близнецы Владимир и Всеволод Локтевы, один другому чуть не выбил глаз.

— Но ты об этом, Серега, Богатыреву завтра не говори, конечно, — басил в трубку Петухов, — а вот узнай, не придет ли он мне на зиму новый инжектор?

На причале Бориса Васильевича Панферова все было хорошо. Насмешливый Панферов после доклада язвительно спросил меня:

— Ты что же, Серега, не трубишь во все трубы, что на Саньке женился? От шоферов нам узнавать приходится, голубчик! Ну, поздравляю тебя! И Саньку за меня... обними покрепче, понял?

Первым из шоферов нас поздравил Гринька. Я высыпал в кузов его самосвала десять тонн песка, а Гринька не отъезжал, высовываясь из кабины, махал рукой. Я выбросил пар, и в наступившей тишине он звонко прокричал:

— Поздравляю вас, Санька с Серегой! Обскакали нас с голубкой! — Тотчас захлопнул дверцу кабины, поехал.

Потом поздравляли и другие, Мирошников, даже шкипер баржи смешной старичок Валиулин.

— Поторопилась ты, Санечка! — сказал он. — Забыла про меня, вдовца горемычного, а я еще — годный на все! — И смешно выпятил узкую грудь.

После смены позавтракали, потом я опять обзвонил краны, записал данные ночной работы. А Санька кого-то из шоферов попросила узнать о здоровье Аллы Викторовны: температура у нее была все такой же высокой. Потом позвонил в диспетчерскую порта, попросил Витю Пахомова соединить меня с Богатыревым. Но до этого продиктовал ему данные о работе наших кранов за сутки, рассказал о здоровье Аллы Викторовны, и Витя по-

обещал послать ей из порта телеграмму в больницу. Вдруг спросил:

— Вы, Серега, с Санькой Ивановой поженились, что ли?

— Откуда ты знаешь?

— Ну, земля слухами полнится. Поздравляю вас! — И переключил меня на кабинет Богатырева.

— Ну, как первые сутки, начальникек? — спросила меня Глафира Алексеевна.

— Да пока вроде все нормально.

— Я не о работе тебя спрашиваю! — И засмеялась: — Поздравляю вас с Сашей, Серега!

— Ну, как первые сутки, Серега? — спросил через минуту и Богатырев.

От растерянности я чуть не поблагодарил его, точно и он поздравлял нас с Санькой, но вовремя спохватился, спокойно и медленно, подробно — это должно было, я знал, понравиться Богатыреву, — отчитался за суточную смену. Данила Герасимович дотошно переспрашивал меня, я понял, что он записывает цифры.

— Ну, работайте, работайте. — И хотел уже повесить трубку; я еле успел спросить его о прогнозе погоды, и тогда он, даже будто смутившись, поспешно сказал: — Дней на пять, на неделю вам работы осталось, Серега. Так что предупреди всех. Последний пароход «Александр Невский» уходит от вас через пять суток, на нем и отправь своих отпускников. Много их у тебя набирается?

Всего у нас на четырех кранах работало, считая Комлева, тридцать два человека, Алла Викторовна лежала в больнице.

— Шестнадцать человек, Данила Герасимович.

— Вот и отправляйте их! — Он попрощался.

В тот день по графику мы с Санькой должны были работать в вечер, Енин с Пироговым — в ночь, а Катя со Смоликовым — в утро. Еще за завтраком я сказал Кате:

— Возьми к себе на кран Захара Силыча, пусть покочегарит.

Она согласилась:

— Ладно, Серега, посмотрю в работе нового кочегара.

Комлев удовлетворенно улыбнулся, а Смоликов сказал:

— Ну, а я был бы подсмренным, если бы река не встала?

Я сказал, что через пять суток уходит последний пароход. Тетя Нюра всхлинула, ее большие глаза жалостливо оглядели кубрик. Мы молчали: ведь большая часть жизни тети Нюры прошла вот здесь!

— Ну, тогда уж и я буду собираться, — вдруг оживившись, заторопился Енин.

И по лицам всех я снова увидел, как же они устали, как же им нужен этот отпуск!

...Я проснулся. В иллюминатор кубрика проникал призрачно-неясный зимний свет. Мы с Санькой лежали на ее койке. Санька спала, обнимая меня рукой за шею, положив голову мне на грудь... Дышала она спокойно и ровно, по-детски смешно отдувая свои пухлые губы. Я смотрел на ее круглое веснушчатое лицо со вздернутым носом, коротко стриженные светлые и шелковистомягкие волосы... Я смотрел на нее, не решаясь погладить ее волосы, чтобы не разбудить. И вдруг у меня похолодело в груди от счастья, запершило в горле: я только сейчас, уже после всего, что у нас с ней было, только сейчас впервые понял, как люблю ее, что она для меня значит, какой опустошенной окажется моя жизнь, лишись я Саньки!..

Очень хотелось курить, но я боялся разбудить ее. «Эх, мужики вы, мужики...» Откуда эта умная и добрая взрослость у девчонки? «Понимаешь, будто я всю жизнь тебя любила, да-да! Только раньше я этого не знала...», «Главное у нас с тобой уже позади... Мы с тобой уже все сказали друг другу, и на всю жизнь сказали!», «Нет, я согласна. И сделаю все, как ты захочешь...»

Почему же я раньше вот так по-настоящему не видел Саньки? С детства перед моими глазами был отец, я уже привык к тому, что решительно во всем — он пример для меня! И ведь после школы — служба в армии, потом работа и учеба: жизнь, конечно, обычная, но и не совсем легкая. В детстве — смерть мамы... Может, потому, что жизнь моя всегда была заполнена сначала учебой, потом службой в армии, потом работой и снова учебой, я не научился вот так, как Санька, во многом разбираться быстро и по-настоящему? Всю жизнь, как бы трудно мне ни приходилось, я привык чувствовать, что есть отец, что он мне всегда и во всем поможет. А Санька-то к этому не приучена.

И вдруг мне стало стыдно за себя. Осторожно, чтобы не потревожить Саньку, протянул свободную руку, взял с тумбочки сигареты, спички, закурил. Неужели только потому, что Катя красивее Саньки, только потому, что во многом еще в жизни я привык руководствоваться школьной таблицей умножения, я был уверен, что люблю Катю? Увидел человека трудной судьбы, который наперекор всему, в том числе — и себе самому, прокладывает дорогу в жизни; и это не могло, конечно, не вызывать у меня восхищения, как и у всякого. И ведь действительно мог бы жениться на Кате.

А вот Игнат любил Катю по-настоящему, иначе не сказал бы мне перед смертью: «Катю береги... Женись на ней...»

Осторожно я протянул руку, погасил окурочек в пепельнице и увидел, что Санька уже не спит.

— Ты только не сердись, Санька, я должен тебе это сказать.

Она вздохнула:

— Всегда все говори мне, Сережа.

— Еще несколько дней назад я сказал тебе, что люблю... И всем объявил о нашей женитьбе, отцу позвонил. Но вот только сейчас, только час назад проснувшись, я впервые по-настоящему понял, что люблю тебя. Просто люблю, понимаешь?! Жить без тебя, Санька, я уже не могу, не знаю даже, как тебе об этом и сказать...

Она вдруг заплакала, одновременно пытаюсь улыбаться.

— Понимаю. Я-то люблю тебя давно. И знаю, что ты никогда не бросишь меня, как не бросил бы Катю, если бы женился на ней. Но ведь нужно, чтобы ты так же любил меня, как я тебя.

17

— Серега! — Катя настойчиво стучала в двери нашего кубрика. — Серега! Проснись, Серега!..

Я открыл глаза. Санька, приподняв голову, настороженно глядела на двери.

— Встаю, Катя. Что ты? — Я спустил ноги на пол.

— Кузьмин тебя к телефону.

— Иду, Катя.

Я взял лежавшую на тумбочке трубку телефона:

— Слушаю, Виктор Трофимыч. Добрый день.

— Добрый день, Сергей Сергеевич. Случилась очень неприятная история. Наш общий знакомый сегодня в восемь утра все-таки взял деньги.

— Как? — спросил я.

— Воронов и три других уголовника подкараулили в тайге машину с инкассатором и шофером, прострелили покрышки на всех четырех колесах. В завязавшейся перестрелке инкассатор и шофер убиты, двое из шайки Воронова тоже, третьего он пристрелил сам, ушел с деньгами в тайгу.

— А как узнали, что третьего он сам?

— Когда на выстрелы прибежали рабочие строительства, инкассатор был еще жив, успел рассказать им, как Воронов добил своего третьего. У того были сломаны ноги, идти он не мог.

— Эх, Виктор Трофимович! — не удержался я. — Надо же как-то помешать Воронову уйти!

— Вот поэтому я и позвонил вам. Уходить Воронов будет прежде всего по реке, если... уже не ушел. На железной дороге и в аэропорту нам проще надежный заслон организовать, это он понимает. Значит, сначала он будет пробовать по реке, тем более что навигация скоро закрывается.

— Да, я знаю. Последним уйдет пароход «Александр Невский».

— Ну, на пассажирский вряд ли Воронов сунется, скорее на баржу или буксир. Ведь километров на сто — двести от строительства оторваться, а там уж ему будет легче. Вот я и хочу вас просить, Сергей Сергеевич: расскажите об этом всем членам своей команды. Конверт с фотографиями Воронова Казанец уже повез вам. И на остальные ваши три крана я послал фотографии Воронова. Но вы все-таки свяжитесь с командами кранов.

— А знаете, Виктор Трофимович, — сказал я, — скорее всего он постарается в тайге пересидеть это бурное время, а?

— Возможно, — согласился он, — но ведь все пути мы должны перекрыть. — Вздохнул, повторил: — Если он уже не ушел за эти, — Кузьмин, наверно, посмотрел на часы, — за эти шесть часов.

Уже перед самым обедом с кромки берега протяжно загудел самосвал. Гринька, высунувшись из кабины, кричал:

— Поднимись на пару слов, Серега!

Я прошел к трапу по обледеневшей палубе понтона, чуть припорошенной снегом. И вся широченная гладь реки уже была подернута первым ледком, только на быстрине чернела открытой водой.

Медленно и осторожно, держась за поручень, скользя ногами, поднялся на берег.

— Звонил тебе Кузьмин? — спросил меня Гринька.

— Звонил.

Гринька взял из кабины конверт, подал его мне:

— Чтобы не забывал ты Папашу в суматохе будней.

Я взял конверт: на трех больших фотографиях был Воронов. Но не таким мы видели его с Гринькой.

— Всех шоферов на трассе с этим его портретом познакомили, — сказал Гринька.

— Слушай, Кузьмин ведь уговаривал тебя на это время с трассы уйти? — вспомнил я.

— А я — не девчонка, меня уговорить трудно, Серега.

— Слушай, а прилетела твоя голубка? То есть Галка прилетела?

Он протянул мне руку из кабины:

— Вчера прилетела.

— Поздравляю! — я пожал его крепкую руку.

Я вернулся к своим. За рычагами сидел Смоликов, Комлев возился у топки котла.

Санька с Катей сидели в общем кубрике, молчали.

— Познакомьтесь, — сказал я, протягивая им фотографии.

— Он! — тотчас проговорила Катя, беря от меня одну из фотографий и пристально вглядываясь в нее. — Только когда мы с Игнатом его встретили, он был уже постарше и выглядел...

— Какой ехидный... подлец! — медленно выговорила Санька.

Я сказал Саньке:

— Иди на баржу, покажи шкиперу и матросам, расскажи им, что к чему.

— Я бужу Енина с Пироговым? — спросила у меня тетя Нюра.

Зазвонил телефон. Я снял трубку. Наташа спросила:

— О чем ты думаешь сейчас, Серега?

— Все больше о любви, Наташа.

— Я хочу тебе напомнить, что ты остался за Аллу Викторовну.

— Ты что-то путаешь...

— А может, ты?

— Очень возможно.

— Так вот, молодожен, слушай меня, мать семейства. Перед тем как завтра утром нам, механикам, ехать к Пушкареву, надо бы предварительно собраться нам самим для дружеской беседы, а?

— Как ты догадалась? Только что хотел просить тебя об этом.

Вчера, когда я разговаривал с Ваней Пушкаревым по телефону, он предложил мне собрать механиков кранов, приехать к нему и посоветоваться насчет демонтажа наших кранов, транспортировки их и затем монтажа на железнодорожных платформах. Даже обещал помочь нам людьми и техникой. Перед разговором с ним я снова просмотрел технологические карты демонтажа и монтажа крана, присланные с завода.

Еще до начала строительства химкомбината в поселке существовала маленькая пристань, где ненадолго останавливались грузопассажирские пароходы. Все работы велись грузчиками, транспортировка какого-нибудь пианино для местного Дома культуры становилась проблемой. Игнат смеялся, когда мы только спустились по реке сюда работать: «Пристань здесь строилась еще Ермаком Тимофеевичем». Больше чем на полгода, когда река покрывалась льдом, жизнь на пристани вообще замирала. С началом строительства химкомбината пристань постепенно превращалась в порт. Одна из причальных стенок его была уже готова, на ней работали три порталных крана, каждый грузоподъемностью в пять тонн. Две такие же стенки еще строились. Работал еще и пассажирский вокзал, а к поселку через тайгу была протянута ветка от основной железнодорожной линии. В километре ниже по течению реки от строящегося порта, в излучине ее, был естественный затон, в котором должны были отставиваться зимой небольшие речные суда и наши крановые понтоны. Порт работал очень на-

пряженно, поэтому строительству химкомбината и пришлось создать четыре временных причала для наших плавучих кранов.

Разговаривая вчера с Ваней Пушкаревым, я сказал ему, что лучше было бы снять краны с понтонов в порту, воспользовавшись для этого его порталными кранами. Но он сразу ответил мне, что их не удастся высвободить для этого, пока не окончится навигация. Мне хотелось, сняв краны с понтонов, сразу установить их на железнодорожные платформы. На те самые, на которых наши краны будут работать зимой. И на это Пушкарев ответил мне, что сначала он должен посоветоваться с Морозовой, удастся ли ей достать к этому времени платформы у железной дороги. Их тоже надо было арендовать строительству до весны, а главное — согласовать с дорогой новые условия использования платформ: они ведь предназначены для перевозки грузов.

— Ты сегодня в вечер работаешь, Серега? — спросила меня Наташа.

— Да.

— Ну, тогда уж придется нам всем собраться на твоём кране, начальничек, — усмехнулась она. — Только сам позвони Петухову и Панферову для соблюдения субординации, а то Борис Васильевич меня-то может и не послушать.

— Хорошо.

Петухов согласился сразу, только пробасил усмешливо:

— С Аллой Викторовной было полегче, она сама к нам ездила.

— Да ведь тогда река была свободная, катер Комлева — на ходу.

— Не темни, Серега, начальничком уже себя почувствовал! А вот отец твой, я слышал, не такой, — и повесил трубку.

Борис Васильевич Панферов вежливо выслушал меня, помолчал. Я ожидал, как обычно, какого-нибудь язвительного замечания от него или, еще хуже, прямого отказа. Но он только вздохнул по-стариковски тяжело:

— Делать нечего. Зимовка в снегу требует капитальной подготовки.

Сменившись и попив чаю, Катя и Смоликов уехали в больницу к Алле Викторовне, а Комлев пришел снова на кран, сказал Саньке:

— Помечтай у окошечка, новобрачная.

— Я и у котла могу помечтать,— улыбнулась она.

— Не понимают, Серега, нынешние девушки кавалерского обращения, это я и по своей дочке заметил.

— Ошибся ты, дядя Захар,— засмеялась Санька.— Плохо свою Полюшку знаешь!

— Наградил тебя господь бог женой, Серега! — тоже засмеялся Комлев.

Санька теперь то сидела у окна, то подходила ко мне, стояла за моим креслом. А часа через два Санька уснула, положив голову на подоконник.

Первой на наш кран приехала Наташа Левашова, остановилась около катера Комлева. Я сделал цикл, потом второй, а она все стояла и разглядывала катер. Потом поднялась ко мне на кран, положила руку мне на плечо, спросила:

— Как же ты, Серега, рискнул двенадцатитонный катер Комлева поднять?

— Да ведь что же было делать-то, Наташа?

— Во льду его, Левашова, оставлять, по-твоему? — сердито сказал Комлев.

— Да вы не поняли меня! Я ведь к тому, что с Сергиной легкой руки мы одним из наших четырех кранов снимем поворотные части других с их понтонов, поставим на стенку в порту, понял? — Засмеялась, ладонью растрепала мне волосы.

— Только предварительно придется противовесы из задних карманов убрать,— ответил я.

— Нет, хоть и зеленая наша Алла Викторовна,— сказала Наташа,— но права она была, когда тебя, Серега, оставила за себя.

И когда приехали на наш кран Петухов с Панферовым, каждый из них, прежде чем идти в каюту, постояли около катера Комлева. Катер протянулся на десять метров от борта до борта понтона, возвышался над палубой его на три с половиной метра. Петухов и Панферов качали головами.

Я крикнул Комлеву, чтобы он вызвал на кран Сашку Енина поработать за меня. Проснулась Санька. Она только шепнула мне смущенно:

— Сморила я, Сережа...

В нашем общем кубрике уже сидели механики кранов, на столе были разложены технологические карты и чертежи.

— Присаживайся, начальник,— сказал Панферов, повернув ко мне бледное узкое лицо.

— Руководствуй, Серега,— прогудел громадный Петухов.

Я почувствовал себя как-то увереннее, глядя на его чисто выбритое скуластое лицо, большую бритую голову.

— Начни с того, Серега, что подробно перескажи нам свой разговор с Пушкаревым,— сказала Наташа, подвигаясь со своим табуретом в сторону.— Да не тушуйся, мы ведь тебе в работе цену знаем!

Я рассказал им о своем разговоре с Ваней Пушкаревым. И Левашова, и Петухов с Панферовым знали наши краны, конечно, не хуже меня, когда-то сами монтировали их, отработали по несколько навигаций. И без слов нам было ясно, что одним из наших кранов можно поднять на берег поворотные части других... А когда я посмотрел на механиков, то понял, что поднимать поворотные части придется именно мне.

— Лиха беда начало, Серега!— ласково улыбнулась Наташа.

— Не хочется у тебя приоритет отнимать,— усмехнулся Петухов.

— Еще обидишься по молодости лет!— невинно пояснил Панферов.

— Вы мертвого уговорите, отцы-учители!— вздохнул я.

Понимал я, о чем дальше пойдет речь. За столом молчали. Приготовил синьку поперечного разреза берега. Лучше бы всего, конечно, было не выпрашивать у Пушкарева порталные краны, а прямо поставить поворотные части на железнодорожные платформы. Обстоятельная Наташа приложила металлическую линейку к синьке разреза берега: вылета стрелы моего крана хватало в обрез. Да, делать нечего...

— Молодым — везде у нас дорога!— сказал Панферов.

— А свой кран, Серега, уж порталным поставишь,— спокойно пояснила мне Наташа.

— Спасибо, благодетели!

Значит, надо будет завтра потребовать, чтобы через пять суток на платформах стояли круговые рельсы для наших кранов. Ване, конечно, придется нелегко: и арендовать платформы у железной дороги, и добиться

разрешения у котлонадзора на установку крана на них, да еще успеть сварить круговые рельсы, смонтировать их на платформах.

— Не беспокойся, Серега, завтра надавим на Пушкирева,— сказал Петухов.— Потребуется, и Сашку Костылева к этому делу привлечем, даже Морозову, понял? А получишь диплом инженера, станешь командиром производства, сам же будешь нам благодарен за выучку, хоть и трудная она у тебя получается.

Мы просидели еще около часа, договариваясь о разборке стрел, выгрузке противовеса, а затем укладке его в задние карманы поворотных частей и о многом другом, что было неизбежно. Несколько раз заглядывала тетя Нюра, вопросительно смотрела на меня. Никак не хотела, добрая старуха, отпустить таких почетных гостей, не напоив их чаем.

Когда уже все, кажется, было оговорено и улажено, я сказал:

— Ну, а теперь — прошу на дорожку чайку!

И тетя Нюра с Мишей Пироговым принесли в кубрик чайник, кружки, бутерброды.

— Начальник, ничего не скажешь! — одобрительно прогудел громадный Петухов.

Пили чай не торопясь: впереди механиков ждали полсотни километров ухабистой и морозной таежной дороги. Поговорили о здоровье Аллы Викторовны, Наташа похвалила тетю Нюру, что собрала ей от нас передачу.

Потом вспомнили домашних, оставшихся в городе, и голоса за столом зазвучали потише.

19

Мы с Санькой и Комлев сдали смену Енину с Пироговым, напились чаю, а Катя со Смоликовым все не возвращались из больницы от Аллы Викторовны.

Мы не могли ложиться спать, пока они не придут.

Вдруг послышались шаги, дверь кубрика распахнулась. Вошли Катя, Смоликов. Лица Кати и Ивана Ивановича были усталыми, раскрасневшимися от мороза, но спокойными.

— С Аллой Викторовной все в порядке,— сказала Катя.— Кризис у нее уже миновал. Теперь полежит она еще пару неделек и выйдет. Нам с Иваном Ивановичем

дали посидеть у нее всего десять минут, потом выставили.

— Пока вы гуляли,— сказал я,— к нам приезжали механики кранов, договорились, как завтра беседовать с Пушкаревым.

— Но где же вы столько времени-то пропадали? — спросила Санька.— В клуб, что ли, ходили или в кино?

— Да нет. На телефонном переговорном пункте часа три просидели, пока меня с домом соединили,— ответила Катя.— Зашли еще на почту, забрали письма из города. Вам, молодожены, целая куча поздравительных телеграмм.

Смоликов встал, пошел в коридор, вернулся, неся в руке пачку писем и телеграммы.

Мне были от Вити Пахомова и от Пелагеи Васильевны, а Саньке — целая пачка. Я вопросительно поглядел на нее, она смутилась, прошептала:

— Ты, Сережа, не сердись: я написала всем девочкам, с какими еще была в детдоме, ну и тем, с кем сейчас живу в общежитии.

— Ну и правильно;— согласился я, снова посмотрел на Катю: она все так же пристально глядела в черный иллюминатор, молчала, прищурившись, уже не замечая нас...

— Когда с Игнатом... это случилось,— негромко и трудно начала она,— я написала большое письмо маменьке... То есть маме. Оно, конечно, получилось у меня резким, но я в нем все сказала, что думаю о своем воспитании в семье. И сейчас ни от одного слова своего письма я не отказываюсь! И поджидала я, какой же будет ответ из дому. На почте оказалась телеграмма отца, что у мамочки... то есть у мамы инфаркт случился. Ну, Иван Иванович,— она взглянула на Смоликова,— и заставил меня позвонить домой.

— Да, у каждого свое...— мягко проговорила Санька.

— Хоть и косвенно, но моя мать воспитанием, которое мне дала, заставляет меня переживать все это болезненнее, чем, может, другая переживала бы... Нет, не то я говорю! И другая или другой переживали бы это так же, но сильнее они были бы, чем я. Чувствую я, что на всю жизнь это горе по Игнату при мне осталось.— Катя пошла, в дверях обернулась, поглядела на Саньку и вышла, плотно и бесшумно притворив за собой дверь.

Цех Пушкарева, высоченный и просторный, протянулся метров на сто. На бетонных фундаментах были установлены станки. Работало в цеху около трехсот человек. Сейчас, во время строительства химкомбината, обязанности цеха были весьма многообразны. Ване приходилось туговато. Цех изготавливал приспособления, необходимые при монтаже оборудования комбината. Занимался и самим монтажом его, если на стройку вместе с аппаратурой не приезжали специалисты завода-поставщика. На плечах Пушкарева лежал и весь текущий ремонт механизмов, начиная от примитивной ручной лебедки и кончая шагающим экскаватором. Для наших инжекторов токари Пушкарева выточили конусы, теперь должны были сварить круговые рельсы, установить их на железнодорожные платформы тоже рабочие его цеха. И хотя одним из главных на строительстве был отдел снабжения, но Ване приходилось косвенно заниматься и этим, вроде обеспечения наших кранов морозоустойчивой смазкой на зиму. Ваня часто говорил, мечтательно вздыхая:

— Вот пустим комбинат, пойдет через мой цех постоянная продукция, посвободнее дышать начнем.— И круглое, простоватое лицо его, пухлощекое, с небольшим носом, белобрысой мальчишеской челкой, голубыми ясными глазами под выпуклым лбом сразу делалось таким, что уж просто невозможно было назвать Пушкарева Иваном Владимировичем: становился Ваней-Ванюшей, которого от полноты душевной даже хотелось погладить по головке.

Застекленный кабинет Пушкарева помещался в углу цеха. Вместе со мной приехала Санька: мы захватили наши паспорта, чтобы после разговора у Пушкарева зайти в загс, подать заявление.

— Иди-иди, я здесь тебя подожду,— шепнула Санька, села на скамейку у дверей кабинета.

Стометровый пролет цеха шириной метров в двадцать, высотой около десяти был уставлен аккуратными рядами станков, там и тут виднелись фигуры людей в рабочих комбинезонах, остро чувствовался запах железа и масла.

— Чем тебе не индустриальный центр, а?! — с невольным восхищением сказал я.— Ну, подожди меня:

у Вани дел много, наверно, совещание будет коротким,— и вошел в кабинет.

Так и оказалось. Наш вариант перемонтажа кранов был принят. Когда вышли от Пушкарева, перед дверьми его кабинета топталась Санька.

— Молодожены наши! — засмеялась и обняла Саньку Наташа.

Дворец бракосочетания еще строился, пока же регистрация браков была в Доме культуры. Санька от кого-то из шоферов узнала, что хоть и работает загс почти круглосуточно, но очередь — год. И второе, что нас с ней беспокоило: постоянно мы с ней были прописаны в городе, а здесь, на строительстве, — только временно, зарегистрируют ли нас?

Мы с Санькой вошли в Дом культуры, разделись в гардеробе, стесняясь своего рабочего платья. Было очень чисто, горели люстры, разноцветно сверкая хрусталиками; буквально сиял натертый пол, откуда-то лилась негромкая торжественная музыка. В вестибюле стояли парни и девушки, молчаливые и тоже торжественные, в нарядных платьях.

— От страха прямо сердце в пятки уходит! — шепнула Санька.

Комната, где подавались заявления, была большой и тихой. В ней стояло несколько столов, за каждым сидела девушка, перед столами — несколько молчаливых пар. Мы с Санькой встали в конец ближайшей очереди. Девушка, беленькая и голубоглазая, непрерывно улыбаясь, быстро просматривала паспорта, протягивала бланки заявлений, показывала, как их заполнять. Точно так же перелистнула и наши паспорта, протянула бланки, объяснила подробно, где и что надо нам написать.

— Временная у нас прописка, — сказал я, хоть Санька и дергала меня за руку.

— Такие уж у нас условия, — девушка празднично улыбалась. — Только при регистрации у вас должны быть два свидетеля.

Когда уже шли к гардеробу, Санька сказала:

— Как будто бы все на строительстве решили пожениться.

Оделись в гардеробе, вышли и встретили Гриньку, с ним была невысокая полная девушка в очках. Красивое черноглазое и чернобровое лицо девушки было зна-

чительно-строгим, и странно было видеть растерянно-присмирившего Гриньку рядом с ней.

— Порадуем? — Санька подмигнула мне, подошла к ним, а я — за ней.

— Поздравляем вас! — громко выговорила Санька. Девушка спокойно и обстоятельно оглядела ее, потом меня, чуть покосилась на Гриньку.

— Это механик Колосов и его кочегар Санька, — сказал Гринька.

— Галка, — девушка протянула сначала Саньке, потом мне свою короткую, сильную руку. — А только поздравлять нас еще рано, мы пока — в роли зрителей!

Гринька все молчал, совсем другого человека мы с Санькой сейчас видели! А еще месяц назад называл свою Галку плановиком и голубкой, снисходительно посмеивался.

— Ну, тогда уж поздравьте нас: мы с Сережей подали заявление!

— Поздравляю! — проговорила Галка, снова пожала наши руки.

Гринька молчал, стоял неподвижно.

— Гришенька, голубок, заснул?! — насмешливо протянула Санька.

Он вздрогнул, заторопился, сконфуженно подавая руку, одновременно опасливо косясь на Галку. Так ничего и не сказал, даже не улыбнулся.

Когда мы шли к выходу, Санька покачала головой, вздохнула:

— Ну и дела-делишки, Сережа, а?

Мы встретились с ней глазами и весело, громко захохотали.

— А ведь это только кажется, что Галка приручила Гриньку! Правда ведь? — проговорила Санька, когда мы с ней уже подходили к нашей трассе.

Я вспомнил, как, возвращаясь с совещания у Морозовой, подсел в кабину самосвала Гриньки. В тот вечер он сказал мне: «Если бы не хватило у меня сил, Серега, уехать тогда из страны синих гор, не было бы у нас с Галкой никогда нормальной жизни, уж поверь мне!...»

Я рассказал об этом Саньке,

Последний в эту навигацию грузопассажирский пароход «Александр Невский» уходил вверх по реке в восемь вечера. С нашего крана на нем поднимались тетя Нюра, Енин, Комлев и Пирогов, а всего с четырех кранов — шестнадцать человек. Но если для остальных это был только очередной отпуск, то тетя Нюра прощалась с рекой, на которой прошла ее жизнь. Все последние дни тетя Нюра была молчаливо-растерянной, отвечала невпопад, несколько раз ни с того ни с сего начинала плакать.

Еще накануне мы четверо, остававшиеся на кране — Смоликов, Катя, Санька и я, решили устроить проводы тете Нюре.

В утренний пересменок, когда все мы, как обычно, сидели за столом, тетя Нюра, не притрагиваясь к еде, молчала, изредка вздыхала тяжело. Широкое, полное и морщинистое лицо ее было бледным, большие серо-голубые глаза устало прикрыты веками. Она надела свое выходное платье, коричневое с белыми горошками. Седые редкие волосы были аккуратно зачесаны назад, собраны маленьким узелком на затылке. Все ее большое полное тело как-то обмякло, ссутулились плечи.

Все мы понимали, что это за день в жизни тети Нюры, тоже молчали, завтракая.

— Тетя Нюра, — тихонько проговорила Санька. — Какой же у вас все-таки стаж перед выходом на пенсию?

Тетя Нюра спокойно посмотрела на нее своими большими глазами, ответила не спеша:

— А и сама не знаю, Санечка... То есть по документам-то сорок лет, а плаваю я, как себя помню. Даже и родилась я, Саня, на барже сибирского купца Громова, знаменитого по тем временам. Мой отец шкипером у него ходил. И до этих самых мест, где мы сейчас находимся, спускался Громов, скупая пушнину.

— А родители ваши давно умерли? — тоже негромко спросила Катя.

— Отца еще Колчак расстрелял, а мать потом, в коллективизацию, кулаки убили. Кондовые они тут были, до полсотни лошадей имели, им новая жизнь — острый нож! А мать — молодая еще была, горячая, надоело ей спину на хозяев гнуть, комитетом бедноты командовала.

— Тетя Нюра, вы меня простите,— сказала Катя,— но как это получилось, что одна вы остались?

Тетя Нюра слегка улыбнулась.

— Спешить ты по молодости лет, Катенька. Как же я одна, если вы все вокруг?.. И в свое село поднимусь отсюда, одна не буду, у меня, знаешь ли, родни полно!

— Катя про личную жизнь, тетя Нюра,— несмело вставил Миша.

С кромки берега послышались сигналы самосвалов. Енин сказал:

— Ну, работнем, Миша, последнюю смену перед отпуском? — поднялся из-за стола.— Спасибо, тетя Нюра.

— Так как же насчет общественной и личной жизни, тетя Нюра? — тоже вставая, спросил Миша.

Она пристально посмотрела вслед Енину, вздохнула:

— Последнюю смену...

Миша перестал смеяться:

— Ну, пойду работну.

— Последняя смена,— повторила тетя Нюра, помолчала, посмотрела на Саньку с Катей, улыбнулась наконец.— Да знаю я, девки, знаю, про какую мою жизнь любопытство вас разбирает! Была и она у меня, была...— Медленным спокойным движением она сдвинула с уха седую прядь волос, показала маленькую сережку: — Видите, красавицы?

— Видим,— в один голос проговорили Санька с Катей.

— Подарил он мне эти сережки да на войну ушел, погиб уже под Берлином,— и продолжала сидеть так же спокойно, не опуская глаз, не двигаясь.— А колечко вот это,— тетя Нюра подняла над столом руку, показывая тоненькое серебряное кольцо,— еще мамин подарок.

— Ах, тетя Нюра, тетя Нюра! — выговорила Санька, встала, подошла к ней, обняла за шею, прижалась ласково.

— Ничего, девонька, ничего,— сказала тетя Нюра, поглаживая Саньку по плечу.— Доживешь и ты до таких дней, когда перестанешь делить жизнь на личную да на общественную. Тогда и пенсия тебе не страшна, да и сама смерть.

Все утро Санька с Катей готовили праздничный обед. А мы с тетей Нюрой и Смоликов собирали ее вещи. Раньше, когда она просто уходила в межнавигационный отпуск, то многое оставляла на понтоне до весны, теперь

же ей надо было забрать все с собой, что могло понадобиться или просто почему-то было дорого ей. Вещей самых разных,— некоторые из них на первый взгляд были и не нужны,— набралось много. Они были не только в кубрике тети Нюры, но и в трюме понтона. В углу его я неожиданно наткнулся на косу. Тетя Нюра ласково погладила ее черенок, чуть улыбнулась:

— Еще мужнина, Сереженька. Мы с ним на большой барже плавали, бывало, кой-какую животину содержали, подкармливали. Хоть и дорога она мне, а только как же я ее потащу, а?..— Помолчала, вздохнула:— Нет, придется оставить. Знаешь, Сереженька, годков тридцать пять назад пристанем баржей к зеленому берегу, Родион мой и говорит: «Пойдем-ка, Нюра, травки покосим». Выйдем на берег, он косит, а я в травке лежу, песни пою. А небо чистое, синее, тишина, птицы и цветами пахнет! Потом и Родион подойдет, сядет рядом, а то и целовать начнет по молодости.

В большом старинном сундуке, что стоял под койкой тети Нюры, были аккуратно уложены старые вещи. Перебирая их, тетя Нюра показала мне почти истлевшую косоворотку, кое-где на ней были бурые пятна.

— В этой отец был, когда колчаковцы его расстреляли, мать завещала мне хранить ее,— снова аккуратно сложила, убрала в сундук.

Вся крышка его внутри была оклеена фотографиями. На одной из них были трое: женщина держала на руках девочку, в которой с трудом можно было распознать нынешнюю тетю Нюру, за стулом стоял бравый мужчина с такими же большими и спокойными глазами, как у тети Нюры. На другой стояли, взявшись за руки, двадцатилетние тетя Нюра и ее Родион, у обоих были напряженные лица, испуганные глаза.

— Знаешь, Сереженька,— сказала тетя Нюра, заметив, что я рассматриваю фотографии,— старость, конечно, не радость, как говорится, но и ее можно спокойно встретить, если до этого честно свою жизнь прошел... Видишь эту пачку писем? Их Родион мне с фронта писал. А вот и орден его в коробочке, однополчанин один мне его привез с последним приветом от Родиона. А на этой фотографии, еще военной, я, Дарья Трофимовна да сынок ее Володя. Они эвакуировались из Ленинграда, плавали у меня на барже, Дарья Трофимовна слабенькая была, подорвала себе здоровье в блокаду ленин-

градскую, ее с Володей уже летом сорок второго из Ленинграда вывезли. Все болела туберкулезом, в сорок четвертом умерла. Володе тогда десять лет было, а нам с Родионом не повезло, своих детей у нас не было, я Володю и учила. Он теперь уже профессор. К нему и поеду доживать на покое. А в этом отделении сундука — видишь, сколько писем? И от родных, и от знакомых, сослуживцев моих... Много я, Сереженька, за жизнь свою разных людей перевидала. И вот что я тебе скажу, сынок. Только тот человек добрый след в жизни оставляет, кто сам честно жил-трудился, не кривил душой, помогал соседям, не делал зла. Одно нам в жизни оправдание — память добрая, сынок! Вот так-то, Сереженька, заговорила я тебя, старуха, напоследок.

Еще до обеда со своего крана позвонила Наташа Левашова, сказала, что у ее причала стоят в очереди четыре баржи. Значит, работы еще на полтора дня. С ее крана уходили в отпуск шкипер, кочегар и крановщица Галя Самохина. Галя выходила замуж, ехала на свадьбу. А вот крановщик Тихон Сотников, красивый парень, который тоже собирался в отпуск, получив какое-то письмо, неожиданно решил остаться. Потом Наташа спросила:

— Ну, как там тетя Нюра?

— Да ничего.

— Дай-ка ей трубочку, Серега.

Тетя Нюра торопливым движением сдвинула с уха платок, прижала трубку:

— Слушаю, Наташенька! Вот спасибо, девочка!.. Да-да,— и всхлипнула.

Потом позвонили Петухов и Панферов, рассказали о делах на своих причалах, о том, кто уходит в отпуск. На кране Петухова братья-близнецы Локтевы неожиданно решили остаться. И Петухов, и Панферов поговорили с тетей Нюрой, попрощались с ней.

Из порта тоже поступила радиограмма на имя тети Нюры.

Санька с Катей сварили щи, испекли пирог с яблоками. Еще вчера Катя сказала мне, что решила подарить тете Нюре свой теплый пушистый шерстяной платок. В начале этой командировки, когда еще было тепло, Миша Пирогов сфотографировал нас всех на понтоне у крана. Тетя Нюра сидела посредине в первом ряду, мы все расписались на фотографии. Дня за два до этого мы

с Санькой сочинили адрес тете Нюре, Санька красиво переписала его на большой лист бумаги. Я взял одну из своих студенческих папок, которая лучше, вложил в нее адрес.

Когда все сели за стол,—нарядная, молчаливо-торжественная, чуть грустная тетя Нюра по-прежнему сидела во главе его — я встал, поднял стакан с разбавленным спиртом:

— Мы все, тетя Нюра, хотим поздравить вас с трудовым юбилеем! Грустно нам, что вы уходите, да жизнь ведь не остановишь. Глядя на вас, мы учились каждойдневной, упорной и скромной жизни — работе, и добрая память о вас — всегда с нами!

Санька зачитала наш адрес, Миша Пирогов вручил фотографию с нашими подписями, Катя подарила тете Нюре платок.

— Ну что ж, детки,—тетя Нюра вытерла слезы, чуть улыбнулась.— Спасибо вам, порадовали меня, старуху!.. Трудно мне, конечно, будет без вас всех, без моей реки-матушки... Одно вам только скажу, детки: все, чем красива земля, построено на ней добротой!

На кране остались работать Катя с Санькой, а мы со Смоликовым поехали проводить тетю Нюру и Енина с Мишей. Кроме старинного, обитого фигурным железом сундука, у тети Нюры был еще чемодан, да я отдал ей свой рюкзак, он тоже оказался полным. Енин и Миша оставляли почти все свои вещи, потому что после отпуска снова возвращались к нам, уезжали сейчас с маленькими чемоданчиками. Так что тетя Нюра даже сказала:

— Не надо, Сереженька, вам с Иван Ивановичем попусту морозиться, мои пожитки и Сашка Енин с Мишей прихватят.

— Прихватить-то мы, конечно, можем...— Енин смотрел на меня.

— Да разве в этом дело, тетя Нюра? — спросил Миша.

— Ну, тогда я уж обойду напоследок свой домик, да и в дорогу,—она поднялась, пошла к дверям.

Доехали, как обычно, на попутных самосвалах. Было уже совсем темно, но и весь порт, и пароход «Александр Невский» светились яркими огнями. В порту собралось много народу, почти все старожилы поселка пришли попрощаться с рекой до следующей навигации. Только вот

сейчас, глядя на молчаливых людей, я вдруг понял, какую же громадную роль играла всегда река в жизни таежного жителя! Ведь до того, как началось строительство химкомбината и проложили железную дорогу, с окончанием навигации люди этих мест оказывались буквально отрезанными от всего мира больше чем на полгода: санная дорога была мучительно трудной и долгой. Все уже изменилось, но ведь в течение многих лет река служила почти единственной артерией, связывающей тайгу с большой жизнью, и вот добрая память об этом ежегодно заставляла таежных старожиллов приходить прощаться с рекой. Они просто стояли сейчас, молчали и курили, негромко переговаривались, и чувствовалась во всем торжественная приподнятость.

К нам присоединились отпускники с других кранов. От Левашовой были трое, петуховские — двое, с крана Панферова — четверо.

«Александр Невский», празднично сияя огнями, радужно светя паром, подошел от грузового причала к пассажирской пристани. Тетя Нюра оказалась в двухместной каюте. Мы разложили ее вещи, Смоликов принес из буфета бутылку шампанского.

Выпили шампанское, посидели по обычаю, расцеловались с тетей Нюрой на прощание, зашли в каюты к другим, пожали им руки, сошли на берег.

22

После ухода «Александра Невского» мы проработали еще на своем причале полные двое суток, пока разгрузили последнюю баржу. Работали через смену Смоликов с Катей и мы с Санькой. Не успевали мы ни выспаться, ни сделать очередную профилактику крана, ни пообедать, обходились чаем с бутербродами.

Про дожди мы давно забыли, день стал совсем коротким, просто на несколько часов все вокруг призрачно светлело. За сутки мы привыкали к густой и плотной темноте, желтому свету прожекторов и лампочек, и странно было видеть мерцающее, недолгое, слабое посветление вокруг, когда свечение прожекторов и лампочек становилось неестественным, точно неуверенным. Тогда виделась бесконечно широкая река, ровная, уже сплошь подернутая льдом, будто огромный безлюдный каток. Небо низкое, ровно-серое.

Последней в навигацию на нашем причале была баржа того смешного старичка Валиулина, который при творно упрекал Саньку, что поторопилась она выйти замуж, не дождалась, дескать, его. Вместе с его пустой баржей буксир должен был поднять в поселок и наш кран.

Выгружали ее мы с Санькой. По сплошному льду реки неслась поземка; неба не было видно, все пространство в свете прожектора сплошь было заполнено мелким снегом, точно редкой пылью. Самосвалы шли безостановочно и регулярно. Метрах в пятидесяти вверх по реке стоял под парами буксир «Веселый», освещивая разноцветными огоньками. На мостике его то и дело появлялся пожилой капитан Илья Кириллович Потапкин. Даже буксирный трос уже был заведен на нос баржи. Дяде Потапкину, как его все звали на реке, надо было в корму баржи причалить наш понтон с краном, успеть поднять нас в порт, пока его пароход еще в силах взламывать лед.

Наконец палуба баржи опустела. Вся ее поверхность уже была покрыта морозным рассыпчатым снежком. Я опустил стрелу в крайне нижнее положение, выбросил пар, с трудом разогнулся. Встал, начал закуривать. Колени чуть подрагивали от усталости, и сигарета непослушно плясала в пальцах. Санька шагнула ко мне:

— Эту навигацию мы с тобой, Сережа, навсегда запомним, да?

— Да.— Я обнял ее.

А буксир дяди Потапкина гудел нетерпеливо и напористо. Сейчас он поведет баржу, надо успеть забуксировать за ней наш понтон.

— Пойдем на баржу Валиулина, а на понтоне — Катя с Иван Ивановичем останутся,— сказал я Саньке.

— Серега,— негромко произнес Смоликов, кивнул в сторону.

Там стояла Катя, закрыв лицо руками, ссутулившиеся плечи ее чуть заметно дрожали.

— Ну-ну, Катя,— я подошел к ней, погладил по плечу.

— Для всех конец навигации — праздник, а для меня?! — не оборачиваясь, проговорила она.

Санька тоже подошла к ней, сильным движением обняла ее, повернула к нам лицом, вдруг спросила:

— Хочешь, Катя, иди с Сережей на баржу Валиу-

лина? Там полегче.— И переспросила совсем по-детски: — А?..

Наш понтон не имел рулей, при транспортировке его в таких трудных условиях часть команды должна находиться на ведущем судне, чтобы лучше согласовывать его движения с ведомым понтоном. А из оставшихся у нас наиболее сильными физически были мы со Смоликовым.

— Можно, Серега? — спросила Катя.

Смоликов смотрел на нас трюих молча.

— Пошли,— сказал я Кате.

Взобрались на высокую палубу баржи, Смоликов подал мне конец двадцатимиллиметрового стального троса, мы с Катей потащили его на корму баржи.

У кормовых кнехтов баржи стояли матросы Витек Лагунов и Бончев. Они помогли нам с Катей зачалить трос за кнехты. Так же нетерпеливо гудел буксир дяди Потапкина. Я посмотрел на застекленную рубку второго этажа большой каюты баржи: около штурвала ее никого не было.

— Седина в бороду — бес в ребро,— прогудел Бончев и широким шагом пошел в каюту.

— Как плавали мы с его старухой, с бабой Сашей,— виновато проговорил Витек,— дед Филя был человек человеком, а как прислали к нам на баржу из пароходства на место бабы Саши эту толстую Томку, он будто с ума сдвинулся. Или это он от горя? Ведь всю жизнь с бабой Сашей проплавал...

— Болван ты еще, Витек! — прямо и жестко сказала ему Катя.

Из каюты на палубу неспешно вышел громадный Бончев, даже не глянул на нас, пошагал в своих разбитых и мокрых валенках к носовым кнехтам баржи, за которые был зачalen буксир с «Веселого». За ним торопливо выскочил Валиулин, глянул на нас с Катей бегающими глазами, сипловато крикнул:

— Поехали! — неловко торопясь, стал подниматься по наружному трапу в рулевую будку.

Только после этого на палубе появилась и Тамара Панина. Ее здоровое, белозубое лицо было раскрасневшимся и веселым, она откровенно, ничуть не смущаясь, глядела на нас своими блестящими черными глазами. Ватник ее был расстегнут, платок сбился, открывая густые черные волосы. Она коротко хохотнула:

«Приятный морозец!» — и тоже стала подниматься по трапу.

«Веселый», натужно сипя, отдуваясь, медленно повел за собой баржу. Вот натянулся и буксирный трос нашего понтона. Вся неловкая, четырехугольная и точно обрубленная стальная коробка его, плохо приспособленная для плавания, двинулась от берега, пошла по реке, кроша острыми углами уже взломанную «Веселым» и баржей пленку льда. И странно было видеть широкую черную полосу чистой воды, в которой медленно и беспорядочно крутились ослепительно белые льдины. На высокой кромке белого берега неподвижно темнели редкие фигуры людей... Вот кто-то из них махнул нам рукой, и тотчас в сумрачный воздух взлетели шапки... Мы с Катей тоже помахали руками в ответ.

Грустно было расставаться с людьми, вместе с которыми проработал несколько месяцев.

Дядя Потапкин умело вел свое судно, следуя малейшим извилам стремнины, и так же ловко баржа Валиулина повторяла все его движения. Мы с Катей то травили буксир, то, наоборот, старались подтянуть понтон к барже, облегчая ему движение во льду. Так же непрерывно трудиться приходилось и Саньке со Смоликовым на другом конце буксира.

Мы прошли, кажется, уже половину пути, когда на прямом участке реки мне удалось наконец-то выбрать время и закурить. Затянулся с наслаждением, отметил машинально, что Иван Иваныч вовремя зажег сигнальные огни на понтоне, и вдруг обнаружил, что Кати нет рядом со мной. Оглянулся: она стояла на вершине трапа, пригнувшись, у двери рубки, махала мне рукой. Осторожно поднялся к ней, она шепнула:

— Слушай!

— Да чего ты боишься, дедушка? — звучно посмеивалась Панина. — Или десять тысяч не деньги?

В рубке была только она с Валиулиным. Бончев и Витек оставались у носовых кнехтов баржи.

— Да ведь убивец он, — тяжело вздыхал Валиулин.

— Ты его и не увидишь! — уговаривала Панина. — Оставим кран в порту, поведет нашу баржу «Веселый» в Степшу, там он подсядет. Как он подсядет, не наше с тобой дело, понял? В Степше мы будем ночью, а к утру, как придем в Салино, Папаша уберется от нас. И опять-таки — как он уберется, мы с тобой знать не бу-

дем. Вообще, мы с тобой его не везли, слыхом про него не слыхивали.

— А как же ты деньги-то от него получишь?

— При посадке в Степше под брашпилем должны оказаться пять тысяч, и как придем в Салинский затон — еще пять тысяч. Просто случайно мы с тобой их найдем, понял, дедуля?

— Чего ж он прямиком из Завьяловского карьера, где мы песок брали да ты с ним снюхалась, не направился восвояси?

— А крыльев у него еще нет, дедуленька ты мой!

Слышно было, как Панина поцеловала Валиулина.

— Глянь, крановщики-то нас не слышат? — сказал он после небольшой паузы.

Мы с Катей бесшумно скатились по трапу, присели у кнехтов. Слышно было, как открылась дверь рубки, потом Панина спросила нас:

— Заснули, голубчики?

Катя только прохрипела что-то в ответ, а я спросил:

— На таком-то холоду?

Она снова захлопнула дверь рубки.

Катя прошептала:

— Как бы нам, Серега, сообщить Смоликову, а? Он бы радировал Кузьмину! Хотя от порта до Степши — три часа пути, успеем!.. — Облизнула пересохшие губы. — Завьяловский карьер от химкомбината вниз по реке почти на двести километров, а? Туда, значит, он сумел добраться, путая след. Там снюхался с этой тварью Томкой, но на барже Валиулина подниматься не захотел. Переседет на нее только в Степше! Доберется до Салина, а там — снова тысячи людей, затеряется среди них. И перезимовать в городе — не в тайге, да и дальше уходить из Салина — легче легкого.

Мы благополучно пришли в порт. По одному из трех телефонов, данных мне Кузьминым, я нашел его, рассказал все, что мы с Катей слышали. Она стояла рядом, прижимала вместе со мной ухо к трубке телефона, чтобы слышать ответы Кузьмина. Потом устало опустилась на табурет, уронила руки:

— Ну, теперь только бы до утра хватило силы дожить!

Давно я не высыпаюсь так хорошо, как в ту ночь. Мы легли, наверно, часов в девять вечера, а проснулся я уже около семи утра. На кране было тихо, он не работал, и никуда мне не надо было торопиться. Санька спала, обняв меня рукой за шею. Круглый иллюминатор кубрика не был уже непроницаемо-черным, как на нашем причале. И звуки здесь были другие: шум железной дороги, гудки паровозов, их пыхтение, перестук колес по рельсам. Иначе работали и электрические порталные краны, не так, как наши паровые.

Приятно было слышать и ровное гудение конвейеров, празднично-веселый шум большого поселка...

Поддерживать топку котла в ночь на кране осталась Катя, сказала, что все равно не заснет. А Смоликов должен был хорошо выспаться. Остальные наши три крана находились дальше от поселка, но за ночь их тоже должны были привести в порт. С помощью порталных кранов нам оставалось выгрузить чугунные чушки противовеса, потом я должен был своим краном переставить поворотные части наших плавучих кранов на железнодорожные платформы, в последнюю очередь — перемонтировать и свой кран. Я уже был уверен, что Ваня Пушкарев не подведет нас с круговыми рельсами и железнодорожными платформами, да и такелажников он обещал.

Потихоньку, чтобы не разбудить Саньку, встал, оделся, не зажигая света, пошел в душевую, вымылся как следует. Из мужского кубрика доносилось ровное сопение Смоликова. Катя сидела на кухне, на полу около ее ног стоял наш радиотелефон, она перенесла его из общего кубрика. Подняла ко мне осунувшееся за ночь лицо, посмотрела блестящими от усталости глазами, выговорила хрипло:

— Кузьмин еще не звонил.

— Так рано же.

Топилась плита, кипел чайник.

— Картошку я сварила, Серега, и на кране все в порядке.

— Спасибо,— я хотел посоветовать ей лечь поспать, но почему-то не решился.— Остальные краны пришли?

— Все три. Котлы погашены, стрелы сняты. Наташа

даже успела противовес выгрузить. А может, ты позволишь Кузьмину?

— Подождем еще часок. А платформы как, не знаешь?

— Уже стоят на стенке. И круговые рельсы готовы.

— Молодец Ваня Пушкарев!

— Пей чай, а я Смоликова и Саньку разбуджу.

— Спасибо. Только на краны гляну. Душа не терпит.

Вышел на палубу понтона, с непривычки прищурился от яркого света. Им была залита и стенка, около которой стояли все наши четыре крана, и другие причалы порта, пассажирский вокзал, три еще разгружавшихся баржи, два буксира. И наш кран ярко освещен, а вот остальные три притихшие и темные: на них были потушены котлы, электрический ток не вырабатывался.

По вертикальной лестнице поднялся на пятиметровую стенку. Вдоль нее тянулись рельсы порталных кранов, разнесенные друг от друга на семь метров. Сами краны работали в другом конце стенки, выгружали баржи, а напротив наших кранов уже стояли четыре железнодорожные платформы, на них — круговые рельсы. Постоял еще на каменной кромке стенки, прикидывая: вылета стрелы моего крана, пожалуй, должно хватить, чтобы дотянуться до платформы, все в порядке! И вдруг услышал голос Наташи:

— Доброе утро, Серега! — Она подходила ко мне из-за платформ.

— Доброе утро, Наташа! А где остальные?

— Панферов с Петуховым ушли просить порталные краны для выгрузки противовеса.

— А ты, значит, своими силами?

Она кивнула:

— Мой можешь поднимать. И застропили мы его уже.

— Пойдем хоть круговые рельсы на платформах осмотрим, — предложил я.

— Пойдем. Только там все в порядке, я уж проверила.

Вместе со мной Наташа залезла на платформы, они стояли вплотную друг к другу, перед ними — мотодрезина. Рельсы железной дороги тянулись вдоль стенки под порталами кранов. Да, круговые рельсы мехцех Пушкарева сварил хорошо, и установлены на платформах они

были надежно. Придется тебе, Серега Колосов, приниматься за дело, деваться некуда!

В общем кубрике сидели за столом Санька и Смоликов, ели картошку с мясными консервами. Катя занимала место тети Нюры. Аппарат радиотелефона стоял теперь на своем обычном месте, на тумбочке.

— Не было еще звонка,— вздохнула она, заметив мой взгляд.

— Только из диспетчерской порта звонили, справлялись, как мы дошли до поселка,— сказал Смоликов, коротко глянув в меня.

Санька молча подвинула мне полную тарелку.

Я начал есть, не чувствуя решительно никакого аппетита.

— Назвался груздем...— я доел картошку, выпил чай, встал.— Ладно, полезли в кузов.

Смоликов и Санька тоже поднялись из-за стола, Катя негромко попросила:

— А я уж посижу у телефона, Серега?

— Посиди.

Мы поднялись на кран. Наташа уже стояла на кромке стенки, она должна была руководить установкой поворотной части на круговой рельс: платформу со своего крана я не видел. Поворотная часть крана Левашовой была уже действительно застроплена. На ней стояли, ожидая меня, Тихон Согников и его кочегар Петя Борисов, держали в руках петли стропов.

— Ты бы ушла с крана, Саня,— негромко произнес за моей спиной Смоликов.

Я обернулся. Санька молча глядела на меня расширившимися глазами, прижимала к щекам кулаки.

— Иди-иди.

— Не надо, Сережа, не проси,— глухо ответила она.— Иначе поссоримся!

Я сел за рычаги. Погонял вхолостую машину, потом лебедку, они работали, как обычно. Выбросил пар, обернулся:

— Тогда хоть ты, Иван Иванович, сползи на понтон.

— Я — не Саня, я — могу,— улыбнулся он, спустился с крана.

Я спустил крюк своего крана,— ночью Катя перепасовала тросы грейфера, подвесила вместо него крюк,— Согников и Борисов надели на него петли стропов, спрыгнули с поворотной части на палубу понтона, ото-

шли в сторону. Я потихоньку выбрал стропы, они натянулись, чуть подрагивали от напряжения. На губах был соленый пот, рубашка прилипла к спине. Еще не начиная подъема, я уже испытывал такое ощущение, будто мои руки и ноги, все тело непостижимым образом слились воедино с моим краном. Ревели машина и лебедка, трепетали от напряжения грузовые тросы, стропы, кран наклонялся и наклонялся, вот я уже почувствовал, как от перегруза оторвались сзади его катки поворота от кругового рельса, а махина левашовского крана все была неподвижна. И когда я уж чувствовал, что вот-вот мой кран опрокинется — такое предельное напряжение испытывал он, и я вместе с ним, — поворотная часть крана Левашовой вдруг поплыла вверх. Выше, выше, и я осторожно включил поворот своего крана. Вот и стенка берега. Наташа на ней, ее поднятые руки... У меня вдруг заломило плечи, будто их сжали невидимые тиски, Наташа резко взмахнула руками, я выключил поворот. Она медленно повела рукой в сторону, я включил увеличение вылета стрелы своего крана. Поворотная часть крана Левашовой пошла от меня, постепенно скрываясь за стенкой берега, вот уже видна только кабина ее... Почему же так болят плечи?.. Наташа опять резко взмахнула руками, я выключил вылет стрелы, начал медленно травить тросы подъема, вот виден уже только верх поворотной части крана Левашовой... А Наташа все медленней, уже почти спиной повернувшись ко мне, опускала и опускала вытянутые перед собой руки... Резкий горизонтальный взмах, и тотчас мой кран вместе с понтоном облегченно, сильно качнуло назад.

— С тебя — сто грамм! — крикнул я Наташе.

— Литр ставлю! — ответила она. — Теперь чушечки мои чугунные подавай!

Все четыре с половиной тонны противовеса, состоявшего из чугунных чушек, были сложены в грейфере крана Левашовой, замкнутые челюсти его для надежности перевязаны тросом. Я перенес противовес на стенку. Потом поднял бухты запасного троса, баки с маслом, целый ковш запасных деталей, два других с арматурой, паротурбинкой, койками и тумбочками. Хозяйственная Наташа ничего не хотела оставлять на зиму на понтоне.

— Куда она, интересно, мебель-то будет ставить? — растерянно спросила Санька.

— Все, Серега! — радостно кричала мне Наташа со стенки. — Все до последней щепочки! Всю твою команду приглашаю на новоселье. Слышишь, Серега?

— Слышу.

Кран Левашовой стоял на круговом рельсе платформы ловко, будто специально был выпущен заводом для таких работ.

— Хоть рацпредложение оформляй, Серега, — смеялся Смоликов.

И стрела крана лежала на длинной платформе, около нее радостно возились Сотников с Борисовым.

— Ну, — торжествующе сказала Наташа, — через двое суток буду работать!

— Куда же ты все-таки барахло свое денешь? — насмешливо спросила Санька.

— Как это — куда? — возмутилась Наташа. — Строительное начальство куда-нибудь нас поселит, так?.. — И заговорила уже горячо, сбивчиво: — Ты погоди, девка! Вот начнете с Серегой жить домом своим, поймешь, чего каждая мелочь в хозяйстве стоит! Ты кроме общежития — проходного двора — что видела?

Когда я поднял и установил на платформы краны Петухова и Панферова, было уже восемь вечера. Устал я так, что даже не мог есть. Хотел сразу лечь спать. И в это время зазвонил телефон. Катя протянула трубку.

— Тебя. Наконец-то Кузьмин! — Катя весь день так и просидела около телефона.

— Слушаю, Виктор Трофимыч.

— Добрый вечер, Сергей Сергеевич, — голос у него был усталым, — упустили мы вашего приятеля.

— Как так?

— Да он сошел с баржи Валиулина еще в двадцати километрах от Степши.

— Значит, когда мы с Катей были на барже...

— И он был на ней.

Еще вечером Смоликов погасил топку котла нашего крана, выпустил из него воду. Пушкарев прислал бригаду монтажников. С помощью двух порталных кранов за смену мы перемонтировали наш кран на железнодорожную платформу, установили на нем снова стрелу, все остальное.

С общежитиями на строительстве было трудно. На наших четырех кранах оставалось девятнадцать человек. По распоряжению Морозовой нам выделили четыре комнаты: три мужских и одну женскую.

Надежда Ивановна сняла гусеничные краны с железной дороги, перебросила их на строительные площадки, а наши направила на их место. Поэтому мы остались в центральном поселке строителей, и общежитие было новым, еще пахло свежей краской. В первом этаже располагались красный уголок и библиотека. Мы с Санькой оказались в разных комнатах, комендант общежития отказалась предоставить нам отдельную, потому что у нас еще не было брачного свидетельства. Санька молчала, только искоса, вопросительно и тревожно поглядывала на меня. Я знал, что мне надо просто пойти к Морозовой или хотя бы к Саше Костылеву. До регистрации нашего брака оставалось девятнадцать дней. Но я почему-то не мог заставить себя сделать этот простой и обычный шаг.

Саша Костылев сам приехал к нам в общежитие посмотреть, как мы устроились. Обошел наши комнаты, посидел с нами, покурил... Санька по-прежнему молчала, и мне это было приятно. Наташа да и другие вопросительно поглядывали на меня, но тоже ничего не говорили Саше. Он уже собирался уходить и вдруг по-мальчишески покраснел, глядя на Саньку и меня, потом растерянно потер свой высокий лоб:

— Сегодня же, Серега, улажу, чтобы вам с Санькой дали отдельную комнату.

Наша с Санькой комната была на шестом этаже. В ней стояли шкаф, маленький письменный стол, круглый обеденный, полутораспальная кровать, тумбочка с зеркалом. Когда мы впервые вошли в комнату, поставили свои чемоданы, Санька вдруг села к столу не раздеваясь и заплакала.

— Что ты? — испугался я.

Она подняла полные слез глаза:

— Понимаешь, у меня ведь никогда не было семьи, Сережа. Правда, в детдоме мы жили единой семьей и сейчас в портовском общежитии тоже... Но все-таки: муж и свой дом...

— Ах ты, Санька! — пробормотал я, подошел, обнял ее, прижал к себе.

Каждый месяц нам из порта переводили командиро-

вочные и зарплату, тратили мы пустяки, только на еду. И за время этой командировки у нас с Санькой накопилось четыреста двадцать рублей. Пересчитав деньги, Санька вопросительно поглядела на меня.

— Мы с тобой проживем здесь еще год, а может, и больше,— ответил я.— Давай купим телевизор, что ли?

— Нет,— рассудительно ответила она.— Если уж покупать телевизор, то большой, настоящий, на него уйдут все деньги. А когда еще химкомбинат наладит прием телепередач, так?

— Да, правильно,— согласился я.

— На телевизор мы с тобой еще денег накопим, ведь на еду у нас больше ста двадцати рублей в месяц никак не уйдет, так?

— Так.

— А на эти деньги, что у нас есть, во-первых, надо устроить свадьбу, а во-вторых, купить первое необходимое для уюта, чтобы у нашей комнаты был домашний, а не казенный вид.

— Тоже верно.

Она ласково улыбнулась.

— Вот они, властелины наши!

— Дома хозяйство ведет Пелагея Васильевна, я тебе о ней говорил... Мы деньги отдаем Пелагее Васильевне, она и покупает, что надо.

Санька осторожно взяла меня за руку, сказала мягко:

— Я так понимаю, что ты денежного вопроса по-настоящему в жизни еще не касался?

Я честно подумал, вспомнил школьные свои годы, потом службу в армии, теперешнюю жизнь и вынужден был согласиться.

— Да, по-настоящему никогда не касался.

— Но ведь ты теперь — муж, скоро, может, и отцом семейства станешь.

— Ну и что? Буду приносить все деньги тебе.

— А почему так получилось, что ты после школы не пошел в институт?

— Просто еще не знал тогда, в какой идти.

— А Сергей Платонович?

— А он как же мог знать, какая профессия мне больше по душе?

— Я ведь потому спрашиваю, что большинство родителей считают: обязательно высшее образование!

— Ну, ближе с отцом познакомишься, увидишь, что он

не такой. А в армии я служил в танковых войсках, окончил школу механиков, увлекся техникой.

— Поэтому и в институт после армии пошел?

Мы еще долго сидели молча. Санька сказала, лукаво улыбаясь:

— Сейчас я буду руководить своим властелином-мужем, инженером без пяти минут, и мы с ним совместно составим список, что нам надо купить в первую очередь.

Список наконец был окончательно отработан. Мы с Санькой пошли в магазины. До сих пор я не любил ходить по магазинам. А тут вдруг поймал себя на том, что мне хотелось купить почти все. Даже самый выбор той или иной вещи сделался для меня очень важным. Санька только ласково посмеивалась, с железной твердостью придерживаясь составленного списка. Я сначала пробовал ей возражать, даже возмущался ее непреклонностью, но очень быстро подчинился ей.

Некоторые отделы универмага Санька старательно обходила, кидая на них косые взгляды. Еще когда мы выходили из дому, я решил, что куплю Саньке золотые часы, как свадебный подарок. У Саньки были простые, на обычном ремешке. Но когда сказал ей об этом, она усмехнулась:

— Не сердись, Сережа, но с этим еще успеется,— покосилась на витрину, в которой лежали кольца.

Я понял, что Саньке хочется купить золотые обручальные кольца, и уговорил ее это сделать. Она еще в магазине, покраснев от смущения, достала из коробочки свое кольцо, надела его на палец, счастливо засмеялась.

25

— Добрый вечер, Сергей Сергеевич,— Кузьмин поднялся, пожал мне руку.

— Здравствуйте,— я пожал его руку, сел, огляделся: кабинет был маленьким, но подчеркнuto чистым.

— Ну, как, привыкаете к оседлому образу жизни? — Кузьмин протянул мне через стол сигареты.

— Спасибо,— я взял сигарету, он чиркнул зажигалкой, оба мы закурили.— С жильем нас устроили хорошо, мы с Санькой даже получили отдельную комнату. Приглашаем вас на нашу свадьбу, Виктор Трофимыч!

— Спасибо. Приду непременно.

— Свадьба будет в клубе, о дне торжества известим особо.

— Спасибо,— повторил он, и серые глаза его утерали на миг свою зоркую внимательность, стали вдруг смущенными.

И этот человек спросил:

— Как вам работается, Сергей Сергеевич, в новых условиях?

— Да нормально вроде. И водоснабжение Пушкарев нам наладил, сварил баки для воды. Только вот инспектор котлонадзора нас помучила, пока заново приняла наши краны после ремонта. Но не в этом главная наша беда, Виктор Трофимыч!

— Так-так?..

— Два начальства теперь у нас образовалось.

— Повезло вам!

— Так же ежесуточно отчитываемся перед портом по радио, и на летучки начальника перевозок ходить приходится. Но и это еще не все...

Здание милиции, на втором этаже которого был кабинет Кузьмина, располагалось в центре поселка строителей. Сквозь уже замерзшие стекла проникали звуки проезжавших машин, даже музыка и голоса, сигналы строительных кранов. Поселок был переполнен людьми, жил привычной для него деловитой, напряженной жизнью.

— Вы вот спросили меня, Виктор Трофимыч, как я привыкаю к оседлому образу жизни? Не знаю, как вам, а мне, похоже, трудно будет расставаться с оседлостью строителей химкомбината!

— Да, Сергей Сергеевич, каждому из нас запомнится это время нашей жизни. Как радостное!

— Вы извините, Виктор Трофимыч, я все хочу спросить, почему вы стали следователем? Как поняли, что это ваше призвание?

— Да как вам сказать... Мой отец был пьяница, часто обижал маму, мне было больно. Я рос болезненным ребенком, слабым. Вот и выработалась во мне постепенно ненависть ко злу в любых его проявлениях. А одновременно с этим — любовь к добру.— Он замолчал. Не смотрел на меня.— Дома привыкли, что я много работаю.— И поднял наконец на меня глаза.— Ну, а теперь уж о деле, из-за которого я попросил вас навестить меня. Пришлось,

знаете ли, взять у прокурора ордер на арест Паниной с Валиулиным.

— А почему вызвали меня одного?

— Да не хочется лишний раз будоражить Соколову. Дело — ясное, Валиулин во всем признался, Панина все равно будет отрицать решительно все. То есть, надеюсь я, Сергей Сергеевич, что, может, хватит вас одного, а Катю не буду тревожить до суда. Или уж только в крайнем случае. Когда вы позвонили мне, я послал на баржу Валиулина двух наших сотрудников. Готовясь к встрече с Вороновым в Степше, они облазили всю баржу, ничего подозрительного не заметили.

— Так где же он прятался?

— И сейчас не знаем.

— А Панина с Валиулиным?

— Панина все отрицает, а Валиулину кажется, что за бортом Воронов мог висеть на якоре. С палубы-то якоря не видно, когда он подтянут, и над носовым, и над кормовым якорями палуба нависает.

— Значит, заметил Воронов, как вы людей на баржу посадили?

— Выходит, что так.

— А как же ваши люди не заметили, как он в Медвежьем с баржи сошел?

— Умеет уходить, иначе столько времени на свободе не разгуливал бы.

Я вспомнил, как Воронов исчез тогда из кабины самосвала Гриньки, будто испарился.

— Так и прокатились мои ребята зря до Салино.

— Как вы узнали, что он в Медвежьем сошел?

— Старик-бакенщик его видел. По фотографии его узнал. Сомневался, потом нам сообщил только к вечеру... При обыске среди вещей Паниной были обнаружены десять тысяч рублей. Она заявляет, что впервые их видит. Панина дважды судилась, отбывала сроки. В первый раз проходила по совместному делу с Вороновым. Ей тогда всего пятнадцать лет было.

У Кузьмина вдруг напряглись желваки на скулах, прищурились глаза, сжатыми кулаками он пристукнул по столу:

— Думаете, приятно, Сергей Сергеевич, с такими вот отбросами дело иметь?

— Понимаю.

— Ах, да, — вспомнил он. — Напишите, пожалуйста,

подробно все, что слышали тогда из разговора Паниной с Валиулиным. Укажите, что и Соколова может подтвердить ваши показания. А тогда уж придется вам помучиться: я устрою вам очную ставку с Валиулиным и Паниной.

Валиулин по-стариковски расслабленно плакал, на Панину поглядывал брезгливо, видно было, что боится ее. В конце вспомнил умершую жену, сказал, скоро с ней встретится. На него было жалко и противно глядеть.

Панина держалась независимо, сидела на табурете, закинув ногу на ногу. Ее лицо было багровым. И особенно тяжелым казался массивный подбородок, кончиком языка она то и дело облизывала толстые губы. Она действительно все отрицала. Панина, видимо, знала, что ее ждет.

Скрипнула дверь, в кабинет вошла светловолосая девушка.

— Простите, Виктор Трофимыч, но полковник сказал — срочно, — она протянула через стол большой конверт.

— Ничего-ничего, Анечка, — проговорил Кузьмин, беря от нее конверт, на его непримиримо-строгом лице появилась улыбка. — Спасибо.

Девушка бесшумно вышла. Кузьмин положил конверт на стол, поднял голову и посмотрел на Панину. Лицо его опять стало отчужденно-строгим. Панина сложила на груди руки, усмехнулась, прямо глядя на Кузьмина.

В конверте было несколько больших фотографий и записка. Кузьмин прочел ее, внимательно разглядывал фотографии, одну из них показал Паниной:

— Этого человека не знаете?

— Откуда... — начала Панина.

Запечатленный на фотографии мужчина лет тридцати пяти был мертв...

— Сашок? — хрипло выговорила Панина. — Кто же это тебя так, Сашок?!

— Воронов его, Тамара Васильевна, — ответил Кузьмин, протянул ей и другие фотографии.

Она схватила их, рассматривала, потом аккуратно положила на стол.

— Когда мы приехали, инкассатор был еще жив,

сказал, что это Воронов убил Григорьева, — проговорил Кузьмин.

В глазах Паниной сейчас было откровенное горе. На миг мне стало даже жаль ее.

— Зачеркнул Папаша мою жизнь. Ах, гад он! — Панина стукнула кулаком по колену. — Пишите...

И она заговорила быстро, сбивчиво.

Это она вызвала сюда, на строительство химкомбината, Александра Григорьева, с которым познакомилась в заключении. С ним приехал и Воронов. Это Воронов отпустил растяжку трапа, из-за чего и погиб крановщик Прохоров. Воронов боялся, что Прохоров может сообщить о нем в милицию. Видно, псих этот Воронов.

26

Будильник в общежитии строителей был ни к чему. Хоть мы с Санькой и жили в отдельной комнате, но ровно в шесть утра из коридора и соседних комнат начинали звучать голоса, раздавался торопливый топот многих ног. Санька как-то спросила у меня, растирая ладонями розовое от сна лицо:

— Мальчишкой бывал в пионерлагере?

— Конечно, бывал.

— Вот, знаешь, случится иногда проснуться до гонна побудки, лежишь в темноте, на соседних кроватях девчонки сопят. Еще минуты две-три — тишина. А потом весь лагерь сразу просыпается, звенит от голосов. И здесь то же самое, а ведь живут — люди взрослые, есть даже семейные.

Наш кран теперь перегружал уголь с железнодорожных платформ на самосвалы. Все четыре нитки путей были залиты ярким электрическим светом, по ближней к поселку обычно шли пассажирские поезда, по трем остальным — товарные. Большой пассажирский вокзал еще строился, рядом с ним действовал временный, деревянный. Но уже было деление станций на товарную и пассажирскую, наши краны работали на первой, она располагалась примерно в километре от строящегося вокзала. Еще подходя к нашему крану, установленному на платформе, я автоматически присмотрелся к его работе. Движения крана были ровными. Сегодня ночью работали посменно наш новенький крановщик Юра Корнеев и Катя. Платформа с краном стояла на край-

ней к шоссе нитке путей, по одну сторону от нее стоял состав с угольными платформами, по другую двигалась цепочка самосвалов. Мне понравилось, как Юра осторожно, чтобы не повредить платформу, опускал на нее разинутые челюсти грейфера. Забирая в них уголь, одновременно чуть приподнимал грейфер, чтобы острые кромки его не скребли пол платформы. Плавно поворачивался, останавливая грейфер точно над кузовом очередного самосвала, высыпал уголь. Самосвал на это время приостанавливался, даже не выключая двигатель; осев под тяжестью угля, уходил, его место занимал следующий. А по двум дальним от шоссе ниткам путей в это время проходили грузовые составы, на товарной станции было шумно и суматошно.

Работать нашим кранам на железной дороге предстояло до весны, поэтому механики попросили меня договориться с Морозовой, чтобы мехцех Пушкарева сварил нам небольшие будки, которые можно было бы установить в конце каждой крановой платформы. Я сделал чертежи, учитывая, что в такой будке должны поместиться верстак, стеллаж с деталями, место для баков с водой, тумбочка для радиотелефона и документов крана, две подвесные койки одна над другой. Отопление в будку подавалось из крана.

Надежда Ивановна утвердила проект, Пушкарев быстро изготовил будки.

Еще не поднимаясь на платформу, я увидел Юру Корнеева. Был он невысоким, плотным, то, что называют — кряжистым. И сейчас за рычагами он сидел по-медвежьему неловко: покатые широкие плечи его были опущены, ноги косолапо стояли на педалях, сильные руки надежно держали рукоятки рычагов, грубоватое лицо с большим носом, широким ртом, массивным лбом было наклонено, маленькие глаза глубоко спрятались.

Поднялся на кран. Катя повернула ко мне голову, кивнула, здороваясь, чуть улыбнулась... И я кивнул ей в ответ, прислушался к шуму лебедки, потом машины. Коленчатый вал ее, кажется, ревел чуть глуше обычного, надо будет немного отпустить вкладыши подшипников.

Юра тоже обернулся ко мне, на миг выключив машину, мы с ним кивнули друг другу.

— Порядок, Серега, — медлительным баском сказал Юра, спокойно глядя на меня. — Норму пока перевыполняем, Катя в журнале запись сделала.

— Если выберешь время, чуть отпусти вкладыши подшипников вала машины.

— Да я сам слышу, — он кивнул мне.

— Я это сделаю, Серега, — поспешно проговорила Катя.

Юра снова начал работать, а я пошел в будку на платформе. Шел и улыбался... Вот и ничего особенного в Юре нет, обыкновенный парень с обычной судьбой: школа, армия, теперь вот стройка. В армии получил он специальность крановщика, после демобилизации приехал сюда к началу строительства химкомбината, живет и работает, как все. А Кате легче уже от одного того, что она просто молча сидит рядом с ним. Как тут не вспомнишь слова тети Нюры о нужде человеческой в доброте?!

27

После смены мы с Санькой вымылись, переоделись, пообедали по-настоящему. Сегодня в девятнадцать часов Алла Викторовна улетала в отпуск к маме в Ленинград, мы все хотели поехать проводить ее. Работать на кране вечером оставался Смоликов.

Провожать Аллу Викторовну пошли все механики кранов. Мы купили ей шишек с кедровыми орехами, Наташа собрала продуктов в дорогу, а Санька с Катей отправляли в подарок маме Аллы Викторовны меховые домашние туфли, сшитые местной артелью.

— В теплой ленинградской квартире они, конечно, ни к чему, — сказала Санька, — но как сувенир...

Когда Алла Викторовна, похудевшая за время болезни и особенно щупленькая, вышла в приемную больницы, увидела нас всех, ее остренький подбородок дрогнул, покривились пухлые губы, она не сдержалась, заплакала, благодарно глядя на нас зеленовато-серыми, лучистыми глазами.

— Ну-ну... — ласково сказала ей Наташа, совсем материнским движением обняла ее, прижала к себе.

И Алла Викторовна доверчиво ткнулась лицом ей в грудь.

— Вот, Алла Викторовна, вашей маме на память о Сибири, — сказала Катя, протягивая туфли.

— Спасибо, Катенька! — они обнялись и поцеловались.

Мы все стояли молча вокруг. Ничего особенного, конечно, не происходило, просто человек после болезни уезжал во внеочередной отпуск по настоянию врачей. И проработали мы с Аллой Викторовной всего одну навигацию, многого она еще не умела и не знала, часто ошибалась. Но вот мы все пришли проводить ее. Пришли не потому, что так полагается, а потому, что за эти несколько трудных месяцев мы сроднились с ней, как с человеком, который наперекор всему честно старается войти в работу, стать полезным делу. Пусть человек этот и неопытен, и делает чуть ли не первые самостоятельные шаги в жизни. Да ведь таких — большинство здесь, в глухой тайге, на строительстве гигантского комбината. Но мы-то хорошо знали цену вот этим откровенным и чистым стремлениям человека, ведь это на них, прежде всего, как на фундаменте, основывалось и все грандиозное пробуждение этого края к новой жизни.

На аэродроме перед посадкой в самолет Алла Викторовна сказала, оглядываясь вокруг:

— Здесь уже настоящая зима, мороз и темнота, а в Ленинграде — еще осень... Вот поживу под маминим крылышком, подлечусь — и снова к вам!.. — улыбнулась смущенно: — Больше месяца без вас и не выдержу.

— И мы вас будем ждать, Алла Викторовна! — ответил Панферов.

Самолет улетел, скрылись его разноцветные огоньки в темном, по-зимнему густо усыпанном остренькими точечками звезд небе. А мы еще постояли на морозе, потом молча разошлись.

Когда раздевались в вестибюле клуба, Санька вдруг удивленно сказала мне:

— Смотри, Сережа.

Юра заботливо и вежливо помогал Кате снимать пальто.

На стене поодаль висело большое объявление о диспуте на тему — брак и любовь.

— Может, послушаем? — спросил я Саньку, кивая на объявление.

— Давай сначала потанцуем, — попросила она и потянула меня за руку к широко раскрытым дверям танцевального зала.

— Соскучилась? — спросил я, идя за ней.

— Ага, Сережа!

— Скучно у нас с тобой медовый месяц проходит? Не о таком, наверно, ты мечтала?

Танцевали мы с Санькой долго, не пропуская ни одного танца. Мне было радостно видеть ее раскрасневшееся, увлеченное и счастливое лицо.

Как-то утром я случайно увидел около нашего настенного календаря листок бумаги, аккуратно приколотый к стене кнопками. Саньки в комнате не было, она ушла готовить завтрак. На листке были в строчку выписаны в обратном порядке цифры: 10, 9, 8, и так до единицы. Десять и девять уже были вычеркнуты. Понял: до свадьбы осталось восемь дней. Цифры Санька выписала аккуратно, старательно. Я решил, что мы с ней обязательно сохраним этот листок. За этим простеньким листком бумаги мне увиделась вся Санька, в которой еще много детского, но одновременно очень милого и дорогого мне.

— Снять, Сережа? — негромко спросила она у меня за спиной.

Я обернулся, посмотрел в ее глаза, сказал тихонько:

— Я люблю тебя... Очень люблю, Санька!

— И я тебя, Сережа!

— Листок этот мы сохраним.

— Да, — она смотрела мне в глаза и будто все ждала чего-то.

— Сегодня же позвоню отцу!

— Я хотела тебе напомнить и боялась.

— Почему боялась?

— Не знаю... И потом... — ее серые, внимательные глаза стали растерянными. — Немножко боюсь... Вдруг я не понравлюсь Сергею Платоновичу?

— Ты уже понравилась ему. И сама знаешь об этом.

Было еще рано, отец не успел уйти на работу, и я позвонил по радиотелефону через диспетчерскую порта домой. Трубку взяла Пелагея Васильевна:

— Доброе утро, Сереженька! — И сразу обеспокоенно спросила: — У тебя все в порядке?

— Не беспокойтесь, в порядке. Просто хочу пригласить вас с отцом на свадьбу.

— Ну поздравляю! — засмеялась она. — Вот молодец, что позвонил: Сергей Платонович поджидал этого.

Он-то обязательно приедет, а меня уж, старуху, вы не ждите, Сереженька, болезни меня замучили,

К телефону подошел отец.

— Доброе утро, — сказал я.

— Доброе утро, Серега!

— Как ты чувствуешь себя?

— Все нормально. А как тебе работается в новых условиях?

— Тоже все нормально.

— Ну, через неделю встретимся?

— Если не сможешь приехать, сообщишь?

— Почему не смогу? Обязательно приеду!

Строго выполняя все указания Саньки, я оделся со всей тщательностью. Санька сама выбрала мне галстук. Мы с ней собирались в клуб на танцы, Санька сказала:

— Надо зайти к завклубом Пете Лазареву, еще раз проверить, как обстоит дело с залом для свадьбы.

Я сидел, курил, с удовольствием смотрел, как Санька причесывается перед зеркалом. Она стояла, подняв руки, и короткий подол платья открывал ее стройные ноги выше колен. Теперь Санька только чуть подкрашивала ресницы и губы.

— Понимаешь, — сказала Санька, встретившись со мной глазами в зеркале, — такая вот мальчишеская прическа, как у меня, никак не подходит замужней женщине.

Снег приятно поскрипывал под ногами, чистый морозный воздух охлаждал щеки и нос, небо было высоким, густо-черным, сплошь усыпанным частыми точечками звезд. На улице поселка горели фонари, ярко светились окна домов, слышалась музыка и смех. А народу было так много, точно сейчас не зимний вечер в таежном поселке, а воскресный летний день в большом городе. Я держал Саньку под руку, мы поминутно здоровались со знакомыми, Санька шепнула мне:

— Тебе не жалко, Сережа, что хоть и через год, а придется нам с тобой уезжать отсюда?

— Жалко, конечно. А ведь крановщики и на химкомбинате будут нужны, когда он войдет в строй.

— Тем более ты через год инженером будешь.

Танцевала Санька, как обычно, с удовольствием, и

ушли мы с танцев, когда уже перестала играть музыка и в зале выключили свет. Мороз, казалось, стал еще сильнее, мы почти бежали к общежитию.

Наша свадьба была в воскресенье, мы с Санькой еще спали, когда приехал отец. По осторожному стуку в дверь я понял, что это он. Зажег свет, открыл дверь. Отец стоял в коридоре, смотрел на меня и молча улыбался.

— Здравствуй, — сказал я, чувствуя, как в груди делается горячо от радости. — Вот спасибо, что приехал!

— Здравствуй, — он вслед за мной вошел в комнату, поставил на пол портфель, с которым обычно ездил в командировки, снял перчатки, протянул мне свою большую руку.

Я пожал ее. Очень светлые, серо-голубые глаза отца радостно поблескивали. Большеносое и широкоскулое лицо его порозовело от мороза, на мохнатых бровях таяли снежинки. Отец снял шапку, привычно пригладил ладонью свои коротко остриженные светлые волосы. Потом так же неспешно расстегнул пуговицы пальто, снял его, протянул мне.

— Ой, Сергей Платонович!

— Здравствуй, Саня! — отец, высокий, широкоплечий, стараясь не наследить мокрыми ботинками, подошел к кровати.

— Здравствуйте, Сергей Платонович, — выговорила Санька, отчаянно побагровев, подавая ему голую до плеча руку, другой натягивала к подбородку одеяло.

А мне вдруг сделалось будто еще радостнее и легче. Я видел, как ласково улыбается отец Саньке, с каким одобрением, радостью и даже удовольствием смотрят на нее его глаза. И только сейчас сообразил, что отец ведь впервые видит Саньку!

— Ну, вставай, Саня, одевайся, а мы с Серегой пока в коридоре покурим, — сказал отец и пошел к двери.

— Я вас сейчас завтраком накормлю! — успела сказать Санька.

Мы с отцом стояли в коридоре, курили. Мимо нас проходили соседи, здоровались со мной, с любопытством поглядывали на отца.

— Как быстро время идет!.. — сказал он. — Давно ли, кажется, мы с твоей матерью жили в портовском общежитии? Оно, конечно, было похуже этого, так ведь и время было другое. А вот сейчас увидел тебя, позна-

комился с Саней и будто снова в молодость свою вернулся, Серега!

Я молчал вопросительно. Отец все улыбался, вспоминая что-то, и лицо его было разгладившимся, радостным и печальным одновременно.

— Здорово, Серега! — сказала мне Наташа; с полотенцем на плече она возвращалась из душевой. Увидев отца, приостановилась.

Я познакомил их; а тут подошли Панферов, Катя с Юрой, еще кое-кто. Окружили отца. Я перепознакомил с ним всех.

— Поймите совесть, граждане! — весело перебила говоривших Наташа. — Сергей Платонович на свадьбу сына приехал, а мы навалились на человека всем гамузом, слова ему не даем с молодыми сказать!

И мы вернулись в нашу комнату.

— Садитесь за стол, я сейчас, — Санька схватила чайник, побежала на кухню.

— Надо бы мне умыться с дороги. Достань из портфеля мое полотенце да покажи, где у вас моются.

Я провел отца в душевую, постоял рядом, пока он умывался над раковиной. Все его движения, даже фырканье, я помнил еще с детства... И как он потом вытирался полотенцем, причесывался перед зеркалом неспешно и тщательно. Уже спрятав расческу в карман пиджака, еще раз проверил в зеркале, аккуратно ли причесался. Это он делал совершенно так же, как в те давние времена, когда я еще в школу не ходил.

Санька успела приготовить яичницу с колбасой, поставила на стол конфеты, нарезала булку. Отец молча с удовольствием следил, как она ловко накрывает на стол.

— Ну-ка, Серега, дай мой портфель, — достал из него баночку варенья, протянул ее Саньке. — А это тебе от Пелагеи Васильевны.

— Спасибо, Сергей Платонович! Жалко, что она не смогла приехать!

— Старенькая она уже совсем, Саня, — отец сунул руку в карман пиджака, достал маленькую коробочку: — А это — от меня.

Санька открыла коробочку, в ней лежали золотые серьги. Она протянула мне раскрытую коробочку, показывая серьги, сказала:

— Спасибо, Сергей Платонович, никогда еще у меня

серег не было! — вскочила, побежала к зеркалу, приложила серьги к ушам, долго рассматривала себя в зеркале, поворачивая в стороны голову, вдруг заплакала, подошла к отцу, обняла его за шею и поцеловала.

— Ну-ну, что ты, девочка, что ты? — отец своей большой рукой ласково гладил ее по голове.

— Я так рада, Сергей Платонович, так счастлива! — бормотала Санька.

А мне отец подарил золотые часы.

— Ой, сейчас чай принесу! — спохватилась Санька, вскочила, собрала уже пустые тарелки, понесла их на кухню.

Отец сидел за столом, покойно откинувшись на спинку стула всем своим большим, тяжелым телом, чуть пристукивал пальцами по столу, а лицо его по-прежнему было задумчиво-сосредоточенным и радостным. И я вдруг понял, что в эти короткие минуты между ним и Санькой возник настоящий человеческий контакт. Молчал, изредка поглядывая на отца, почти бессознательно, кажется, хотел, чтобы разговор между отцом и Санькой продолжался без моего участия.

— А у нас с Сережей, Сергей Платонович, — заговорила Санька, внося в комнату чайник, — ничего такого особенного к чаю нет, только конфеты и печенье. — Она достала чашки, стала разливать чай. — Вам покрепче?

— Да, Саня.

Санька вдруг покраснела, вопросительно взглянула на меня, потом решила и, улыбнувшись, спросила негромко:

— А почему, Сергей Платонович, вы стали партийным работником?

Отец помолчал, допивая чай, но по его лицу мне вдруг показалось, что он даже ждал этого вопроса от Саньки. Если не такого прямого, то вопроса об этом вообще.

— Рассказывать тебе всю мою жизнь я не буду, Саня, хотя, возможно, что для полного ответа на этот твой простой, на первый взгляд, вопрос, мне и надо было бы это сделать. Я мог бы, конечно, остаться инженером или рабочим, если бы не кончил институт. — Он все прямо смотрел на Саньку, говорил медленно и обдуманно. — Я просто из тех людей, которым хочется как можно активнее участвовать в жизни, как можно активнее помогать людям строить новую жизнь.

— Делать людям добро, да?

— Да, Саня, в конечном счете именно добро. Я почувствовал тягу к этой работе, когда еще был комсомольцем.

— А почему же тогда кончали технический институт?

— Ну, во-первых, вначале я не был уверен, хватит ли у меня способностей для этой работы. А во-вторых, в наш технический век нельзя не знать производства.

— Но у вас есть и специальное партийное образование?

— Есть, — ответил он, так же спокойно и доброжелательно глядя на Саньку.

Она вдруг радостно засмеялась, потом выговорила смущенно:

— Я именно таким вас, Сергей Платонович, себе и представляла. И очень рада, что не ошиблась.

— Ну-ну, Саня... — отец чуточку будто даже смутился, стал закуривать.

— Ой, что это я? — опять заторопилась Санька. — Главным-то я и забыла похвастаться! — Вскочила, достала из тумбочки многотиражку со статьей о ремонте наших кранов, протянула ее отцу.

Он надел очки, внимательно прочитал короткую заметку, посмотрел на меня, на Саньку, улыбнулся:

— Еще раз поздравляю!

— Спасибо, — ответила Санька, снова аккуратно складывая газету, убирая ее в тумбочку.

— Когда свадьба?

— В семь. В клубе, — быстро ответила Санька, тоже встала: — А вы, наверно, сейчас на строительство?

— Да, Саня. — Отец виновато усмехнулся. — Еще в городе договорился и с Руденко, и с Морозовой, то есть они звонили мне, просили, чтобы зашел обязательно.

— Так я и думала, — вздохнула Санька.

— Я очень хотел бы, Саня, и погулять с вами, просто побродить по зимней тайге, — точно извинялся отец, — но мне ведь ночью же лететь обратно, а дел как всегда...

Наши отпускники прилетели утром, сразу из аэропорта приехали в общежитие.

— Ну и хоромы! — удивленно и радостно говорил

Сашка Енин, оглядывая комнату, в которой поселили его, Мишу и Комлева, забавно поводя на стороны своим утиным носом.

— Не зря, выходит, я у своей старухи отпрашивался, — тоже улыбался Комлев.

— В таких условиях мы с тобой, Серега, запросто институтские задания будем делать, да? — обрадованно спрашивал меня Миша Пирогов.

Еще накануне наши женщины во главе с Наташей приготовили стол, все свободные от смены собрались за ним. Прошел всего месяц, и прошел он быстро, но или уж потому, что наши отпускники только что были в городе, по которому все мы успели соскучиться, или просто потому, что нам очень приятно было снова оказаться всем вместе, только за столом непрерывно слышались веселые голоса и смех.

— Ну, и гульнул же я на дочкиной свадьбе! — горделиво говорил Енин. — Хобот насквозь вином пропитался, честное слово!

— Как там мои детишки? — тревожно спрашивала Наташа у всех по очереди; выслушивала ответ, что все в порядке, здоровы и шлют ей привет, опускала лицо, всхлипывала.

— Знаешь, Серега, — внушал мне Миша, — задания для заочников составлены так подробно и понятно, что мы с тобой не хуже вечерников будем учиться, а? — и уже успокоенно взглядывал на меня, поспешно улыбался: — Ну, тебе-то потруднее будет: все-таки пятый курс, а?

— Как же ты с супругом рассталась? — спрашивали Гаю Самохину.

В отпуске она вышла замуж, как и собиралась, и мы все, откровенно говоря, не были уверены, вернется ли она к нам.

— Володя шофер, — негромко отвечала Галя, невольно краснея, — и мы с ним решили, что он тоже сюда на строительство переведется работать.

— Нас тетя Нюра провожала! — сказал Сашка Енин.

— Глядеть на нее было тяжело, — вздохнул Комлев, — так она хотела с нами.

Мы все помолчали.

— Богатырев нас на прощание инструктировал, конечно, — улыбнулся Миша. — А тебе, Серега, Витя Па-

хомов по комсомольской линии целый план работы прислал.

— Я к твоей матери заходила, Катя, — сказала Мария Васильевна Звягина. — Она уже почти поправилась, даже ходит, тебя все время вспоминает и хвалит!

Катя облегченно улыбнулась, ответила негромко:

— Спасибо.

Я понял, что Катя все время ждала этого.

— Ладно, Серега, попиروвали — и будет! — серьезно вдруг сказал Панферов. — Введи отдохнувших в курс дела, а потом покажем им наши краны на платформах, пусть берутся за рычаги!

А еще через два дня к нам прилетела прямо из Ленинграда Алла Викторовна.

Мы с Санькой работали на кране, вдруг я почувствовал Санькину руку на плече, обернулся. Алла Викторовна стояла в дверях крана, молчала, улыбалась... И что-то новое было в ее лице.

— С приездом, Алла Викторовна! — сказала ей Санька.

Я вылез из-за рычагов, тоже поздоровался, протянул ей руку.

— Как приятно пахнет маслом и железом! — медленно выговорила Алла Викторовна, пожимая мне руку.

— У мамы, наверно, хорошо, — улыбнулась Санька.

— И в городе Пушкине осень красивая, — сказал я.

— А здесь — все-таки лучше! — Алла Викторовна засмеялась, потом покачала головой, точно удивляясь себе: — Даже в наш город не заезжала, напрямик сюда.

Пришлось вызвать на кран Енина, чтобы подменил меня: так Алле Викторовне не терпелось поскорее снова войти во все наши дела. Она долго и придирчиво осматривала нашу будку на платформе, читала записи в сменном журнале, захотела уже сама отчитаться за суточную работу кранов. Я сидел рядом, чувствовал неожиданное облегчение, слушал Аллу Викторовну, смотрел на нее и все не мог понять, что же в ней так сильно изменилось за время болезни и отпуска?..

И с Витей Пахомовым, с диспетчерской порта Алла Викторовна разговаривала сама, разговаривала неспешно и обстоятельно. В заключение попросила его сообщить Богатыреву, что она вернулась из отпуска прямо на краны.

Как-то за обедом Смоликов вдруг спросил меня:

— Ты не замечал, что нас молодая тайга окружает?

— Как это?

— Ничего себе, молодая, — усмехнулась Санька. — Есть кедры — вдвоем не обхватить!

Он договорил многозначительно, поглядывая и на Аллу Викторовну, и на нас всех по очереди:

— Только растет она — буквально на глазах!

— Правильно, Иван! — сказал Панферов, повернулся к Алле Викторовне: — Я ведь вроде тети Нюры всю нашу реку сверху донизу не один раз прошел. Если бы еще двадцать, даже десять лет назад кто мне сказал, что вот здесь вдруг закипит такая жизнь, я бы просто не поверил!

Когда мы с Санькой вечером ложились спать, она посмотрела мне в глаза, сказала смущенно и торжественно:

— Ребенок у нас с тобой будет, Сережа!

— А ты не ошибаешься?

— Нет, Сережа!

Я обнял ее, притянул к себе, поцеловал, удивленно и радостно прислушиваясь к новому счастливому ощущению в груди. Оно было ни на что не похожим, но таким неожиданно важным и глубоким. Вся моя жизнь, и настоящая, и будущая, вдруг обрела по-новому значительный смысл. В ту ночь мы с Санькой долго не могли заснуть, лежали, разговаривали, придумывали мальчишеские и девчоночьи имена.

А дня через два мы были в клубе. В перерыве между танцами я сказал ей:

— Ты извини, я пойду покурю.

Спустился в курилку. Закурил. От тотчас возникшего неясного беспокойства кинул сигарету в урну, пошел назад. Вдруг услышал доносившийся из-за угла чей-то негромкий и вкрадчивый голос:

— Поздно, дорогуша. Я этому человеку всем обязана. Если не сделаю, что ему обещала, или он сам, или его друзья под землей меня найдут! Да и тебя! Улавливаешь?.. Да и чего ты трусишь? Дело самое рядовое: выйдешь, не доезжая остановки до аэропорта, передашь мой билет, вернешься в город. Просто отдашь ему, понял? А сам — обратно, и все дела. И тысяча у тебя на лапе. Человек этот с виду будет похож на женщину, одет в серую шубу! На голове — шерстяной платок, на ногах — валенки, в руках — красная сумочка. Он сам

подойдет к тебе, скажет: «Привет от Зины». Ты отдашь ему билет на самолет — и гора с плеч.

— А деньги?

— Как вернешься, получишь. Я тебя буду ждать здесь, у клуба.

— Чего же ты сама-то не хочешь ему билет отдать?

— Много будешь знать, скоро состаришься. Дай-ка я тебя поцелую. Вот билет. Ну, беги, дорогуша, а то опоздаешь. Сразу садись на автобус, не доезжая остановки до аэропорта, выходи, жди этого человека хоть до утра, понял?!

Я отвернулся, наклонился, будто поправляя ботинок. Из-под руки видел, как торопливо вышел на улицу парень. Меня будто подтолкнул кто-то, я пошел в гардероб, взял с вешалки шубу и шапку, снял ботинки, надел валенки. Ботинки поставил рядом с валенками Саньки.

Мороз и ледяной ветер обожгли лицо, в неярком свете раскачивающегося уличного фонаря увидел, как от остановки уже отходит автобус на аэропорт. Именно в этот момент я понял, что не буду звонить Кузьмину, не могу терять времени, справлюсь и один!..

Выбежал на главную улицу и вдруг наткнулся на стоявшую у клуба «Волгу». В ней было темно, людей — не видно. Как-то удивительно легко решил: если дверца закрыта, взломаю замок. Плохо только, что после армии мне не приходилось водить машину... Нет, года два назад мы с отцом как-то ездили за город, я вел его служебную машину. Вот и отец, конечно, окажись он на моем месте, поступил бы сейчас так же, как я.

Неожиданно стало горячо от радости: дверца машины открылась легко, даже будто предупредительно. И ключ зажигания торчал в панели: шофер, видно, вышел на минутку.

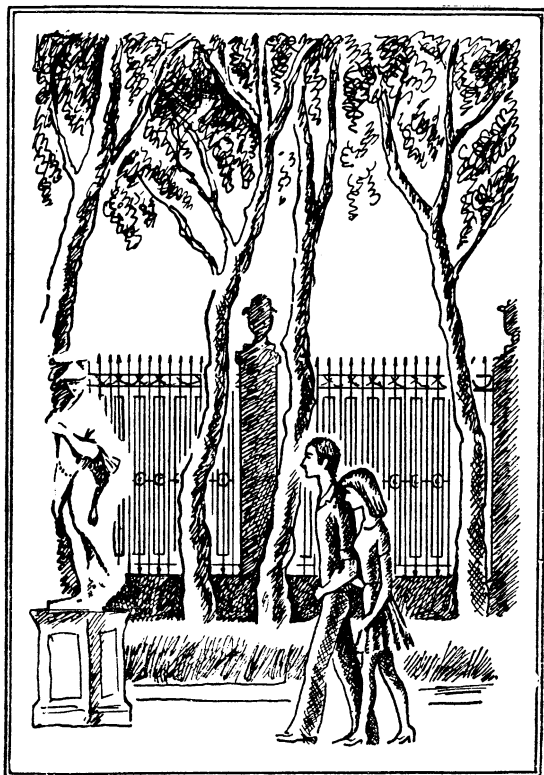
Плохо помню, как ехал по лесной дороге, как заносило на снегу машину, и вот наконец-то вдали показались уютные огоньки автобуса. Обогнал его, чуть не попав левыми колесами в кювет, выправил машину, прибавил газу.

Еще метров за сто в свете фар увидел на автобусной остановке силуэт сгорбленной старушки. Да, серая шуба, шерстяной платок, валенки, красная сумочка. По-прежнему ни о чем не думая, стал притормаживать машину. Горячая злоба и нетерпение были так велики, что

остановил машину прямо на остановке, выскочил на снег. На миг встретился глазами с Вороновым, он сразу же отвернулся. Подошел к нему, секунду посмотрел на его сутулую спину, втянутую в плечи голову, выговорил хрипло:

— Со встречей, Папаша! Игната Прохорова еще не успел забыть? — И, не ожидая, пока он повернется ко мне, схватил его за руки сзади, завел их за спину, заломил так, что Воронов застонал.

Когда к остановке подошел автобус, мы с Вороновым катались по снегу. Окружившие нас люди долго не могли оттащить меня. Только немного отдышавшись, я заметил, что оба мы в крови, полушубок мой распорот ножом, а левым глазом я почти не вижу, его закрывает опухоль. Воронова крепко держали два парня,

ПОДГОТОВКА
К ЭКЗАМЕНУ

Шла по Невскому, натываясь на встречных, как слепая. Боялась поднять голову. Сами собой сжимались плечи, спиной ощущала холод, точно сейчас был не май, а слякотная зима. Затылком чувствовала взгляд Виктора, его всегдашнее напористое упрямство. Еще успела на секунду удивиться, как это раньше мне все в нем нравилось, даже казалось, что вот именно таким — энергичным и волевым — настоящий мужчина и должен быть, а сейчас поняла, что это не энергия и воля, а простое упрямство, унижающее и меня, и его самого.

И как мы с Виктором вдруг оказались у Московского вокзала? Значит, ехали в метро от «Парка Победы», делали пересадку у «Технологического института», а я, выходит, ничего этого не заметила...

По-прежнему молча пересекли Литейный, в туннеле под землей прошли Садовую, слева остался Казанский собор... А я все ждала, что вот сейчас Виктор заговорит, и я не выдержу, уступлю ему, как всегда, и все у нас с ним будет по-старому, как полгода назад. И так мне хотелось этого, так хотелось!..

Почему же у меня горячо в груди, и спотыкаюсь на ровном асфальте, и люди, дома, автомобили видятся мне неотчетливо, словно через матовое стекло? И что такое особенное сейчас случилось? Ну, Любочка Кусикова при всем классе объяснилась Виктору в любви. Так мы и до этого знали, что она влюблена в Виктора, а я-то уж лучше других: Любочка — моя подруга. Виктор в ответ на ее признание начал смеяться, потом при всем классе объявил, что любит меня. Казалось бы, мне надо быть без ума от счастья, как принято говорить в подобных случаях, а я испугалась. Любочка отчаянно заревела, бросилась к раскрытому окну, точно хотела выброситься с пятого этажа. Виктор успел схватить ее за плечи, легко оттащил от окна, усадил за парту. Гладил своей сильной рукой ее пышные локоны, улыбался, говорил протяжно и насмешливо:

— Не плачьте, мадам Кусикова, то ли еще в жизни бывает.

И тут с Людочкой случилась настоящая истерика, нам даже пришлось держать ее — так она билась. Варвара Глебова, староста нашего десятого «А», принесла в кружке воды, Виктор стал пить Людочку. Но пить она не могла, у нее стучали зубы о кружку. Подняла глаза, увидела, что это Виктор ее поит, отчаянно сморщилась и плюнула ему в лицо. Виктор вытер ладонью щеку, улыбаясь, не спеша поднял кружку и вылил воду Людочке на голову. Мы молчали в растерянности, а Людочка вдруг перестала плакать, подняла мокрую голову и долго, как-то удивленно смотрела на Виктора, потом спросила шепотом:

— Плахов, а ты вообще-то человек? — Помолчала, все вглядываясь в него, и так же шепотом спросила: — А может, ты орангутанг или другое какое млекопитающее?.. — Она больше не плакала, даже достала кружевной платочек, вытерла лицо.

— Да нет, — сказала презрительно Варвара, — робот он. Робот, который ничем решительно не отличается от станка-автомата.

А низенький и слабосильный Петька Колыш вдруг подскочил к Виктору и дал ему пощечину. Виктор, по-прежнему спокойно улыбаясь, сграбастал Петьку своими ручищами, перевернул, уселся на учительский стул, положил себе на колени и стал шлепать, как ребенка.

Не знаю, чем бы это вообще кончилось, потому что все ребята кинулись на Виктора... Даже не помню, как мне удалось вытащить его в коридор, увести из школы...

Виктор, как обычно, держал меня под руку, молча шел рядом и улыбался так, будто ничего решительно не случилось. Когда мы с ним уже вышли на Невский, я сделала вид, что хочу поправить туфлю и освободилась от руки Виктора. А прежде ведь была так счастлива, когда он держал меня под руку.

Так молча и прошли весь Невский. Я все пыталась успокоиться, говорила себе, что ничего страшного не произошло, что я по-прежнему люблю Виктора и он меня любит... А может, даже и лучше, что он вот так прямо и даже резко ответил Людочке? Ведь было бы еще хуже, если бы в ответ на ее признание он стал вилять, обнадеживать Людочку. Но только зачем эта выходка с водой?

Нет, все-таки случилось... Да, случилось! Ведь впервые в Викторе Плахове, которого я люблю, мне неужи-

данно открылся совсем другой человек. Даже не знаешь теперь, на что он, Виктор, способен, чего можно ждать от него!

— Эх, выкупаться бы сейчас!.. — мечтательно проговорил Виктор.

Тут я обнаружила, что мы с ним сидим на скамейке на стрелке Васильевского острова, напротив — Петропавловка, у каменных стен ее бастионов — ряды загорающих, и кто-то плещется в воде у берега. Сначала я как-то машинально поглядела на широченную гладь Невы. Местами она золотилась под солнцем острыми звездочками, а вообще была серо-сиреневой, какой до этого я никогда ее не видела. Зимний дворец со своими белыми колоннами и статуями, неподвижно отражавшимися в воде, показался мне низеньким и игрушечным. А строгая, как на чертеже, решетка Летнего сада, густая зелень деревьев за ней, четкая и длинная набережная, облицованная гранитом, уставленная ровной цепочкой матово-белых круглых фонарей, будто нанизанных на невидимую прямую нить, были очень красивы. Как-то уж очень красивы, и от этого мне стало хорошо.

— Хоть и не столица, — сказала я, — а все-таки очень красив наш Ленинград, да?

— Ничего... — равнодушно ответил Виктор.

Как обычно, я не поняла, действительно ли безразлична ему красота города или он притворяется. Я осторожно покосилась на него. Он сидел, вольно раскинувшись всем своим большим и сильным телом на скамейке, закинув ногу на ногу, опираясь локтями на спинку, курил, шурясь от солнца и дыма сигареты. Лицо у него смугло-матовое, и нос с горбинкой, и волосы пышные, густые, курчавые, и скулы высокие, на щеках аккуратные бачки, а глаза большие, черные, влажные. Ресницы длинные, девичьи, кончики их загибаются кверху. Рот тоже красивый, вон даже сигарету сейчас Виктор держит как-то очень изящно. И плечи у него широкие, рубашка туго, без единой складочки натянута на груди. И ноги длинные, сильные, брюки по моде в обтяжку, сандалеты модные, блестят на солнце... Нет, просто с ума можно сойти, как он красив!

— Выкупаемся? — спросил Виктор и поглядел на меня.

Я кивнула поспешно и почувствовала, как снова на миг сжалось сердце, — в глазах его был какой-то стек-

лянный, непроницаемый блеск, точно за ними ничего нет, как у манекена или куклы. Неужели он уже успел забыть, что произошло всего два часа назад в классе?

— Слушай, — спросила я, — а почему ты вылил воду на голову Людочке?

Он сначала поглядел на мои ноги, еле прикрытые коротким подолом платья, — я даже покраснела, — потом слегка усмехнулся.

— Ну, не знаю... Пить-то Кусикова не могла, а чего мне было с водой делать?

Он встал, выбросил окурок через парапет набережной, взял меня за руку, и мы пошли к мосту через Невку.

— Вот столкну экзамены с твоей помощью, — оживленно заговорил Виктор, — и закатимся мы с тобой на юг, а? Покупаемся, как надо, это уж точно, а?

— Да, — кивнула я, хоть и не очень понимала, как это я могу закатиться на юг, когда надо сдавать приемные экзамены в вуз. И опять сказала: — Ведь Людочка тебя по-настоящему любит...

— Да брось ты ревновать! Наплевать мне на нее, любит — не любит... — и добавил неожиданно, точно каким-то чудом догадался, о чем я думаю: — И не бойся, не вру.

Я искоса глянула на него: да, сомневаться в искренности его слов не приходилось, ему не было никакого дела до Кусиковой. И я решила, спросила негромко, будто мимоходом:

— А что, если в один прекрасный день тебе вот так же будет и на меня наплевать?

— Ну, опять за ту же нитку потянула...

И тут я от неожиданности оторопела. «Опять за ту же нитку потянула...» Неужели я когда-нибудь уже говорила ему, что не уверена в нем, боюсь, как бы он не разлюбил меня? Нет, никогда у нас с Виктором не было такого разговора. Откуда же тогда у него это «опять»? Неужели он понял это уже давно по моему поведению?

— Ты что? — Виктор дернул меня за руку.

Да, вот сейчас глаза у него живые, и даже обычная человеческая глубина в них появилась. Вызванная, к сожалению, простым любопытством.

— Да нет, что ты!

Опять моя проклятая тихость!..

— Вот черт! — снова искренне огорчился он. — А в

чем же ты купаться-то будешь? Может, попросить тебе у кого-нибудь купальник?

— Чужой противно надевать.

— Да, это верно, — он даже остановился, напряженно размышляя.

— Может, один выкупаешься, а я посижу? — предложила я.

— Так вдвоем же веселее!

— Да и вода еще холодная.

— Ну, это ерунда, здоровье у тебя нормальное. Деньги есть?

Если уж Виктору чего хочется, он себе в этом не откажет.

— Есть сколько-то.

— Ну, и у меня пятерка: купим вон в том ларьке какую-нибудь дрянь, выкупаешься и выкинем.

— Ладно, — вздохнула я, не выдержала, добавила: — С тобой не пропадешь.

— А ты думала!

Как я только буду существовать без Виктора? Ну а с ним что у меня будет за жизнь?.. И я снова тяжело вздохнула. Он глянул на меня, спросил:

— Ты что? — и захохотал весело, громко; он раскачивался, приседал и все хохотал, хохотал, глядя на меня.

А у меня на глазах выступили слезы.

— Пыль попала... Сейчас пройдет...

Я стала тереть глаза кулаками.

— Ну и потешно же ты реवेशь! Да не обижайся, я просто еще ни разу твоих слез не видел.

Мне почему-то вспомнились есенинские стихи: «Ты меня не любишь, не жалеешь, разве я немного не красив...» Вот и красива я, все девчонки в школе завидуют, а трудно рассчитывать мне на простую человеческую жалость и понимание со стороны Виктора. Жестокий он. Неужели действительно у нас с ним уже все кончилось?

— Слушай, а вдруг я сейчас утону? — спросила я его.

— Ты-то? Не смейся! Плаваешь не хуже меня.

— Ну мало ли... Несчастье какое, судорога, инфаркт...

— А я-то на что? Спасу, не трусь.

Вот и этого он не понимает или делает вид, что не понимает. Совсем плохо мое дело, совсем!

— Ну ладно, давай купим вон в том ларьке какую-нибудь дрянью, — сказала я. — Выкупаемся и выкинем.

— Вот так-то лучше, — Виктор снова заулыбался.

Интересно, а Хлестаков, к примеру, обладал способностью по-человечески, всерьез и надолго огорчаться? Кажется, это было несвойственно уважаемому Ивану Александровичу. Вот и у моего Виктора Александровича легкость в мыслях необыкновенная.

Около ларька под широким полотняным тентом никого не было, за прилавком сидела пожилая женщина, читала книгу, сдвинув большие очки на самый кончик носа.

— Товарищ продавец, — насмешливо-официально сказал ей Виктор, — подберите, пожалуйста, моей красавице какой-нибудь купальничек подешевле.

Женщина медленно подняла голову от книги и поглядела на Виктора. Сначала лицо ее было отрешенно-задумчивым. Глядя поверх очков, она перевела глаза с Виктора на меня, и вдруг лицо ее ласково и добро заулыбалось, покрылось частыми морщинками. Это было привычно мне: почти все вот так с удовольствием глядели на нас с Виктором, когда мы были вместе. Потом удивленно мигнула, будто только сейчас расслышала слова Виктора, спросила негромко:

— Зачем же подешевле, она и действительно красавица!

— Для однократного пользования, — просто пояснил ей Виктор. — Выкупаемся и выбросим.

Женщина перестала улыбаться, лицо ее как-то отвердело, сделалось сердитым, почти злым. Не оборачиваясь, она протянула руку себе за спину, взяла с полки какой-то пестрый купальник, бросила его на прилавок перед нами, заговорила возмущенно:

— Вот она, ныншняя молодежь! Ни вещам, ни людям, ни жизни, ни себе цену не знают! «Выкупаемся и выбросим!..» Привыкли готовенькое получать, все у вас в жизни для однократного пользования. Что было до вас, что будет после вас — вам наплевать! Кукушки вы, а не лебеди, прохожие гости Земли!

— А вы интеллектуалка, тетенька! — ничуть не смущаясь, ответил Виктор. — Спасибо за ликбез.

И, не глядя на купальник, бросил на прилавок деньги. У меня от смущения горели уши.

Как она сразу поняла Виктора! Я почти полгода с

ним знакома и только теперь начинаю все это видеть в нем. Мне стало нестерпимо стыдно, я схватила купальник, побежала в кабинку переодеваться. Купальник неожиданно оказался впору мне, и я поняла, что не выброшу его. Когда вышла из кабинки, неся в руках вещи и портфель, Виктор в одних трусах стоял около скамейки, курил, улыбался, глядя на солнце. Стройным, мускулистым, уже красиво загоревшим и сильным был он. Вещи его, сложенные аккуратно, лежали на скамейке. Боковым зрением увидела, что две девушки шепчутся, глядя на него.

— Ну, в воду! — скомандовал Виктор, схватил меня за руку, и мы побежали к воде.

Я была точно во сне, в первый момент даже не поняла, холодная ли вода. Азартным кролем пошла за Виктором. Плыла, плыла, выдыхая воздух в воду, хватая его раскрытым ртом — краем глаза видела двухслойную сине-голубую полосу воды и неба. И вдруг наткнулась на Виктора. Он улыбался, стоя в воде, глядя на меня. И я тотчас счастливо заулыбалась ему в ответ. Стремительное движение отодвинуло куда-то далеко-далеко все то неприятное, что случилось сегодня в школе, о чем я все время мучительно думала.

Схватила руками за плечи Виктора и только теперь увидела, что мы с ним были на середине Невы. Вдали сиял шпиль Петропавловской крепости; здания Эрмитажа и Зимнего дворца на другом берегу казались совсем низенькими. Я увидела, что в глазах Виктора пропал стеклянный блеск, они были живыми, а в глубине их появился озорной огонек. Вот за это я любила его. Виктор обнял меня правой рукой, притянул к себе, прижал крепко.

Опомнилась я только тогда, когда нас с головой окатило водой. Раскрыла глаза — метрах в двадцати прошел пассажирский катер, на нем играла веселая музыка, а по-летнему разноцветно одетые пассажиры смотрели на нас и смеялись. Виктор все крепче прижимал меня к себе, точно вообще не видел ни катера, ни людей, но я обеими руками уперлась ему в грудь, с трудом отодвинулась. Решилась, глянула ему в глаза — они были совсем черными и непроницаемыми, снова чужими. Отвернулась поспешно, окончательно высвободилась из его рук, что есть силы поплыла обратно. И тотчас вспомнила Людочку и все, что случилось сегодня в клас-

се; вспомнила, как мы с Виктором молча прошли весь Невский, как я мучилась. Ну, от Виктора, предположим, я еще могу убежать, а от себя самой куда спрячусь?!

Мы вышли из воды, сели на нашу скамейку, и Виктор стал закуривать. Вдруг он негромко и сердито спросил:

— Чего ты дразнишь меня, а? Или у женщин это уж так положено?

И опять мне стало холодно, сжались плечи. Я опустила голову. «Дразнишь...» И ведь сам понимает, что не дразню. И снова то тяжелое и горькое, что было до нашего купания, подступило ко мне.

Он еще что-то говорил, но я уже не слушала и все не могла поднять голову, посмотреть на него. Дрожать от холода я уже перестала, солнце горячо грело мои плечи, ноги, почти высушило волосы, а я со страхом и все явственнее чувствовала: нет, никогда уже не смогу забыть того, что случилось сегодня у нас в классе! Ни самого этого происшествия, ни горечи, вызванной им, ни, главное, того нового, что неожиданно рассмотрела сегодня в Викторе. Голос его доносился до меня глухо, и слова я не могла различить, будто в ушах у меня была вата, и я испугалась еще сильнее, когда стала сначала смутно, а потом все отчетливее, яснее понимать: нет, не только не смогу никогда забыть всего этого, но даже буду вынуждена что-то делать!

Встала, проговорила решительно:

— Ну, пора домой, — и, так и не поглядев на Виктора, пошла в кабинку переодеваться.

2

Высокий красивый парень, чем-то очень похожий на отца, только, конечно, моложе его, спрашивал меня, ласково и подзадоривающе улыбаясь:

— Ну, ты первая прыгаешь или я?

Мы с ним стояли на склоне высоченной горы, вокруг были только снег, синее небо и ослепительное солнце. А под ногами у нас — глубоченная пропасть, даже не было видно дна ее. И нам с парнем почему-то надо было обязательно перепрыгнуть через эту пропасть шириной чуть ли не в двадцать метров. Мне было страшно, и весело, и счастливо, что парень рядом со мной, что он улыбается мне, глядит на меня... В груди сделалось го-

рячо и уверенно бодро, я сказала решительно и с вызовом:

— Придется уж мне показать пример!

Сбросила на снег рюкзак, разбежалась и прыгнула, оттолкнувшись изо всех сил. Летела я через пропасть невесомо, легко и странно долго парила, как птица. Даже будто покружилась на той стороне пропасти, выбирая место, куда удобнее приземлиться. Уверенно и крепко встала ногами на стеклянно-синий лед, чуть припорошенный снежком, обернулась к парню, засмеялась от радости, крикнула ему:

— Испугался, герой?

Парень восхищенно глядел на меня, медленно снимая рюкзак с плеч... А я была так счастлива, что не испугалась, что перепрыгнула пропасть первой, что парень никогда уже не забудет, конечно, этой моей смелости!

И он тоже разбежался, прыгнул, и я сразу же поняла, что он не долетит; в груди у меня все сжалось. Парень летел ко мне тоже долго-долго и стал падать в пропасть, еле-еле успел схватиться руками за каменистый край ее. Я кинулась к нему, схватила его за руки, изо всех сил стала тянуть кверху...

И в это время где-то рядом по-домашнему неправдоподобно задребезжал телефонный звонок. Я успела только удивиться этому, а сама все тянула и тянула парня за руки. И вот он уже вылез, испуганное до этого лицо его стало счастливым, он сказал: «Я люблю тебя, Катя!» — и поцеловал меня холодными губами.

А телефонный звонок все дребезжал где-то рядом, парень тоже услышал его — я это поняла по его лицу, — чуть отодвинулся от меня, и я проснулась.

Да, звонил телефон в прихожей. Ну, мама подойдет... Почему мне так радостно и немножко стыдно? Что целовалась? Так это же во сне... А в моей комнате было яркое солнце, на окне — причудливые узоры мороза, сверкавшие, как хрусталь... Да, вот почему радостно: сегодня первый день зимних каникул! Первое полугодие десятого класса я закончила хорошо, на одни пятерки, и впереди целых десять свободных дней!

— Проснулась, Катенок? — негромко и ласково спросила мама, заглядывая ко мне в комнату; когда отец в плавании, мама называет меня, как и он, Катенком. — Людочка звонила. Я сказала, что ты еще спишь. Позвонит через полчаса. — Мама улыбнулась, вошла в

комнату, села на край моей постели: — Ну, что сегодня во сне видела?

Я покраснела невольно, ответила:

— Спасла от смерти одного парня, а он тут же в любви мне объяснился... — а что поцеловал, не смогла сказать.

— Хороши девичьи сны! — мама тихонько засмеялась.

Я молчала и смотрела на маму, чувствуя, как от меня постепенно уходит празднично-бодрое настроение, — ее побледневшее лицо казалось усталым и осунувшимся, опять, наверно, плохо спала. Она часто прихварывает. Вот и сейчас...

Мама невысокая, худенькая, неприметная рядом с отцом. Его рост — два метра без трех сантиметров, плечи широченные, движения уверенны, как-то особенно надежны. И лицо красивое, мужественное: глаза синие, нос прямой, на широких скулах тугие желваки, рот большой и крепкий, с глубокими складками в углах. И волосы красивые, русые, пышные. Отец — капитан первого ранга, командует большим кораблем, и, когда уходит в плаванье, дома у нас становится напряженно, тихо, почти никто не бывает, и мама ходит по квартире молчаливая, потерянная. Каждое утро, еще до завтрака, бежит на лестницу к почтовому ящику. Сейчас по ее лицу я видела, что и сегодня нет письма от отца.

— Ведь второй месяц!.. — жалобно прошептала мама, и губы ее скривились, как у девчонки; женаты они почти двадцать лет, а мама все не может привыкнуть к длительным отлучкам отца.

Я ласково погладила ее по остренькому детскому плечу.

— Перебори себя, мама, перестань волноваться!

— Да, да, да... — послушно и жалобно кивнула мама, посмотрела мне в глаза виновато: — Помнишь, у Некрасова? «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...» Может, с отчаянья и я могу это сделать, да только я из тех женщин, которые просто жить не могут, если постоянно не чувствуют рядом надежного мужского плеча, — и заторопилась, точно давно ждала случая выговориться: — И сама не могу понять, почему такая я: или потому, что замуж вышла сразу после школы, не успев поработать, или потому, что твой отец такой сильный и волевой человек... или уж жизнь у меня такая бы-

ла тяжелая — блокада, война, голод. — Договорила протяжно и растерянно: — Случись что с ним, я просто завяну, как растение без воды. Понимаешь?..

Я кивнула, помолчала, все-таки решилась:

— Может, работать тебе пойти?

— Да я уж и сама думала об этом, даже с отцом у нас разговор был... А только что я умею, куда пойду, да и поздно мне уже начинать... Я вон без отца даже в кино не могу сходить. И все время в тревоге, в тревоге... И ты-то ведь из-за моей нервности страдаешь, а, Катенок?

— Ну что ты!

Взяла маму за руки, стала ласково поглаживать их и вдруг подумала: а ведь мама права. Вот почему, например, я привыкла так самозабвенно мечтать? Порой иногда будто в двух жизнях оказываюсь одновременно, в реальной и параллельно в выдуманной. Больше всего люблю читать про сильных, смелых и бесстрашных людей. А по вечерам заснуть не могу, пока не представлю себе, что я на необитаемом острове или в одинокой избушке посреди дремучего леса. Уж не убегаю ли я в мечту от нашей домашней нервности, когда отец в море?

— Ну, вставай, завтрак остынет, — уже по-другому, буднично сказала мама; она с собой справилась, встала. — Да и в Кавголово, Людочка говорила, вы собирались...

— А хочешь, я не поеду, побуду с тобой?

— Поезжай, поезжай, — и мама пошла на кухню.

Я накинула халат, пошла в ванную. И пока стояла под холодным душем — даже зубы начали постукивать, — а потом хорошенько растиралась мохнатым полотенцем, ко мне снова вернулось радостное настроение, с которым проснулась. Даже вспомнила того парня и как он поцеловал меня во сне.

Побежала в комнату одеваться и причесываться. И стоя перед зеркалом, с привычным удовольствием подумала: «Да, кажется, я правда красива, ничего не скажешь». Не удержалась, порадовалась, что похожа на отца. И рост у меня метр семьдесят, и фигура хорошая, и ноги стройные, длинные, сильные. Лицо, правда, тоже круглое, как у мамы, но глаза синие, большие, отцовские, и нос прямой, как у него. Губы мамины и на щеках ямочки, а волосы тоже пышные, русые и волнистые,

как у отца. Достала из шкафа новый красивый лыжный костюм, надела его и пошла на кухню.

Когда отца нет дома, мы с мамой едим на кухне. В ней тоже было солнечно, а на столе уже стояла яичница с колбасой и дымились чашки с кофе.

— Вдвоем с Людочкой едете? — спросила мама; она уже сидела за столом; оглядела меня с удовольствием. — Идет тебе, Катенок, этот костюм! Вот удачно, что я бордовый купила, да?

— Да, — я тоже села за стол, стала есть яичницу, она была очень вкусной, как и всякая еда, приготовленная мамой; еле вспомнила, о чем она только что спросила меня, ответила: — Нет, еще Петька Колыш с каким-то новым своим приятелем, нашим будущим одноклассником.

— Ты только смотри, Катенок, осторожнее там с гор катайся! — поспешно заговорила мама, лицо ее сделалось серьезным. — Говорят, каждый день из Кавголова привозят лыжников с поломанными ногами... — Помолчала, придвигая мне чашку с кофе, тоже обеспокоенно спросила: — Что это еще за новый приятель у Пети?

— Какой-то Виктор Плахов. Они поменялись с соседями Колышей, живут теперь в их квартире.

— Ты уж поосторожнее с новыми людьми.

В прихожей зазвонил телефон. Я подбежала, сняла трубку:

— С добрым утром, Люда!

— Все спишь, конечно? — как обычно, капризно спросила Людочка. — А я уж позавтракала и оделась, жду тебя.

— Через десять минут буду, товарищ начальник!

Быстро допила кофе, в прихожей надела тяжелые лыжные ботинки, пальто, взяла лыжи с палками, а мама в это время по-прежнему озабоченно говорила за моей спиной:

— Смотри не простудись: по радио объявили, я специально слушала, мороз пятнадцать градусов и ветер северный.

— Ничего, ничего, не волнуйся! — Чмокнула маму в щеку, побежала по лестнице вниз.

Все мы живем по соседству друг с другом, недалеко от метро «Парк Победы», и учимся в одной школе. И если собираемся куда-нибудь идти, то встречаемся у метро, это у нас уж стало традицией.

Еще с другой стороны широкого Московского проспекта я увидела у станции метро Людочку с Петькой и высокого парня. Я перебежала проспект, уже подошла к ним близко и невольно остановилась... Так вот он какой, этот самый Виктор Плахов! На нем был сине-белый лыжный костюм, высокая вязаная шапочка с детским помпончиком. Правой рукой он опирался на лыжи, поставленные в снег торчком, в левой держал сигарету, что-то говорил Людочке, слегка улыбаясь. И стоял он как-то очень легко и ловко, гибко изогнувшись стройным и сильным телом. И черные влажные глаза его в пушистых длинных ресницах, и нос с горбинкой, и курчавые бачки на смуглом лице, и улыбающиеся губы... Не знаю, как это объяснить, но так и веяло от него отчаянной удалей, я даже покраснела. И будто совсем он не чувствовал мороза — пальто на нем не было, не было и рукавиц. А Людочка, очень нарядная в своей беличьей шубке, пушистой шапке из чернобурки, покрасневшаяся, смотрела на него снизу вверх своими голубенькими глазками с восхищением. Только Петька, как обычно, думал о чем-то своем, и сухонькое длинноносое лицо его было по-всегдашнему отрешенным.

— Ты, Нилова, не можешь, конечно, не опоздать, — тотчас капризно сказала мне Людочка, надувая губы и все поглядывая на Виктора.

— Тихо, Кусик! — сказал ей Петька, протягивая мне руку, по-всегдашнему широко и откровенно улыбаясь. — Познакомься, Катя, с нашим будущим одноклассником.

Я почувствовала, как у меня горят щеки и уши, но все-таки заставила себя поглядеть на Плахова. Он спокойно и прямо смотрел мне в глаза. Чуть-чуть теперь удивило меня его лицо — оно все было странно неподвижным, точно замершим. Ловким и сильным движением выкинул Плахов сигарету — она пролетела метра три, точно упала в урну, — протянул мне руку:

— Виктор.

— Катя...

Рука Плахова была сильной и крепкой, и мне хотелось, чтобы он подольше не отпускал мою руку.

— Ну, поехали, поехали! — сразу же заторопилась Людочка, глянув на меня и на Виктора, и первой пошла в метро.

Я почему-то споткнулась, входя на эскалатор. Виктор тотчас крепко взял меня под руку. Получилось это у него

совсем по-мужски, уверенно и надежно. Я сразу же выправилась, хотела поблагодарить его, но почему-то ничего не могла произнести, даже поглядеть на него не могла. Только все так же горели мои щеки и уши, даже в глазах стало туманно...

Потом мы ехали в метро на Финляндский вокзал. Людочка с Петькой все время что-то говорили весело и громко, но слов я не могла разобрать. А мы с Виктором молчали, и это странным образом сближало нас с ним сильнее любых слов. Я только никак не могла решиться глянуть на него и без этого знала, что он все время пристально и прямо смотрит на меня, мне опять было и страшно, и радостно, и чуточку стыдно. Вагон качнуло, и Виктор просто и крепко взял меня под руку, опять ничего не сказав. А у меня тотчас сама собой низко нагнулась голова...

Когда на станции «Технологический институт» мы пересаживались на Кировско-Выборгскую линию, Виктор все держал меня под руку, молча шел рядом. Людочка вдруг сильно толкнула меня, я машинально глянула на нее: она улыбалась насмешливо, медленно и выразительно перевела глаза с меня на Виктора. Его лицо было по-прежнему неподвижным, будто все происходящее решительно никак не касалось его. А Петька все так же увлеченно, тоже ничего не замечая, рассказывал что-то о полете на Луну.

На перроне было много народу, почти у всех лыжи, вокруг шум, смех, музыка из транзисторов... Я почувствовала себя сиротливо — Виктор уже не держал меня под руку, смотрел на Людочку, смеялся, отвечал ей, сам говорил:

— Литература там, кино, ну и всякая прочая культура необходимы, конечно, человеку, поскольку он давно уже на задних конечностях бегаёт, только не надо преувеличивать их значение.

— Уж не хочешь ли ты сказать, — тотчас перебил его Петька, — что человек единым хлебом жив в прямом и переносном смысле?

— А почему тогда, Петенька, — все косясь на Виктора, быстро спросила Людочка, — такая тьмуца народу едет сейчас кататься на лыжах? Да и ты сам вон?..

— Эти люди, может, всю неделю сидели за книжками... — начал Колыш, но Виктор перебил его:

— Брось, Петька: жизнь надо принимать такой, какая

она есть. О ней можно придумать все, что угодно, и на Луну даже слетать можно, но все это надстроечки. А вот еда, сон, любовь, катанье на лыжах в зимнее солнечное воскресенье — это, дружок, базис, на основе которого возникают и литература, и культура, и полеты на Луну.

— Не путай божий дар с яичницей, Витек... — опять начал Колыш, но на этот раз его перебила Людочка:

— А ты-то сам, Петенька, кушал сегодня утром, прежде чем на лыжную прогулку отправиться?

Они говорили еще что-то, я уже не слушала. Виктор опять крепким и надежным движением взял меня под руку. Не знаю, как это у меня получилось, но только вдруг и перрон, заполненный лыжниками, и голоса, смех, музыка, даже Людочка с Петькой отодвинулись куда-то далеко-далеко, остались только я и Виктор. И были мы с ним уже в густом дремучем лесу, а перед нами — высоченный замок, в котором жил страшный и злой волшебник. И я уже знала, что Виктор победит сейчас этого волшебника и мне вообще ничего не грозит, пока Виктор вот так рядом со мной!

Потом мы ехали в поезде, в вагоне было тесно и шумно, и Людочка, Петька, Виктор все о чем-то спорили, а я по-прежнему боялась поглядеть на Виктора и только ждала нетерпеливо, когда он снова возьмет меня под руку, — между нами стояли Людочка с Петькой и мешали Виктору сделать это, я даже сердилась на них.

Но взял он меня под руку только тогда, когда мы вместе со всеми буквально вывалились из вагона в Кавголове, пошли на маленькую дачу Колышей, чтобы оставить там пальто и сумки с едой. Я порадовалась втихомолку, когда вспомнила, что Людочка с Петькой средненько катаются на лыжах, а Виктор — наверняка замечательно, и все у нас с ним вообще будет удивительно счастливо!

Так и оказалось. Мы оставили пальто и еду в домике Колышей, надели лыжи, пошли. На первом же крутом и высоченном склоне сначала Людочка, а после и Петька упали, а я все летела и летела вперед, и Виктор — я это знала, не видя его, — летел за мной. И то мне казалось, что повторяется мой сегодняшний сон с тем парнем и пропастью, то, что мы с Виктором гонимся за страшным и злым волшебником из замка... Вдруг мне захотелось проверить, спасет ли меня Виктор, если я упаду в пропасть, и я стала сильнее и сильнее крениться на сторону, пока не коснулась снега, не заскользила по нему на боку. По-

том закрутилась, перевернулась через голову, все лицо мне залепило приятно-обжигающим снегом. И тотчас надежно-сильные руки Виктора подхватили меня, снова поставили на ноги. Я засмеялась от счастья, а Виктор все продолжал держать меня руками за плечи, и лицо его, глаза — весь он был близко ко мне, стоял почти вплотную. Я знала, что Виктор сейчас поцелует меня, была уже уверена в этом, и в последний момент мне стало так стыдно, что я рывком высвободилась из его рук, снова бешено заскользила вниз по склону.

Не знаю, сколько мы так катались с ним вдвоем, я — впереди, Виктор — за мной, только вдруг откуда-то издалека, после оказалось — всего-то с соседнего холма, слышался жалобный плач Людочки, встревоженный крик Петьки. Мы с Виктором кинулись к ним. Оказалось, Людочка подвернула ногу, лежала на снегу, плакала и глядела, глядела на Виктора. Он опять засмеялся, легко поднял ее на руки, понес. Мы с Петькой шли сзади, Колыш что-то говорил мне, но я не слышала — Людочка уже была для меня заколдованной царевной, это мы с Виктором спасли ее от злого волшебника, и вот теперь Виктор, сказочный добрый молодец, несет ее на руках во дворец ее родителей. И даже то, что мы с Петькой несли сзади Людочкины лыжи и палки, не разрушало мою сказку.

Потом мы ели на даче Колышей. С ногой Людочки ничего страшного не случилось, она вместе с нами сидела за столом, ела с аппетитом, смеялась, пила вино, бутылка которого неожиданно оказалась в рюкзаке Виктора. А я сидела рядом с ним за столом, и его рука иногда касалась моей руки... Я все помнила, как Виктор чуть не поцеловал меня, когда я нарочно упала, и сейчас боялась и хотела, чтобы он поцеловал меня.

За окном стало темно, и нам надо было возвращаться в Ленинград. Мы пошли на станцию, уже недалеко от платформы какой-то подвыпивший парень вдруг обнял Людочку, полез к ней целоваться. Виктор тотчас шагнул с тропинки в снег, легко и сильно отбросил парня в сторону, тот покатился куда-то по склону в темноту. Я даже не успела удивиться: этот поступок Виктора точно соответствовал моему представлению о нем, да и сказке, которая все продолжалась параллельно с реальностью.

Эти последние мои школьные зимние каникулы были такими же непрерывно-счастливыми, как давным-давно, в детстве, дни праздника новогодней елки. Тогда каждое утро я просыпалась от радости, что в комнате — украшенная елка, за стенами дома — мороз и солнце, а впереди меня ждет длинный-длинный день, весь заполненный веселым счастьем... Сначала будет вкусный завтрак, потом я заново пересмотрю все подарки, которые получила на елке. После мы с мамой пойдем гулять, и я буду кататься на лыжах или на санках... Или мы с мамой пойдем в театр, на представление детской елки, и там я снова получу интересные подарки. Или пойдем в гости, или к нам кто-нибудь придет, и будет веселый маскарад — меня мама обычно наряжала снегурочкой, хороводы вокруг елки, музыка и танцы, удивительно вкусное мамино печенье, которое прямо-таки таяло на языке.

Так и теперь я каждое утро просыпалась от радостного волнения, потому что есть Виктор, потому что я сегодня же снова увижу его.

После детской новогодней елки в памяти оставалось только счастливое ощущение постоянной радости, а конкретные события, сопутствовавшие празднику, почему-то путались, даже не все их можно было вспомнить. Что-то подобное случилось со мной и в эти каникулы...

Вернулись мы из Кавголова уже поздно вечером, было безветренно и морозно. На улицах горели матовые фонари, точно тысячи маленьких лун, и в радужном свете их крутились мохнатые снежинки. Небо было высоким, густо-синим, в нем ярко и остро поблескивали бесчисленные звездочки, а из-за высоких крыш иногда показывалась луна. На ней можно было видеть то очертания собаки, которая гонится за зайцем, то высокого праздничного торта, то дремучего леса и замка посреди него... Я много накаталась на лыжах, но, странно, почему-то совсем не чувствовала усталости и только, помню, все удивлялась тому, что и Людочка, и Петька, и Виктор молчали. А когда уже вышли из метро «Парк Победы», пригласила всех к нам. Пробормотала что-то насчет вкусного ужина и новых магнитофонных записей.

— Спасибо, Катя, — ответил Петька, почему-то отворачиваясь от меня; вздохнул, пояснил шепотом: — Устал я, и к докладу готовиться надо.

В конце каникул должна была состояться районная олимпиада, от нашей школы доклад по математике делал Колыш, а по физике — я. Во всякое другое время я бы, конечно, тотчас забеспокоилась, ведь мне самой надо готовиться к докладу, а сейчас и предстоящая олимпиада, и мой доклад на ней, о котором я так сильно волновалась еще месяц назад, неожиданно отодвинулись куда-то далеко-далеко от меня, вообще почти перестали меня касаться. И я ничего не ответила Петьке, не стала его уговаривать.

— Ну а ты? — спросила Людочку, протянула руку, по-своейски поправила ее сбившуюся набок шапочку.

Голубенькие глазки Людочки были странно остановившимися, лицо неподвижно, как и у Виктора, а маленький рот даже приоткрылся. Она пристально смотрела на Виктора, как и утром, только теперь в ее глазах стояла отчаянная обида, какая бывает у детей. Людочка наконец, точно проснувшись, заметила мою руку, когда я поправляла ее шапочку, и нежно-розовое хорошенькое лицо Людочки слезливо перекосилось, губы задрожали. Она вдруг наотмашь хлестнула меня по руке, взвалила на плечо лыжи, побежала. Я растерянно молчала, Петька все вздыхал, с жалостью глядя вслед Людочке, а Виктор захохотал. Петька сначала испуганно и смешно моргал, глядя на него, вдруг тоже забросил свои лыжи с палками на плечо, резко повернулся и ушел не попрощавшись.

— Чудаки! — сказал Виктор, отсмеявшись наконец, и взял меня под руку. — Как в кино, честное слово! — другой рукой положил себе на плечо лыжи с палками.

Я свои держала в руке, и мы с Виктором пошли к нашему дому. И рада я была, что Виктор идет к нам, и по его улыбающемуся лицу, поблескивающим глазам в длинных ресницах видела, что он не думает о случившемся.

Мы поднимались в лифте на наш седьмой этаж. Виктор все что-то весело говорил, но я не понимала его слов, потому что беспокоилась: а вдруг Виктор не понравится маме?

Только я начала открывать дверь своим ключом, как она широко распахнулась: мама ждала меня по обыкновению. По-своему встревоженно и зорко глянула на меня, точно проверяя, не случилось ли со мной чего; увидев Виктора, молча, испытующе глядя на него, посторонилась, пропуская нас в прихожую.

— Это Виктор Плахов, мама, — быстро проговорила я.

— Здравствуйте,— наконец выговорила мама, протягивая ему руку.— Дарья Петровна.

— Очень приятно,— Виктор пожал ее руку, потом поставил лыжи в угол, снял свою шапочку с детским помпончиком, неторопливо, точно мама уже исчезла из прихожей, расстегнул куртку, снял и ее, повесил на вешалку; делал все это он так неспешно и уверенно, будто раздевался у себя дома.

Я тоже поставила лыжи, разделась, а когда все-таки решилась обернуться к маме, увидела, что она смотрела на Виктора все так же пристально. Посмотрел и Виктор на нее, но этого ее взгляда, кажется, не заметил, сказал небрежно:

— Большая у вас прихожая...

«Да, да, да...» — поспешно и согласно кивала мама; обернулась ко мне, мы с ней встретились на миг глазами, она тотчас заторопилась:

— Прошу в комнаты... Прошу, прошу! Сейчас ужином вас накормлю... — и первой пошла по коридору.

Виктор пошел вслед за мамой, сказал громко и просто:

— Есть охота, Дарья Петровна! Аж скулы сводит.

— Сейчас, сейчас! — поспешно говорила мама, на миг приостановилась, открыла дверь в мою комнату: — Здесь Катина комната.

Виктор равнодушно заглянул в нее.

— А здесь наша с мужем комната.

Виктор даже не посмотрел туда, спросил с крайним интересом:

— А чахохбили вы умеете делать?

Мама вздрогнула, поняв, что Виктору совершенно безразлична наша квартира, которой она столько сил отдала, которой так гордилась. И уже по-другому, устало и безразлично, ответила:

— Все я умею готовить, молодой человек, и накормлю вас досыта.

— Во-во! — сказал Виктор.— А где тут у вас руки помыть?

Мама молча открыла дверь в ванную, пошла в столовую, а я — за ней.

— Простой парень, ничего не скажешь,— после долгого молчания произнесла мама.

— Так что здесь плохого, если простой?

— А ты не слышала, что бывает простота хуже воров-

ства? — помолчала, спросила снова: — Или уж это манера у него такая: держаться под рубаху-парня?

Но ответить я не успела, в столовую, улыбаясь, вошел Виктор.

— Вы что, в одном классе будете учиться? — спросила мама, все не поднимаясь со стула; он кивнул. — Переехали в квартиру Колышей? — Виктор кивнул. — А родители у вас кем работают? — все спрашивала мама.

— Отец — директор гостиницы, мать — зубной техник.

Виктор сел к столу. Я — рядом. Новое и небывало счастливое чувство не покидало меня: Виктор был со мной у нас дома! Правда, это чувство омрачалось его поведением. Ну для чего Виктору нужна игра в рубаху-парня?

— Хорошо сегодня размялись? — спросил меня Виктор.

— Да.

— На каток ходим завтра?

— Да.

— Ну и есть же охота!

— Да.

Тут мне стало так неловко, что я вскочила, побежала на кухню. Мама стояла у плиты и что-то готовила к столу. Я подошла к ней, ласково обняла за плечи, притянула к себе.

— И как тебе мог понравиться такой... — горестно сказала она.

— Да почему ты решила, что он понравился? — растерялась я.

— Почему? Потому что я — твоя мать.

Я хорошо помню, как мы ужинали. Виктор ел много и жадно, хвалил еду, удивлялся, как мама хорошо готовит, говорил, что у них дома почти никогда не бывает обеда. Потом он сел за пианино и довольно хорошо сыграл полонез Огинского, сказал, что в детстве несколько лет посещал музыкальную школу. Затем перешел на джазовые песенки. И голос у него оказался хорошим, и слух. А когда мама все-таки решилась спросить, почему он бросил заниматься музыкой, он ответил откровенно:

— А не знаю... Просто надоело.

— А еще чем-нибудь увлекались?

— В авиамodelьном кружке занимался, даже грамоту получил.

— А потом?

— Что потом?

— Бросили?

— Ну да.

— Тоже надоело?

— Ну да.

— А что вам еще не надоело? — помолчав, спросила мама.

— А жить еще пока не надоело, — ответил он просто.

Совершенно неожиданно для себя я вдруг спросила маму:

— А что здесь плохого, мама, в конце-то концов!

Хорошо помню, что в комнате после этого долго было как-то странно тихо. То есть для Виктора, возможно, мой вопрос был совершенно обычным, он даже не заметил наступившей напряженной тишины. Но я-то сама впервые в жизни вот так разговаривала с мамой! И мама улыбнулась мне снисходительно и отчужденно, сказала подчеркнуто вежливо — я уже знала эту ее манеру именно так разговаривать с людьми, которые ей не нравятся:

— Ну, простите меня, хозяйку: пойду мыть посуду, — поднялась из-за стола, все не глядя на меня. — Отдыхайте, лыжники, — и ушла.

Я все молчала и тревожно ждала, что же наконец скажет Виктор.

— Смотри сюда! — скомандовал он.

Я подняла голову, а он медленно протянул руку и снял с моего плеча пятак. Вылупил глаза, с крайним удивлением рассматривая его на ладони; я захохотала. Спрятал монету, показал мне пустые ладони, потер их, сжал, потряс: в них оказалась моя брошка. До этого она была приколата к воротничку моей блузки... Я схватила Виктора за руки, и мы начали хохотать, глядя друг на друга.

...Вот почти и все, что мне так детально запомнилось из моих последних зимних каникул. Это трудно даже объяснить, но у меня будто никакого следа не осталось от того, что мы с Виктором обидели, вернувшись из Кавголова, Людочку с Петькой; и от того, как странно вел себя Виктор, впервые оказавшись у нас дома; и от того даже, что впервые между мной и мамой возникла некоторая отчужденность.

С того дня, просыпаясь утром, я ждала: скоро ли мне позвонит Виктор. И на его телефонный звонок бежала в прихожую в одной рубашке. И не видела встревоженного лица мамы, и не помню, о чем именно мы с ним говорили каждое утро. Главным в этих наших разговорах

для меня были не слова и смысл их, а просто голос Виктора, его интонация, даже просто молчание или смех.

И не замечала я, что мама молчит за завтраком. Я больше думала о том, как сейчас причешусь, во что оденусь.

Каждое утро мы с Виктором шли на каток в парк Победы. Был мороз, ослепительно сияло солнце, громоздились пышные и тяжелые шапки снега на ветках, сугробы между деревьями, было радостно от музыки, ярких костюмов катающихся, их оживленных раскрасневшихся лиц, смеха... И, главное, моя рука в руке Виктора. Сам он, удивительно ловкий и сильный, бежал на коньках легко и стремительно, лучше всех, мне было никак не поспеть за ним, когда он вдруг отпускал мою руку. И тогда я просто отъезжала к краю катка, стояла и смотрела на него. А он, чуть поводя плечами, без всякого усилия обходил всех по очереди, плавно скользя, длинным легящим шагом. Потом подъезжал ко мне — все девчонки на катке оглядывались на нас, я видела его улыбающееся лицо, влажные блестящие глаза в мохнатых от инея ресницах.

Иногда мы встречали на катке кого-нибудь из одноклассников, я знакомила Виктора с ними. И он нравился всем; это и радовало меня, и слегка пугало. А о чем мы разговаривали, решительно не помню.

Только однажды, когда я стояла на снегу на краю катка и глядела на Виктора, ко мне вдруг подъехала Людочка с каким-то парнем, длинным и нескладным. Кататься на коньках Людочка не умела, ковыляла по льду, висела на руке парня, но все равно была очень мила в модном заграничном костюме, который я видела на ней в первый раз. Имени парня я не запомнила, хотя Людочка и познакомила меня с ним. Только все следила, как откровенно Людочка глядит на Виктора.

Потом к нам подъехал Виктор, поздоровался с Людочкой, пожал руку парню, насмешливо сказал им:

— А чего вы не там? — и кивнул в сторону, где в углу катка, огороженного сеткой, под руководством инструктора обучались начинающие.

Радостное до этого лицо Людочки мгновенно сделалось злым, она поджала губы, порывисто обернулась к парню, бросила сердито:

— Тебе все равно, когда меня так обижают!

Долговязый парень до этого весело улыбался, а тут

мигнул удивленно, сообразил наконец, тотчас двинулся к Виктору, неловко скользя по льду, смешно переламываясь всем телом, чтобы удержать равновесие. Лицо Виктора, и всегда-то неподвижное, как-то особенно закаменело. Теперь это выражение его лица я знаю очень хорошо. И боюсь его.

— Поговорить захотелось? — негромко спросил Виктор парня, презрительно улыбаясь одними глазами; поглядел на Людочку, тоже спросил ее, оскорбительно растягивая слова: — Мадам Кусикова, с чего это вы неожиданно решили заняться конькобежным спортом?

— Дурак! — пронзительно крикнула Людочка и сразу же заплакала.

— Ну, о чем желаете побеседовать? — спросил Виктор парня, весь подбираясь, чуть отводя назад правое плечо, руку со сжатым кулаком.

— Ты!.. Ты!.. — начал парень, захлебываясь от волнения; мне даже стало жалко его, но я не успела вмешаться.

— Ну, я-я!.. — передразнил его Виктор.

Парень неловко и неумело размахнулся, Виктор тотчас чуть отъехал назад, парень кинулся вперед, покачнулся, не удержался, упал. Получилось так нелепо и смешно, что мы невольно захохотали, даже Людочка засмеялась сквозь слезы. И все же после этого кататься мне уже не хотелось, и мы ушли с катка.

Обедать мы с Виктором обычно ходили в чебуречную, что на углу Московского проспекта и Бассейной улицы, в доме с высокой башней. Иногда оказывались за одним столиком с подвыпившими мужчинами. Мне не нравилось это, я хотела, чтобы мы обедали у нас дома, знала, что мама ждет меня, и еда у нее всегда очень вкусная. Но Виктор объяснил мне, что есть в домашней обстановке не любит, давно уже отвык, и я подчинилась. Совсем уж успокоилась, когда увидела, как просто, легко и быстро Виктор находит общий язык с любыми подвыпившими соседями по столику. Они даже начинали угощать нас, похлопывали Виктора по плечу, называли своим парнем. И он не отказывался выпивать с этими незнакомыми людьми, странно оживляясь каждый раз, становясь неожиданно добрым и внимательным. Бывало, он даже успокаивал их, если они начинали ссориться, захмелев. И это выходило у него точно само собой, легко. Как-то я не вытерпела, спросила его:

— Ну что ты находишь в их пьяной болтовне, слушаешь как замороженный?

Его ответ запомнился мне очень хорошо:

— Просто с ними,— увидел, что я не понимаю, объяснил снисходительно:— Когда человек выпьет, он делается таким, какой есть на самом деле, не рисует из себя образцового или другую какую-то личину не напяливает на себя. Не люблю я плакаты, они ведь двухмерные.

— Тогда тебе с животными должно быть еще проще.

— А что? — согласился он.— Если уж имеешь дело с зайцем, так он заяц. А если с тигром, так он тигр, не маскируется под овечку. Ну и не надо голову ломать, чего от него ждать или в какой манере с ним обращаться.

Очень хотелось мне побывать у Виктора дома, познакомиться с его родителями. Но Виктор никогда не приглашал к себе.

Почти каждый день мы с ним ходили в кино или театр, и вот этому я бывала очень рада. Во-первых, мы сидели рядышком, Виктор держал меня за руку, А во-вторых, ему нравились те же фильмы, что и мне, те же герои — сильные, смелые, непреклонные.

В те дни я постоянно с горячей радостью и щемящим страхом чувствовала, что Виктор вот-вот обнимет меня, поцелует.

Каждый вечер он провожал меня до нашего парадного, мы подолгу стояли в нем, держась за руки, разговаривали, а больше молчали. Но как только Виктор начинал обнимать меня, пытался поцеловать, я вырывалась, опрометью убегала вверх по лестнице в квартиру.

Не помню даже, как в этом горячем тумане, вдруг затопившем меня, я все-таки сделала свой доклад на районной олимпиаде. Петька Колыш после сказал, что меня спасло хорошее знание физики.

Прошло всего десять дней каникул, а у меня уже появилось ощущение, что рядом со мной теперь есть человек, который до этого был только в книгах и моих мечтах. Я была счастлива, оттого что вдруг наяву обрела своего выдуманного героя и он любил меня, как и я его. Даже в моих привычных мечтах перед сном я теперь была уже не одна на необитаемом острове или в избушке, затерянной в дремучем непроходимом лесу: вместе со мной был Виктор! И даже само имя его — «победитель» в переводе с латыни — казалось мне счастливым,

Наш десятый «А» мало чем отличался от десятого класса любой другой школы. Все ребята и девушки одного возраста, хорошо все одеты, и здоровье у всех нормальное; мы любим спорт, любим повеселиться. И интересы у нас, конечно, те же, что и у десятиклассников любой школы, и разговоры, и споры, да вся наша жизнь.

Как и в каждом коллективе, пусть маленьком, но сжившемся в течение многих лет и объединенном общими интересами, одной целью, в нашем классе была какая-то общая атмосфера, но одновременно было и расслоение на несколько групп, незаметное для постороннего.

Эта общая атмосфера класса сложилась у нас еще и под влиянием нашего бывшего классного руководителя — математички Ксении Захаровны. Она была невысокой, очень полной, с большим, мягким и добрым лицом, внимательными глазами. Своей умной добротой она всех нас поднимала на порядок выше, как принято говорить в математике. Хотя сейчас мне иногда кажется, что в некоторых случаях добротой Ксении Захаровны кое-кто из нас злоупотреблял. Ксения Захаровна умерла от инфаркта, все мы были потрясены.

Условно наш класс можно подразделить на четыре группы, но если бы, например, кому-то из нас сказать, что он принадлежит именно к такой-то группе, он, вероятно, удивился бы.

Одна группа негласно возглавляется старостой нашего класса Варварой Глебовой. Сюда, мне кажется, можно отнести и Феликса Баранова, и Лену Петрову, и Зинаиду Коптеву, и некоторых других. Эта группа отличается крайней дисциплинированностью решительно во всем и дотошностью в учебе. В какой-то степени я могу и себя включить в ее состав, поскольку Ксения Захаровна любила говорить:

— У Кати Ниловой исключительные способности и прилежание, Дай бог, чтобы все так вели себя и учились, как она. А что тихая Катя, так крикунов и в школе и в жизни с избытком. Не надо забывать, молодые люди, что у человека только две руки. Еще хорошо, если этих рук ему хватает на его основное дело в жизни, а для вас сейчас главное — учеба. А что касается мечтательности Кати, то, во-первых, что это за человек, который живет без

мечты? А во-вторых, будем надеяться, что с годами Катя воплотит свои мечты в реальные и полезные дела.

Но Варвара Глебова с Ксенией Захаровной не согласилась, она как-то сказала мне:

— А все-таки, Катька, неполноценный ты человек, как хочешь! С одной стороны, конечно, все бы учились, как ты, докапываясь до самых основ физики. А с другой — жизнь ведь не школьные парники по выращиванию саженцев, она требует от любого полноправного участия и в большом, и в малом. А с чем ты выйдешь из школы, кроме умения решать задачи по физике, математике да писать сочинения по литературе? И потом, ты меня прости, пора бросать тебе твою смешную детскую мечтательность. Тебе известно, что она ослабляет волю человека, уводит его от конкретной практической деятельности, подменяя реальность выдуманным?

Вторая условная группа — ребята, уже в школе по-настоящему увлеченные наукой. К ней относится и Петька Колыш — математик, и Нина Баслаева — биологичка, и Павел Смородинцев — химик. Все эти ребята занимаются в научных кружках при школе или Доме пионеров, но у некоторых из них, мягко говоря, неблагополучно с другими предметами, которые они считают второстепенными для себя. Вот не знаю только, можно ли причислить к этой группе Валю Локтеву: она поэтесса.

Третья группа — спортсмены. У Кеши Панкратьева первый разряд по шахматам, у длинной, как жердь, Лиды Рабатовой — по баскету, Левочка Шатилов боксер.

А четвертая прослойка нашего класса самая многочисленная. Ксения Захаровна по своей доброте и мягкости называла их «нераскрывшиеся бутоны». Сюда относится и моя подруга Людочка Кусикова, и остряк-самоучка Симка Потягаев, и надменная от сознания собственного достоинства Лина Макова, и суетливая Сонечка Маслова, и «ушибленный туманом», как его у нас называют, потешный чудак Борис Власов, явившийся однажды в школу в разных носках. Все они очень разные, но объединяет их несколько прохладное отношение к учебе, частые нарушения школьной дисциплины и некоторая — не знаю даже, как об этом лучше сказать, — неопределенность или неуловимость их характеров, поскольку все они еще «нераскрывшиеся бутоны».

После смерти Ксении Захаровны нашим классным руководителем стала Нина Георгиевна, молодая учительни-

па литературы. Возможно, из-за ее неопытности или из-за чрезмерной строгости за весь год у нашего класса так и не появилось контакта с Ниной Георгиевной, как с Ксенией Захаровной. На собрании Нина Георгиевна откровенно заявила:

— Пусть лучше меня выгонят из школы, но лентяи и тупицы аттестата зрелости у меня не получат!

Сначала Нине Георгиевне очень нравились мои сочинения по литературе, она даже зачитывала их вслух. Но через месяц или два я стала ловить на себе ее внимательные взгляды. Потом как-то после уроков она негромко спросила меня:

— Слушай, Нилова, ну, состоишь ты в редколлегии классной стенгазеты, помогаешь отстающим, сама учишься отлично. И все же... Постарайся понять меня правильно, как бы тебе это подходчивее сказать?.. Нельзя прожить всю жизнь улиткой, которая в свою раковину прячется. Ты только не обижайся.— Помолчала, вздохнула и сказала наконец: — Ну, иди...

Это из-за Нины Георгиевны Людочка получила во второй четверти две двойки: за контрольную по алгебре и за сочинение по литературе. А случилось это так. Людочка постоянно списывала у меня, и я уже привыкла к этому. Как-то еще классе в шестом или седьмом попробовала не дать Людочке списать, но после с ней случилась настоящая истерика.

А тут на контрольную по алгебре, которую проводил у нас новый математик Петр Ильич, Нина Георгиевна неожиданно явилась в класс, пересадила Людочку с нашей парты. И на сочинении по литературе — это уже на уроке самой Нины Георгиевны — Людочка сидела отдельно от меня, даже за учительским столом. А я поняла, что Нина Георгиевна недовольна мной.

На классном собрании по итогам первого полугодия мне впервые, кажется, за все время обучения в школе пришлось выслушать от Нины Георгиевны, Глебовой и других много резких слов. Как ни странно, мне попало даже больше Кусиковой. Да и сама Людочка оправдывалась так, точно косвенно нападала на меня. Ну, плакала публично, конечно, раскаивалась, а потом вдруг сказала, что за многие годы дружбы со мной незаметно для себя она привыкла уже не принимать всерьез школьную учебу, что самой Ниловой, дескать, легко дается учеба.

Реакция одноклассников была, разумеется, разной, но я стала замечать, что многие из них как-то по-новому поглядывают на меня.

Однажды Нина Георгиевна явилась к нам домой. Прошла по всем комнатам, внимательно оглядела их, потом дотошно расспрашивала маму о том, как мы живем, что читаем, где бываем и с кем встречаемся. А уже перед уходом сказала маме:

— Дети наши часто напоминают мне этакие тепличные растения, в парниках дающие отличный урожай, но гибнущие от малейшего изменения условий. Они оказываются не подготовленными к нравственному экзамену в жизни. Или уж характер у вас такой, Дарья Петровна, или уж это конкретные особенности именно вашей семьи... Но только не сумели вы, всю свою жизнь отдав ребенку, вырастить из своей Кати полноценного человека. Она напоминает мне сейчас цветок, который стоит на подоконнике. Хозяйка и ухаживает за ним, и поливает его, и землю в горшок подобрала соответствующую, а все-таки вырос он однобоким, потому что солнце падало на него только с одной стороны, из окна. И когда ваша Катя столкнется с настоящей жизнью, которая ежедневно перед каждым ставит разные нравственные задачи, она, очень возможно, по-прежнему будет инстинктивно тянуться только в ту сторону, с которой привыкла получать живительные лучи.— И вдруг улыбнулась виновато: — Еще раз простите, что высказалась так прямо, такой уж у меня характер. Я и сама часто страдаю из-за него, с классом вон до сих пор настоящего контакта у меня нет,— и договорила уже шепотом: — Тоже, значит, не готова я еще по-настоящему к экзаменам жизни. И замуж я до сих пор не вышла вот...

...Таким был наш класс, классный руководитель его, я сама, когда к нам посреди года пришел новый ученик Виктор Плахов.

Новичков принимают по-разному, многое зависит от того, каков этот самый новичок, ну и от класса, конечно. Бывает, что уже через неделю или две новичок становится совсем своим в классе, будто всегда учился в нем. Так было, например, с Леной Петровой, которая пришла к нам в начале прошлого учебного года.

Первое появление Виктора в нашем десятом «А» запомнилось мне своей необычностью, даже странностью: для всех нас Виктор был новичком, вызывавшим естест-

венное любопытство к себе, а для самого Плахова — так, по крайней мере, он вел себя — наш класс точно был уже давно знаком. То есть его реакция напоминала в какой-то степени ту, что была у него, когда он впервые оказался у нас дома: ответного любопытства все мы у Виктора не вызывали. И никакого смущения у Плахова, конечно, тоже не было — видимо, органична была для него манера держаться «ковбоем, стреляющим с бедра».

Перед первым уроком после зимних каникул Нина Георгиевна привела Виктора, представила его. Ребята с откровенным любопытством глядели на него, а он стоял рядом с Ниной Георгиевной, красивый, стройный и спокойный. Лицо его было неподвижно-равнодушным, и блестящие глаза безразлично скользили по лицам. Даже решительно никак не отреагировал он на то, что Нина Георгиевна со свойственной ей резкой прямоотой сказала:

— Вообще такой перевод посредине учебного года в выпускном классе является нарушением общепринятых правил, но родители Плахова отрегулировали этот вопрос в горно... — и замолчала, вопросительно поглядывая на Виктора; и он молчал равнодушно; тогда Нина Георгиевна договорила уже чуть погромче: — Характеристика Плахова, присланная старой его школой, обычная, успеваемость Плахова средняя... — опять помолчала выжидательно, но Виктор стоял все так же, точно говорила она даже не о нем; и Нина Георгиевна усмехнулась: — Садитесь, Плахов, рядом с Маковой. Вон ее парта, третья в правой колонке. Ну а мы все будем надеяться, что общая наша успеваемость не изменится с вашим появлением. — И усмехнулась, еще раз глянув на Виктора: — Вы из заграничных кинобоевиков усвоили эту манеру держаться сверхчеловеком?

Виктор даже не ответил ей, не кивнул, молча и просто пошел к парте Маковой, равнодушно скользнув глазами по ее красивому и холодно-замкнутому лицу, сел рядом. А я неожиданно поймала себя на том, что с тревогой слежу за Ниной: нравится ли ей Виктор. Людочка как-то странно сопела рядом со мной, лицо ее было багровым, глаза зло прищурились. Она шепнула мне:

— Макова не устоит, вот увидишь! Сломается ее гордость! — И вздохнула: — А какая походочка у Плахова, заметила?

Ребята все смотрели на Виктора, и по их лицам я видела, что он понравился им. А некоторые девчонки, вот

вроде суетливой Сонечки Масловой, не могли скрыть откровенного восхищения Плаховым. Сонечка даже вздохнула: «Киноковбой!»

Несколько первых дней никто из учителей не спрашивал Плахова, ему давали освоиться с обстановкой, втянуться в жизнь и учебу нашего класса. А когда начали вызывать к доске, то оказалось, что с математикой, физикой и химией у Плахова сравнительно благополучно, а вот по истории и литературе Виктор отвечал как-то формально, сухо. Нина Георгиевна не выдержала, конечно, на одном из своих уроков насмешливо сказала Виктору:

— Можно подумать, Плахов, что ты читаешь машинально, автоматически запоминая прочитанное, не вникая в его смысл.

Виктор стоял спокойно, лицо его было по-всегдашнему неподвижным. Ответил неторопливо:

— Насколько мне известно, Нина Георгиевна, прошли времена Леонардо да Винчи или Ломоносова, когда один человек мог полноценно работать в разных областях науки и искусства. Что касается меня, то я не собираюсь быть гуманитарием,— помолчал, так же ровно договорил: — Но вы не беспокойтесь, успеваемость класса я не снижу и по гуманитарным предметам.

Ответ Нины Георгиевны мне тоже почему-то запомнился. Она чуть поморщилась, все глядя на Виктора, потом сказала:

— Ладно, садись... Странный ты, Плахов! Вот ведь и способный ты человек, и не плохо разбираешься в том, что тебе интересно, что тебя затрагивает, изъясняешься грамотно... Но почему же у меня не пропадает ощущение, что ты, только не обижайся, посторонний многому тому, без чего просто немыслима полноценная жизнь человека?

Виктор не ответил, он равнодушно смотрел в окно. Тогда Варвара Глебова проговорила громко и отдельно:

— Вы переоцениваете Плахова, Нина Георгиевна, этого он не понимает. Просто он выработал в себе такую манеру держаться, что и Маковой еще очко даст,— и по-своему, обстоятельно начала пояснять: — Плахов вообще не хозяин себе как в своих мыслях, так и в чувствах, потому что им руководит в жизни прежде всего инстинкт. Но поскольку он не в безвоздушном пространстве живет, он должен в соответствии с общепринятыми правилами реагировать на окружающую среду, чтобы она допускала

его существование в ней, не отталкивала его. Вот и маскируется под киноковбоя человек.— Потом она сильно покраснела и договорила, глядя прямо в глаза Нине Георгиевне: — Вот подобное, мне кажется, Ксения Захаровна просто сердцем понимала... — Смутилась, поспешно села.

И Нина Георгиевна тотчас покраснела, как только Варвара упомянула про Ксению Захаровну, долго молчала. Справилась наконец, вздохнула, сказала откровенно:

— Возможно, я и ошибаюсь, но только, знаете ли, мне иногда кажется, что главная болезнь нашего века — полуграмотность мыслей и чувств.— Замолчала, посмотрела еще на нас, проверяя, понимаем ли мы ее, спросила задумчиво: — Или уж это из-за того, что в последнее время сделаны такие грандиозные открытия, вон даже на Луну люди слетали?.. То есть я хочу сказать, что привычные проявления обычных мыслей и чувств человека на этом фоне кажутся нам устаревшими, примитивными... Но полуграмотность, в чем бы и как бы она ни проявлялась, вреднее даже неграмотности.

Безразлично молчавший до этого Виктор вдруг сказал равнодушно, точно себе во вред косвенно поддерживал Варвару:

— Не сердитесь, Нина Георгиевна, а только много придумано о человеке...

Эту фразу он выговорил таким тоном, будто все это ему совершенно неинтересно.

Наш классный чудак Борик Власов, который вдруг может выдать самые сногшибательные идеи, иронически сказал:

— Да что там толковать! Жизнь — как погода за окном; и твоя функция, если ты, к примеру, не хочешь простудиться, сводится только к выбору соответствующей одежды.

По лицам ребят я видела, что сейчас у нас в классе, как это часто бывало при Ксении Захаровне, разгорится настоящий спор. А Нина Георгиевна, точно испугавшись этого, сказала быстро:

— Ну, по домам! Отдыхать и готовить уроки!

И мы подчинились. Только Варвара насмешливо шепнула мне:

— Да, жизнь сложна, ничего не скажешь! Ксения Захаровна была доброй, усталой и больной, а таких вот споров не боялась. А Нина Георгиевна — молодая и здо-

ровая, рубит сплеча, точно в конной атаке, и тут же — в кусты.

...Шла я домой и размышляла: «Неужели умения держать себя киноковбоем достаточно для того, чтобы надежно спрятать свое истинное лицо?»

5

Известный на весь район боксер Левочка Шатиков, невысокий и крепкий, как дубок, стал заниматься боксом из-за Лины Маковой. Был он влюблен в нее еще с восьмого класса, но надменно-гордый медальонный профиль Лины оставался холодно-безразличным. Но как только Виктор сел рядом с Линой за парту, ее лицо вдруг обрело нормальную живость. Я мучилась втихомолку, а Левочка без всякого повода стал задира́ть Виктора. И вот как-то на переменке, когда Лина особенно ослепительно улыбнулась Виктору, Шатиков вдруг шагнул к нему, спросил выразительно:

— Может, пойдем в зал разомнемся?

Я просто испугалась: ведь у Шатикова первый разряд по боксу! Даже Петька Колыш сказал:

— Это запрещенный прием, Левочка, вроде как с автоматом — на безоружного!

Но Виктор только посмотрел на Шатикова, кивнул, даже не глянул на меня, молча первым пошел в зал. Они разделись до трусов и маек, надели боксерские перчатки, а мы всем классом устроились рядочком на низенькой скамейке вдоль шведской стенки. Сначала на лице Шатикова была снисходительно-насмешливая улыбочка, и бил он Виктора слегка, точно играя. Но Виктор, выбрав момент — Левочка даже не успел закрыться, — сильным и прямым ударом попал ему в лицо. Вот после этого Шатиков стал бить Виктора уже по всем правилам: у Плахова тотчас левый глаз прикрылся багровым синяком, из носа обильно потекла кровь, губы превратились в лепешку. Я не вытерпела, кинулась на ковер, а за мной — и все ребята, остановили драку. Левочка только спросил Виктора:

— Ну как?

Виктор молча вытер майкой лицо — она тотчас стала алой от крови, — поглядел на нас, сказал спокойно:

— Не мешайте, голуби. Если не дадите нам здесь довести дело до конца, мы с Левочкой найдем другое место!

И так он это сказал, что Левочка перестал улыбаться, а Варвара потянула меня за руку:

— В школе хоть медпункт есть...

Они дрались еще долго, я уж не могла смотреть, отвернувшись. Варвара крепко обнимала меня обеими руками за плечи. Уже после я узнала, что Левочка так и не смог нокаутировать Виктора, тот снова и снова поднимался с ковра, мотал головой, разбрызгивая кровь, с бычьим непреклонным упорством шел и шел на Левочку. Не знаю, чем бы это вообще кончилось, но Лина вдруг заплакала, кинулась к Виктору. У Левочки перекошилось лицо, он схватил свою одежду, убежал в раздевалку. А Лина повела Виктора в медпункт. Всем классом мы смотрели сквозь стекло дверей, как Лина с медсестрой мыли разбитое лицо Виктора, потом заклеивали пластырем. Пришел из раздевалки Левочка Шатилов, сказал виновато:

— Простите меня, ребята!

Когда Виктор вышел из медпункта, Лина держала его под руку, счастливо улыбалась. Виктор увидел правым, неперевязанным глазом Левочку, попытался улыбнуться распухшими губами, протянул ему руку, спросил шепеляво с любопытством и откровенным дружелюбием:

— А чего ж ты не нокаутировал меня?

— Да не смог,— тоже улыбаясь и пожимая его руку, ответил Шатилов; и было видно, что Виктор сейчас тоже нравится ему.

— А, это ты?..— сказал Виктор так, точно впервые увидел Лину; она все держала его под руку.

Лина сначала мигнула удивленно, глянув на Виктора, потом побледнела, отпустила его руку, повернулась и молча пошла по коридору, а после заплакала, бросилась бежать.

— Поучишь меня боксировать?— спросил Виктор Шатилова, будто решительно ничего не случилось, опять-таки дружелюбно спросил.

Левочка, молча и растерянно глядя на Виктора, покачал головой:

— Нет... Что-то не хочется.— И пошел прочь от него.

А мы все стояли молча и растерянно. Где-то в глубине души я обрадовалась, что теперь у Виктора с Линой ничего не может быть — она на следующий же день пересела на другую парту,— но было мне и неприятно: я поняла,

что никогда, наверно, не смогу объяснить себе некоторые поступки Виктора. А Варвара сказала:

— Не знаю, как насчет мыслей, а полуграмотность чувств у Плахова явная! И личину киноковбоя он напялил на себя, чтобы замаскироваться.

Тогда я пропустила ее слова мимо ушей, а теперь понимаю: это главное, что привело к моему разрыву с Виктором. Теперь мне кажется, что можно быть вообще неграмотным, то есть можно даже не уметь читать и писать, но не уметь глубоко чувствовать, как это вообще свойственно человеку, — что возвышает его над животными, — ты просто не имеешь права, если хочешь оставаться полноправным среди людей. И всех не обманешь.

После того случая Лина пересела от Виктора на другую парту, они поменялись местами с нашим остряком Симкой Потягаевым. Тотчас же с его легкой руки Виктора стали называть «Витек», а на другой день Симка явился в школу с синяком под глазом. В ответ на наше любопытство он сначала отмалчивался, косясь боязливо на Виктора, виновато улыбался, потом объяснил, что неудачно упал на улице, поскользнувшись на льду. И остеречь после этого перестал, сделался каким-то притихшим и молчаливым, а через пару дней пересел на место нашего чудака Борика Власова, который, казалось, даже и не заметил, что очутился за другой партией рядом с Виктором.

Но это было чисто внешнее впечатление. Потому что на сочинении, посвященном книге Николая Островского «Как закалялась сталь», Борик блеснул цитатой из Пристли: «Каждый из нас — это то, что он сумел сделать со своим временем». Автором цитаты назвал никому не известного писателя Хам-Сам, а в уста Павки Корчагина вложил слова, будто бы взятые из книги Островского: «Если за свою насмешку я буду избит дураком, то он лишний раз подтвердит этим свое обидное прозвище». Виктору показалась, видимо, заманчивой цитата из классика Хам-Сам, и он тоже вставил ее в свое сочинение. Нина Георгиевна всласть посмеялась над Виктором. При этом она несколько раз повторила фразу об избитии и Власову и Плахову поставила двойки, но Борика все-таки тут же пересадила с парты Виктора. Так рядом с Плаховым оказалась я.

А в это время наш комсорг Петька Колыш все мучился, к какому виду общественной работы привлечь Плахова с наибольшей пользой. И тут я неожиданно помогла Петь-

ке. Я вдруг обнаружила, что Виктор хорошо рисует. Пока кто-нибудь из учителей объяснял новый материал, Виктор тут же прямо в тетради рисовал его портрет, или просто какой-нибудь пейзаж, или лица наших одноклассников. Портреты получались очень похожими, даже выражение лица, характерное для того или другого человека, Виктор умел схватить. Я стала жаловаться ему на отсутствие настоящего художника в нашей стенгазете, похвалила его рисунки. Виктор понял, просто сказал мне:

— Ладно уж, помогу.

Так Виктор стал вместе со мной оформлять очередной номер классной стенгазеты.

Сначала Петька Колыш пытался пробудить в Викторе самостоятельную творческую активность, предложив ему дома нарисовать карикатуры из жизни нашего класса. Все они получились у Виктора очень похожими и смешными, но только одну из них можно было поместить в газете. На ней была нарисована суетливая Сонечка Маслова, разбившая уже не одну колбу в химлаборатории. На другом рисунке была изображена Нина Георгиевна, сидящая за столом в классе. Лицо ее было похожим — красивым и строгим. Однако Виктор нарисовал такую короткую юбку у учительницы, что становилось неловко. На третьей карикатуре Варвара Глебова растаскивает целующихся Макову и Шатикова. На четвертой Людочка Кусикова, мечтательно вылупившая глаза, говорила: «Эх, мне бы в вуз!» Слово «вуз» тут же расшифровывалось: «выйти удачно замуж».

Варвара, Петька и я долго растолковывали Виктору, почему нельзя поместить в газете такие карикатуры. Похоже, больше для самих себя растолковывали, потому что Виктор сразу же и без всякого сожаления о затраченном труде согласился с нами. Теперь-то мне хорошо известно, что ему свойственно мгновенно увлечься чем-нибудь и тотчас с той же легкостью забывать, казалось бы, самое дорогое и близкое ему.

Когда все статьи уже были аккуратно перепечатаны на машинке — этим у нас занимается Валя Локтева, у нее есть машинка, — мама Сонечки Масловой попала под машину, ее в тяжелом состоянии увезли в больницу. Передавая статьи Виктору — он дома оформлял газету, — я сказала, что карикатуру на Маслову надо заменить чем-нибудь другим. И Виктор вроде понял меня, согласился.

Но на следующий день мы обнаружили в классе на

стене газету с карикатурой на Сонечку. Газету, конечно, сняли, пока Маслова не успела увидеть карикатуру, а я растерянно спросила Виктора:

— Ну почему ты это сделал?

— Да просто некогда мне было менять: вчера по телевизору финальную встречу по боксу передавали.

Таким образом наша стенгазета не появилась вовремя.

Выручила Валя Локтева. Она сразу же пошла в школьную канцелярию и там на машинке напечатала одно из своих стихотворений. Листком со стихотворением мы заклеили карикатуру Виктора. А Нина Георгиевна в начале своего очередного урока сказала:

— Вот смотрите, ребята, что получается... Дар художника — редкий и ценный подарок природы и ему, художнику, и обществу. Но если человек при этом нравственно полуграмотен, то талант его может принести даже вред людям. И тут возникает главный вопрос: талант ли это вообще? Если мы вспомним все великие творения искусства или литературы, которые живут века, то их прежде всего отличает одно: они несут добро людям! Видимо, в понятие таланта неотъемлемо входит умение художника распорядиться им с наибольшей добротой к людям. А человек, которому совершенно безразличны результаты воздействия его творений на людей, по-моему, вряд ли может быть вообще назван талантливым, как бы совершенны ни были его произведения. Все это говорю я вам в связи с карикатурами Плахова. — Помолчала, подумала, сказала нерешительно: — И мне сейчас еще непонятен характер Плахова. Пока я могу сказать только одно: Плахов любит технические науки и равнодушен к гуманитарным, откровенно сказать, слаб в них. Он мало читает, мало думает над прочитанным...

Нина Георгиевна говорила еще о таланте, о самовоспитании, о личности в коллективе.

Я рассказываю все это сейчас, когда уже почти до конца переболела любовью к Виктору. Поэтому теперь о многом могу судить объективно. Но тогда все виделось мне во многом по-другому, и относилась я ко всему тоже иначе. И Виктор по-прежнему оставался для меня героем моих мечтаний...

Когда Симка Потягаев пересел с парты Виктора, он стал острить по-старому. Говорил, например:

— Сила есть — ума не надо.

Или рассуждал — внешне безразлично, но с ироническим подтекстом:

— Вы не можете открыть дверь шахты лифта, если кабина его не находится на вашем этаже. Это делается для того, чтобы вы по суетливой забывчивости, какая присуща, к примеру, Сонечке Масловой, не упали бы в шахту ненароком. В технике безопасности такое предохранительное устройство называется «Защита от дурака». Этот же метод, к сожалению, приходится иногда использовать и в повседневной жизни. Тем более что в жизни кое-кто только прикидывается дураком.

Я понимала, конечно, что он хочет этим сказать, но видела опять-таки прежде всего трусость самого Потягаева.

В инциденте с Шатиковым Виктор представлялся мне смелым, мужественным.

А в истории с сочинением, когда у Борики Власова Виктор списал цитаты, он выглядел глупо, но и здесь я находила оправдание для него: человек ведь не виноват, если ему технические дисциплины ближе гуманитарных.

Сейчас самой смешно, но тогда пыталась мысленно возражать Нине Георгиевне на ее рассуждения о таланте. Неубедительными казались мне слова Нины Георгиевны: «В понятие таланта неотъемлемо входит умение художника распорядиться им с наибольшей добротой к людям...» Разве птица, когда поет, думает о чем-нибудь?

Училась я по-прежнему хорошо, но, как ни ругала меня Варвара, называя тихоней, я не могла не давать Виктору списывать у меня. Это, конечно, сразу же стало ясно всем: у Виктора исправилась оценка по гуманитарным предметам.

Запомнился мне один разговор с Ниной Георгиевной после уроков в почти пустом уже классе. Варвара заявила презрительно:

— Нилова не борец, а бесхребетный соглашатель! Где ей противостоять разным там Плаховым!

Колыш сказал задумчиво и как-то по-новому мягко, будто жалея меня:

— Дело еще и в том, Нина Георгиевна, что Нилова в данном конкретном случае просто не хозяйка себе, понимаете? — И повернулся ко мне: — Да, Катя, свалился на тебя экзамен перед экзаменами!

Я сидела за партой, побагровев до слез, опустив лицо.

Нина Георгиевна долго молчала, вздохнула, проговорила негромко:

— А что, если попробовать Ниловой готовить уроки вместе с Плаховым?

— Ну что ж... — начала Варвара и уже по-своему, обстоятельно закончила: — Здесь, видимо, мы встретились со случаем, для исправления которого, как говорится, все средства хороши.

И для меня наступили особенно счастливые дни: я теперь расставалась с Виктором только перед сном. На уроках сидела рядышком с ним, молчала и постоянно чувствовала, что Виктор здесь, со мной! Только краснела невольно, когда вдруг ловила на себе насмешливые или сожалеющие взгляды одноклассников. И на переменках мы ходили с Виктором по коридору, разговаривали. А после школы отправлялись в чебуречную, что на углу Московского проспекта и Бассейной улицы, обедали, шли к Виктору домой делать уроки. Мне больше хотелось и обедать, и готовить уроки у нас дома — я ведь знала, как мама волнуется, если меня нет дома, — но Виктор непреклонно сказал:

— Прости меня, Катя, но мне трудно бывать у вас. Просто я вижу, что Дарья Петровна и за человека-то меня не считает.

И я промолчала, согласилась, конечно, ходить в чебуречную.

Даже не задумывалась над тем, что вот ни Лина, ни Симка, ни Борик не смогли усидеть за одной партой с Виктором, что вот и с нашим домом у него не получилось.

Евгения Павловна, мать Петьки Колыша, только удивленно поглядывала на меня, когда мы с Виктором являлись в их квартиру, но ничего не говорила мне. А Петька регулярно исчезал из дому, как только я приходила.

Уроки мы с Виктором делали быстро и легко. То есть делала их я, а Виктор просто сидел рядом со мной, обнимая меня рукой за плечи. Даже когда дома была его мама Клавдия Сидоровна. Она только громко и весело — совсем как Виктор иногда — смеялась, глядя на нас, пела сильным грудным голосом:

— Пора любви! Пора золотая!.. — но тотчас говорила поспешно: — Ну, ну, не буду мешать, не буду!.. — и уходила в свою комнату.

У Плаховых, которые поменялись с соседями Колы-

шей, было две комнаты, обставленных дорогой и красивой мебелью. В одной у них была столовая, где на диване спал Виктор, в ней же мы с ним на обеденном столе готовили уроки, письменного стола у Виктора не было. Во второй комнате, в спальне родителей Виктора, у окна стояло зубоорудное кресло, обычно закрытое ширмой. Клавдия Сидоровна работала зубным техником в поликлинике, но некоторых больных принимала и у себя дома, делала им коронки и зубные мосты. Отца Виктора, директора гостиницы, я видела всего раз или два — он приходил домой обычно поздно вечером и всегда слегка навеселе.

И по ночам теперь мне снилось, как Виктор, повиснув на тросе, прыгает с парашютной вышки в парке. Такой случай действительно был, вышка еще не работала, и парашют сняли с троса. Мы с Виктором гуляли, обнявшись, в полутемных аллеях парка, случайно наткнулись на вышку. Виктор снял свою руку с моих плеч, побежал на вышку, ловко и стремительно взобрался по крутой лесенке на самый верх. У меня только на миг отчаянно сжалось в груди, когда я увидела, что Виктор открыл дверцу в перилах, бросился с вышки вниз. Вначале летел камнем — у меня остановилось сердце! — потом дернулся кверху, повиснув на тросе, и уже медленно стал опускаться на нем вниз. Только тут я перевела наконец дыхание, сообразила, что парашют ведь повешен на тросе с чисто декоративной целью.

Когда Виктор благополучно опустился на землю — даже не упал! — я бросилась к нему, засмеялась от радости. И только в аллее, немного успокоившись, крепко-крепко, обеими руками держась за руку Виктора, спросила его:

— Почему ты это сделал?

— Захотелось.

— А если бы трос был рваным? Или лебедка, на которую он намотан, неисправна? Ты хоть успел их проверить? Ведь вышка целую зиму не работала.

— А!.. — махнул он рукой.

Высота парашютной вышки — метров тридцать, если не больше,

Мама видела, конечно, что происходит со мной. Как-то утром сказала, не притронувшись ни к кофе, ни к еде:

— Хоть бы уж отец скорее возвращался! — Помолчала, пряча от меня глаза, прошептала: — Хоть бы уж десятый класс ты успела кончить...

И тогда я неожиданно для себя спросила маму:

— А за что ты любишь отца?

Она посмотрела мне прямо в глаза:

— Ну, отец — это совсем другое дело! — И лицо ее тотчас разгладилось, точно осветилось, мама ласково и мечтательно улыбнулась: — Нам ведь было всего по семнадцать, когда мы познакомились случайно, сразу же полюбили друг друга...

Что-то помимо моей воли заставило меня сказать:

— Хоть отец, конечно, и другое дело, но ведь и нам с Плаховым тоже по семнадцать, как вам было когда-то...

Мама, казалось, не слышала моих слов, глядя вдаль, тихонько улыбаясь, продолжала рассказывать:

— Понимаешь, Ленинград был в блокаде, голод, бомбежки и обстрелы... и тут появляется Костя, твой отец, прямо-таки жизнь ко мне сразу вернулась! Ты ведь знаешь, что он вытащил меня из-под развалин разбомбленного дома, последней коркой хлеба со мной делился...

— Знаю. Но сейчас нет войны, голода и блокады. Кстати сказать, я уверена, что и Виктор вытащил бы меня из-под развалин разбомбленного дома!

— А последней коркой хлеба, сам умирая от голода, стал бы он с тобой делиться?

— Вот это не знаю... — честно ответила я.

— Нельзя любить человека только за то, что он красив да смел без ума, просто от избытка горячей крови.

— Почему?

Мама мигнула растерянно, все вглядываясь в меня, тоже спросила наконец:

— Ну что заставляет твоего отца нести сейчас такую тяжелую службу, быть неделями в море, жить без семьи, без нас с тобой?

Не отвечая на вопрос мамы, я сказала с вызовом:

— А знаешь, и Виктор ведь способен на такую работу, как у отца, да, да!

— Весь вопрос в том, Катя, из-за чего твой Виктор способен на это!

— Ну?

— Отцом руководит долг. Он отвечает и за корабль, и за людей. А ты уверена, что продолжаешь существовать для Виктора, как его собственная рука или сердце, когда он перестает видеть тебя, когда за ним закрывается дверь?

И я была вынуждена ответить:

— Нет, не уверена...

— Это первое... — негромко и терпеливо продолжала говорить мама.— А второе... Ты, надеюсь, понимаешь, что полутона не менее важны в жизни, чем сами тона? Вот, вот!..— Снова молчала долго, потом опять поглядела прямо в глаза мне: — Есть еще и такое понятие, как родственность душ, вообще способность человека быть родным другому. А ведь родственность предполагает полную близость с другим человеком, боязнь за этого другого, как за себя самого... Ну, вот поставь нас с отцом рядом... Ты думаешь, я не знаю, что некрасива? Думаешь, не вижу, как удивленно поглядывают на нас на улице или в театре, когда мы рядом? А к этому еще — и слабое мое здоровье, подорванное в блокаду, и недомогания вечные... А отец ведь знает все это, видит и понимает — и любит меня, любит!.. Вот что такое настоящая любовь! А ты еще, глупая, спрашиваешь, за что я люблю его!..

7

Через несколько дней, в воскресенье, я вместе с Плаховыми поехала в Солнечное на дачу их знакомых.

Был уже апрель, но по утрам подмораживало, кое-где на улицах еще лежал снег, а на асфальте были лужи, подернутые хрупким матовым ледком, который в детстве было так приятно давить каблуками. Помню, как долго я крутилась перед зеркалом, одеваясь и причесываясь старательнее обычного, улыбаясь произвольно. Мама сидела на стуле, следила за мной, хмурилась устало, вдруг сказала:

— Ну, как мне убережь тебя, а?

Я только засмеялась ей в ответ.

Уже у самого дома Плаховых неожиданно наткнулась на маму Петьки Колыша Евгению Павловну. Я знала ее с первого класса, да и рада была предстоящей по-

ездке, поэтому подбежала к ней, поцеловала в щеку, засмеялась:

— Погодка-то!

— Да... — негромко ответила она, как-то по-новому приглядываясь ко мне; а я увидела, что лицо у нее усталое и осунувшееся, точно постарела вдруг Евгения Павловна; да она к тому же проговорила огорченно: — Вот меняться думаем, а столько лет в этой квартире прожили, да и хорошая она у нас...

— Почему меняться? — удивилась я.

— Да соседи наши новые, Плаховы эти...

— А что Плаховы?

Она пожала плечами, поморщилась:

— Да так-то ничего... То есть никаких нарушений, на казуемых, как говорится, законом, они не делают... — Договорила растерянно: — Уж какой месяц живем в одной квартире, а привыкнуть к ним никак не можем... Чужими они для нас остаются, Катенька, хоть кричи! — Глянула поспешно и зорко мне в глаза, торопливо попрощалась со мной.

А я поднималась в лифте в квартиру Плаховых — Колышей и все не могла отделаться от нового и неприятного чувства, что вот, оказывается, на меня переносится та же неприязнь, которую питают люди к Плаховым. Вышла из лифта, постояла на площадке, прежде чем позвонить в квартиру.

За дверью послышался громкий и сильный голос Клавдии Сидоровны:

— Ты, Сашок, не перегрузись раньше времени — воскресенье испортишь! — Она кричала так, точно находилась в лесу, а не в квартире.

Дверь распахнулась сильным рывком. Клавдия Сидоровна — высокая, статная, с таким же красивым лицом, как у Виктора, только глаза у нее были голубыми, почти синими — одним взглядом охватила меня всю сразу, так же громко сказала:

— Входи, входи, — и снова крикнула в комнаты: — Витек, невеста явилась! — повернулась и быстро пошла по коридору, ничего больше не говоря мне, не приглашая за собой.

Я побагровела до слез — хорошо, никого из Колышей не было видно, — пошла за ней. Походка у Клавдии Сидоровны была красивая, хоть и по-мужски стремительная: ноги стройные, сильные, как у меня; модный банло-

новый костюм сидел на ней ловко, точно на выставочном манекене.

— Здравствуйте,— негромко и почему-то вдруг охрипшим голосом сказала я, останавливаясь в дверях столовой.

— Вы-хо-ди-и-ила на берег Катюша!.. — пропел Александр Викторович, улыбаясь мне, поспешно и жадно закусывая: — Садись, садись!.. — Он налил мне в рюмку коньяку, без всякого перехода и не меняя тона спросил неизвестно у кого: — А почему реактивные установочки называли «катушками»? — Отодвинул от стола рядом с Виктором стул для меня, ответил сам себе: — Потому что они вот такие же Катеньки: тихонькие и безобидные, а выстрелят...

Виктор тоже улыбался, глядя на меня, но из-за стола не встал мне навстречу. А я вдруг с тревогой подумала: что, если через два десятка лет и у Виктора будет такое же лицо, как у отца,— обрюзгшее, полное и тяжелое? Ведь черты лица у них похожи и глаза точно такие же. Я села на предложенный мне стул, а Виктор потянулся ко мне, крепко обнял рукой за шею, поцеловал в губы.

— Горько! — тотчас засмеялась Клавдия Сидоровна.

Я чувствовала, как у меня буквально пылают уши от смущения, горят щеки, боялась поднять глаза. Вот так Виктор впервые меня поцеловал. Отупев от растерянности, машинально взяла налитую мне рюмку, подняла ее, тоже автоматически глянула на рюмку Виктора — она была пустой.

— Ему нельзя,— пояснил мне Александр Викторович.— Он машину поведет,— а сам ел по-прежнему быстро и жадно.

Я не удержалась все-таки от любопытства, глянула на Виктора. Я не знала, что у Плаховых есть машина, не знала, что Виктор умеет водить ее. Ну да для него это, наверное, нечто само собой разумеющееся, вон вроде того прыжка с парашютной вышки, о котором он никому даже не сказал. Только, думаю, все это не потому, что Виктор не любит хвастать. Просто он уже полностью в образе своего киноковбоя. А может, считает, что незачем говорить: ведь и так рано или поздно все узнается. Вон про его прыжок с вышки я же сама и рассказала в классе.

— Ничего: одну рюмашку пусть хлопнет,— и Клавдия Сидоровна, протянув через стол свою красивую, уже за-

горевшую руку, налила Виктору коньяку: — Веселее поедем.

— Слово женщины — закон для мужчины! — легко согласился Александр Викторович, с готовностью ловко поднимая свою рюмку, и снова пояснил: — Теперь не чокаются.

Все выпили, и я сдуру тоже, но от непривычки, от обжигающей горечи во рту поперхнулась, закашлялась до слез. Виктор стал бить меня ладонью по спине. Но и этого родители его «не заметили», только Клавдия Сидоровна опять засмеялась:

— На нынешнюю молодежь ты, Катюша, непохожа. Нынешняя-то — ого!

— Нынешняя молодежь мимо рта не пронесет, не беспокойся! — в тон жене заметил Александр Викторович и пояснил: — Насмотрелся на этих чудачков в нашем ресторане вволю.

— А вы в какой гостинице работаете? — неожиданно для себя спросила я.

— В первойклассной, не беспокойся, — не переставая жевать, ответил Александр Викторович. — Да ты ешь, ешь, — и пояснил, конечно: — Дома-то у вас, небось, такое не всегда бывает.

Я кивнула: стол действительно весь был уставлен закусками не домашнего приготовления. От неловкости, желая перевести разговор на другую тему, я сказала:

— А я и не знала, что у вас есть автомобиль, что Виктор умеет водить его...

— Он все может, если захочет, — засмеялась Клавдия Сидоровна.

— Гараж вот только далеко, — сказал Александр Викторович, потом добавил: — Остался около старого дома.

— А я уже заметила одну вашу привычку, — вдруг сказала я.

— Ого! — насторожилась Клавдия Сидоровна.

— Интересно! — сказал Александр Викторович и даже перестал жевать, замер с набитым ртом, зорко глядя мне в глаза.

— Вы скажете что-нибудь, а потом обязательно поясните, — ответила я, поборов смущение.

— Для доходчивости, — с облегчением засмеялся Александр Викторович.

— И частично — для затемнения, — тоже засмеялась Клавдия Сидоровна.

— Ну, поехали! — нетерпеливо сказал Витек и встал; я видела, что ему не терпится поскорее оказаться за рулем.

— Тихая-то ты тихая, Катюша, а выстрела все-таки жди! — Александр Викторович поднялся из-за стола.

Он оказался почти на голову ниже Клавдии Сидоровны. Костюм на нем тоже был дорогим и нарядным. А еще я заметила, что руки у него маленькие и полные, густо покрытые жесткими волосами, на левой — золотые часы на золотом широком браслете. И брюшко выпирало, и ко-солапил он, и шея у него толстая, даже в складках... А вдруг и вправду Виктор будет таким?

У парадной стояла двухцветная «Волга», Виктор открыл дверцу, сел за руль. А я вспомнила, что Клавдия Сидоровна ушла из дому, ничего не убрав со стола. И в комнате у них было как-то неряшливо; пол давно не мыт, скатерть на столе грязная... Виктор открыл мне вторую дверцу, я уселась рядом с ним на переднее сиденье, а старшие Плаховы — сзади.

— Ну, Витек! — скомандовала Клавдия Сидоровна, — с ветерком!

— Будь спок! — ответил Виктор, включая мотор.

Я никогда еще в жизни не ездила так. Виктор вел машину уверенно и ловко, за рулем сидел он удивительно складно, но гнал ее так, что у меня ежеминутно от страха замирало сердце. А Клавдия Сидоровна еще покрикивала сзади:

— Жарь, Витек!

Я не вытерпела, оглянулась: Александр Викторович покойно спал, сложив руки на толстом животе, будто сидел дома в кресле. Очень крепкие нервы у всех Плаховых.

Только в одном месте Виктор притормозил, и я увидела, что перед машиной, обезумев от страха, мечется курица.

— Спорю, что не задавишь! — сказала сзади Клавдия Сидоровна.

— На что? — спросил Виктор.

— На мои часы, — на руке Клавдии Сидоровны были золотые мужские часы.

— Лады!

Виктор, прищурившись, рывком послал машину вперед...

Мы трое оглянулись: курица лежала на шоссе. У меня стало горько во рту.

— Держи! — и Клавдия Сидоровна протянула Виктору часы.

Виктор взял ее часы, сунул в карман брюк, включил приемник, начал насвистывать в такт музыке. И Клавдия Сидоровна стала подпевать своим глубоким голосом, точно не было задавленной курицы, точно не пришлось ей только что расстаться с дорогими часами. «Плаховы — необычные люди», — с горькой иронией подумала я.

Дача, к которой Виктор подогнал машину, имела совершенно нежилой вид, окна были крест-накрест забиты досками. И людей около нее не было. Я уж решила, что мы приехали зря, но Клавдия Сидоровна протянула Виктору ключ:

— Держи.

Виктор взял его, вышел из машины, стал открывать ворота.

Я молчала, ни о чем не спрашивала Плаховых, потому что не хотела снова услышать рассуждения Александра Викторовича о тихонькой Катюше, которая вот-вот выстрелит. А после поняла, что и сами Плаховы почти никогда не задают вопросов. Так родители Виктора, к примеру, за целое воскресенье ничего не спросили у меня о нашей семье, о моих родителях...

У Клавдии Сидоровны был ключ от дома.

Просторные комнаты его, обставленные совершенно по-городскому — на высоких окнах даже висели тяжелые портьеры, — имели довольно запущенный вид. Александр Викторович начал открывать большой баул с едой, который достал из багажника, но Клавдия Сидоровна весело скомандовала:

— Нет, сначала загорать! Все наверх! — И первой помолодому легко побежала вверх по крутой лестнице.

Я порадовалась, что захватила купальник, тоже пошла за ней. На большой открытой террасе пестрели пляжные лежаки. Клавдия Сидоровна с какой-то лихорадочной поспешностью снимала с себя костюм, туфли, чулки... Я даже подумала: так, наверное, кошке не терпится выбраться на крышу, на солнышко. Посмотрев по сторонам, нет ли людей, я тоже стала раздеваться. Вдруг

услышала у себя за спиной довольный голос Клавдии Сидоровны:

— А ты первоклассной женщиной будешь!

Сама Клавдия Сидоровна была по-молодому стройной и сильной, хорошо загоревшей. Купальник на ней был заграничный. Она вдруг взяла меня за руку, потащила за собой:

— Иди, иди, хочу сравниться!

Привела в комнату, поставила перед большим зеркальным шкафом, сама встала рядом. Я невольно покраснела, а она внимательно, долго и придиричиво разглядывала меня и себя в пыльном зеркале. Потом удовлетворенно засмеялась:

— Нет, я еще ничего... И весьма! — По-своему, решительно, скомандовала: — Ну, загорать!

Мы с ней вернулись на террасу, легли рядом на лежаки. Хорошо хоть я успела постелить на них старые газеты, как-то сообразила захватить их из комнаты. Клавдия Сидоровна лежала, вольно раскинувшись, подставляя солнцу лицо, и во всем ее большом красивом и холеном теле было что-то первобытное. Я даже подумала, что, наверное, вот именно такие женщины и должны больше всего нравиться мужчинам.

Очевидно, я задремала, потому что не слышала, когда на террасе появились Виктор с отцом.

— Вот они, наши красавицы! — хриловато проговорил вдруг над нашими головами Александр Викторович. — Лежат себе рядочком: выбирай любую!

От смущения я покраснела, даже спрятала лицо в руки. Солнце приятно грело спину и ноги, а главное, Плаховы все молчали, и я постепенно успокоилась. И твердо решила: ни за что больше не позволю Виктору вот так запросто — точно я манекен, а не живой человек! — ни за что больше не позволю ему поцеловать себя!

Не знаю, сколько мы так пролежали, я даже чуть не заснула, таким ласковым, горячим уже было солнце. И вдруг почувствовала, что Виктор обнимает меня, вскочила. Родителей его на террасе не было.

— Не смей! — шепнула я и отступила к перилам.

— Поцеловаться боишься? — спросил Виктор, вплотную подойдя ко мне.

— Не смей! — повторила я.

Он положил руки мне на плечи, и тогда я, коротко размахнувшись, дала ему звонкую пощечину. Он убрал

руки, отступил на шаг, глаза его зло сузились. Потом хрипловато, как Александр Викторович, сказал:

— Я не знаю, люблю тебя или нет... Да и что такое любовь, не знаю — чего-чего люди про нее не напридумывали! Но ты мне нравишься. Так нравишься, как никто еще не нравился, поняла? А я упорный... Поняла?! — Он не спеша поднял с пола сигареты, закурил, лег.

Мне уже не хотелось загорать, но, услышав голоса идущих на террасу Клавдии Сидоровны и Александра Викторовича, я вернулась на свой лежак.

Клавдия Сидоровна, видимо, поняла, что между нами что-то произошло.

— Милые бранятся, только тешатся! — весело и громко проговорила она.

— Обидел деву-ушку, по-нап-расну!.. — пропел Александр Викторович.

Я приподняла голову, глянула из-под руки. Виктор по-прежнему загорал и курил, закинув руки за голову. Клавдия Сидоровна с наслаждением устраивалась поудобнее на лежаке. Александр Викторович, наклонившись над баулом, доставал бутылку и еду. Я растерянно подождала еще — нет, никто из Плаховых так больше ничего и не сказал ни мне, ни Виктору, никто из них не подошел ко мне, не сказал ободряющего слова... Но ведь Виктор как-никак их сын! И я-то не курица, которую сегодня мы задавили мимоходом! Какой же толщины кожа у них?..

И мне захотелось сейчас же вскочить, одеться, убежать на станцию, уехать на электричке, очутиться дома, рядом с мамой! Но я не решилась это сделать, боясь обидеть Плаховых. Недаром Варвара Глебова вечно упрекала меня, что я тихая.

Не знаю, сколько бы я еще лежала и думала вот так, но на террасу поднялись мужчина с женщиной, просто и опрятно одетые. Сразу было видно, что это местные. Поздоровались скромно и вежливо, женщина сказала приветливо.

— Глядим, дача ожила, а мы и убрать ее не успели. Почему же не предупредили, что приедете?

— А хозяева все на севере морозятся? — спросил мужчина.

Вопросы пришедших остались без ответа, и поздоровалась с ними только я, а Клавдия Сидоровна тотчас скомандовала:

— Ну, Сашок, хватит поджариваться, пора за стол! Она легко поднялась с лежака, высокая, стройная и сильная; я видела, как женщина с удовольствием смотрела на нее.

Александр Викторович, заметно оживляясь, сказал мужчине:

— Давай, давай, Гришуха, вздрогнем слегка,— и тоже встал.

Мы с женщиной — ее звали Анна Степановна — быстро подмели одну из комнат в первом этаже, вытерли пыль со стола и стульев, даже нашли в одном из шкафов свежую скатерть. Примечательно только, что никто из Плаховых не принимал никакого участия в этом, а Клавдия Сидоровна даже не заметила моей старательности. Домато ведь у себя я почти ничего не делаю — все мама... Сегодня утром, когда я пришла к Плаховым, Клавдия Сидоровна крикнула сыну: «Витек, невеста явилась!» Неужели ей безразлично, какую невесту приведет в дом ее сын? Или она в шутку назвала меня невестой? А что, если и сам Виктор не принимает всерьез наши с ним отношения? «Нравишься, как никто еще не нравился». Мало ли кто кому нравится, разве этого достаточно, чтобы стать родными?

Работали мы с Анной Степановной молча, она только поглядывала на меня, улыбалась по-доброму. А когда стол уже был накрыт, она повернулась ко мне, подмигнула. Потом улыбка сбежала с ее лица, в глазах появилась растерянность. Видно было, что она хочет спросить меня о чем-то. И наконец решилась.

— А вы... кем же им будете? — Она кивнула вверх, на потолок; пока мы готовили стол, Плаховы снова поднялись на террасу.

— Одноклассница их сына Виктора.

— А кто же ваши родители?

— Отец — моряк, мама — домохозяйка.

— Отец в больших чинах?

— Сравнительно в больших: капитан первого ранга.

— По-пехотному это полковник?

— Да.

— А!.. Ну, тогда понятно! — И тотчас снова заулыбалась по-доброму, кивнула на убранную комнату, красиво накрытый стол и впервые обратилась ко мне уже по-свойски на «ты»: — А почему же ты тогда с этими... — искала слово, нашла: — с гостями?

Через месяц пожилая продавщица на пляже у Петропавловки скажет нам с Виктором: «Прохожие гости Земли».

— Одноклассница их сына Виктора,— повторила я.

Анна Степановна ничего на это не сказала, опять оглядела стол, глаза ее снова сделались недоверчивыми, она сказала мне, обращаясь снова на «вы»:

— Давайте приглашать гостей.

— Сейчас позову,— ответила я, выбежала в прихожую, крикнула наверх: — Хозяева-гости, слуги вас просят к столу! — И сразу же обернулась к Анне Степановне: лицо ее снова было откровенно растерянным, я удовлетворенно засмеялась.

Коньяк — его оказалось целых три бутылки — разливала Клавдия Сидоровна, Александр Викторович щедро и быстро раскладывал по тарелкам закуску. Одетыми за столом были только Анна Степановна, ее муж, Григорий Афанасьевич, и я, Плаховы оставались в пляжных костюмах. Они оживленно разговаривали, Анна Степановна и Григорий Афанасьевич сидели молча, вежливо улыбались. Клавдия Сидоровна налила полную большую рюмку коньяку Виктору, засмеялась:

— Пей, орленок, до вечера выпишься! — Тотчас подняла свою: — Ну, за наступающее лето! — И выпила первой.

Выпили и остальные, только я чуть отхлебнула из рюмки. Александр Викторович стал опять поспешно и жадно есть. Пока остальные закусывали, Клавдия Сидоровна налила снова. Теперь уж, готовясь к ответному тосту, поднял свою рюмку Григорий Афанасьевич, сказал негромко:

— Мы вот с Анной... — он покосился на меня, вспомнил, наверно, мои слова, договорил: — благодарим гостей-хозяев и предлагаем выпить за хорошую погоду, за урожай, чтобы на столе всегда было так вот!

Снова все выпили, только Анна Степановна чуть отхлебнула из своей рюмки, как и я.

Не знаю, сколько прошло времени, какое-то оцепенение на меня напало. Опомилась от необычной тишины за столом и злого голоса Григория Афанасьевича. Он успел уже сильно захмелеть. Встретилась с его светло-серыми глазами, увидела побледневшее лицо с напрягшимися желваками на скулах, крепко сжатые тяжелые кулаки, лежавшие на столе. Он говорил размеренно и четко:

— Девушка ваша,— кивнул на меня,— назвала вас — хозяева-гости. Не знаю, ненароком это у нее вышло или умная она, а только первый раз в жизни я такое слышу. Погоди, Анна, дай сказать! Знаю я, что он директор какой-то гостиницы, что ты,— сказал он Клавдии Сидоровне,— зубной техник, я не об этом,— губы его покривились, передохнул прерывисто, снова заговорил раздельно: — Но вот что я хочу спросить: что вы за люди? Как можно быть хозяевами и тут же гостями? Откуда вы такие взялись?

— Хватит, Гриша, хватит!.. — останавливала его Анна Степановна.

Александр Викторович, не прекращая жевать, захохотал:

— Живи, Анна, пока живется!

Но Клавдия Сидоровна негромко и властно проговорила:

— Марш! — и указала Анне Степановне и Григорию Афанасьевичу на дверь.— Марш, марш!

Анна Степановна по-мужски сильным движением обняла мужа за талию, легко подняла его со стула, повела к двери.

Я посидела еще за столом, точно медленно просыпаясь... А Плаховы уже снова громко и весело хохотали, говорили о чем-то совсем другом, будто ничего решительно сейчас не случилось. Я терпеливо подождала, пока на минуту за столом замолчали, сказала вежливо:

— Извините, я сейчас... — встала, пошла.

Незаметно выбралась из дому, кинулась на станцию.

Ехала в Ленинград, затиснутая в уголок переполненного вагона. Мне приятно было видеть вокруг себя веселых, отдохнувших за воскресенье людей, слышать музыку, голоса — я точно выбралась снова в привычную и надежную, по-человечески осмысленную жизнь. Почувствовала наконец чью-то руку на своем плече, услышала дружелюбный мужской голос:

— Что случилось, девушка?

И только тут поняла, что плачу.

Перед Майскими праздниками, как обычно, не предупредив нас с мамой, приехал отец, и в нашем доме сразу же все преобразилось,

Сквозь сон я услышала в прихожей радостный голос отца. Выскочила из постели, в одной рубашке выбежала в прихожую. Отец стоял посреди нее, высоченный, по-всегдашнему уверенно-спокойный, ласково улыбался своими густо-синими глазами. Мама, уже одетая, заложив назад руки, пристально глядела на него, и губы ее сильно дрожали.

— Со встречей! — сказал отец, протягивая к нам руки.

Мама тотчас облегченно заплакала, кинулась к отцу. Он обнял ее, поцеловал. Подбежала я, он подхватил одной рукой меня, второй — маму и, держа нас на руках, как маленьких, а мы крепко обнимали его за шею, пошел в комнату, шутливо декламируя:

— «Мороз-воевода дозором обходит владенья свои!..»

И я вдруг заплакала, как мама, хотя никогда со мной такого не случалось при встрече отца. Он внимательно глянул на меня, сказал по-прежнему весело:

— А кого-то ждут подарки! — и опустил нас с мамой на пол.

Мама тотчас бережно и ласково взяла большую руку отца в свои, все смотрела на него, улыбаясь сквозь слезы. И он снова обнял ее, поцеловал. А я поспешно побежала мыться и одеваться, только все почему-то не могла перестать плакать.

Когда вошла в столовую, стол уже был накрыт и отец с мамой сидели рядышком, держась за руки, как школьники.

— Возьми в прихожей чемодан, Катенок, — сказал мне отец, чуть подольше, чем обычно, задерживаясь глазами на моем лице.

Я побежала в прихожую... Неужели отец уже знает все про Виктора? Неужели мама написала ему об этом? Сама я только в одном письме мельком упомянула о Плахове, просто упомянула...

На полу в прихожей стоял небольшой новый чемодан. Я подхватила его, вернулась в столовую. Отец только кивнул мне на чемодан, я поставила его на стул, раскрыла. И сразу же увидела банлоновый костюм, такой же, как у Клавдии Сидоровны. Засмеялась от радости, взяла его, побежала к себе в комнату переодеваться.

И так ведь при каждом возвращении отца! И откуда только он знает, что именно мне надо подарить?..

Надела костюм — он, конечно, был совершенно впору.

И как только отец всегда помнит в своих многомесячных плаваниях о том, что мне нужно!

Прибежала в столовую, крутанулась перед родителями.

— Ну, ну, — сказал отец, с удовольствием глядя на меня.

Снова побежала к себе в комнату, чтобы переодеться в форму, не опоздать в школу. Сразу после возвращения отца у нас дома не принято рассказывать о том, что было во время его отсутствия. Кажется, что все это мелко по сравнению с самим фактом его благополучного возвращения. И он сразу тоже почти ничего не рассказывает нам с мамой о прошедшем плавании.

Снова вспомнила короткие и внимательные взгляды отца и вдруг решила, что сейчас же сама расскажу ему о Викторе.

Отец уже успел умыться, сидел за столом в гражданских брюках и белой рубашке, волосы его еще были темными от воды. Мама разливала кофе, отец смотрел на нее спокойно и ласково. Как он должен был устать за плавание, как рад снова оказаться дома, с нами! Села на свое место.

— Ну, Катенок?.. — негромко спросил отец.

— После зимних каникул в нашем классе появился новый ученик Виктор Плахов, — сказала я.

Отец подождал еще, все глядя на меня, но я ничего больше почему-то не могла сказать ему о Викторе, тогда он глянул на маму. Она кивнула ему, чуть заметно поморщилась. Отец сказал быстро:

— Ну, давайте пить кофе, — и придвинул к себе чашку.

И я тотчас успокоилась, мне стало ясно: отец понял, что я хотела сказать. Я благодарно улыбнулась ему за то, что сам он ничего не спросил меня о Викторе. Вот только что ему скажет мама, пока я буду в школе?

Быстро выпила кофе, побежала в школу. На первом же уроке шепнула Виктору:

— Капитан Нилов вернулся!

— Кто это? А, понял.

Я решила, что сегодня же после уроков обязательно приведу Виктора к нам домой, познакомлю с отцом.

Весь школьный день думала об этом, тревожилась:

понравится ли Виктор отцу? Даже на уроках слушала невнимательно, а когда мы с Виктором вышли из школы, предложила ему будто между прочим:

— Зайдем к нам,— даже пояснила вроде Александра Викторовича: — Сегодня обед у нас — первый класс!

Виктор кивнул согласно, а у меня неожиданно горько сжалось сердце: он уже успел забыть о возвращении отца! И не заметил, значит, что я весь день была не такой, как обычно...

Только глянув на отца и маму, я сразу же догадалась, что без меня они о Викторе не говорили. Отец встал, протянул Виктору руку.

— Ну, давай знакомиться.

А я вдруг увидела взгляд мамы: она молча и настороженно следила за Виктором и отцом. Виктор пожал руку отца, сказал весело и просто:

— Катя говорит мне сегодня: «Капитан Нилов вернулся!» А я вначале даже и не сообразил, кто это...

По глазам отца нельзя было понять, понравился ли он ему.

— Курить можно? — почему-то спросил Виктор, тоже садясь рядом с отцом на диван; раньше он курил у нас дома, не спрашивая разрешения.

Отец кивнул, подвинул пачку сигарет, лежавших на журнальном столике.

— Ого! — сказал Виктор, рассматривая пачку: — «Честерфилд»! В Англии были?

— Был.

Виктор посмотрел на отца уже с откровенным восхищением.

Мама вздохнула, пошла на кухню.

— Дело к экзаменам идет? — весело спросил отец.

— А крепкие! — проговорил Виктор, глубоко затянувшись, переспросил, точно не расслышал: — Что? А, да! — И развел руками: — Деваться некуда: надо как-то спихнуть.

«Так, так...» — опять молча кивнул ему отец, глянул на меня, отвел поспешно глаза.

Обед, как и всегда при возвращении отца, был праздничным. Виктор первым потянулся к бутылке коньяка, налил нам с мамой в маленькие рюмки, себе и отцу — в большие. Я глянула на отца, но ни он, ни мама ничего не сказали Виктору.

— Ну, с возвращением! — сказал Виктор, поднял свою рюмку, выпил коньяк, стал есть.

Я заметила, что отец с мамой почему-то стараются не глядеть на Виктора. Он снова хотел налить себе. Мне стало стыдно за развязность Виктора.

— Хватит! — не утерпела я. — Ведь уроки еще надо делать!

— Действительно, хватит, Виктор! — твердо проговорил отец.

— Ну, какие уж теперь уроки по такому случаю? — добродушно возразил Виктор. — Спишу завтра.

И действительно, заниматься нам в этот день не пришлось. Виктор ушел домой. Я села за уроки.

Вечером у нас собрались гости, как всегда это бывало по возвращении отца, но я не могла заставить себя выйти к ним. Весь вечер пролежала одетая на своей постели, притворяясь, что сплю.

Дождалась, когда гости разошлись — было уже два часа ночи, — вышла из своей комнаты. Отец с мамой сидели в столовой. Обернулись, услышав мои шаги.

Я спросила отца:

— Годится Виктор для военной службы? — И по глазам отца тотчас увидела, что он понял мой вопрос.

— Смотря для какой... — негромко ответил он и вздохнул устало: — Она ведь тоже разная — военная служба.

— Ну вот к тебе на корабль приходит пополнение — как бы ты принял Виктора?

— Обычно. — И отец чуть прищурился.

— Ну ладно... Что ты думаешь о Викторе?

— Да я ведь и вижу-то его в первый раз...

— Нет, говори все!

— Да! — сказала мама.

— Пришлось бы повозиться как следует, чтобы сделать из него настоящего моряка. С одной стороны, понимаешь ли, Катенок, и здоров он, это сразу видно. То есть физически здоров, я хочу сказать. А морально... — и чуть усмехнулся, договорил: — У меня на корабле работа тяжелая и сложная, ошибаться никто из экипажа не имеет права, а нравственный уровень Плахова...

— Договаривай все!

— Целый вечер она мучилась, ждала этого разговора, — сказала мама.

— Трудный случай, Катенок! — ответил отец и стал

глядеть прямо в глаза мне, прищурился еще сильнее: — У меня ведь служба какая? Кого мне пришлют, с теми я и обязан работать, понимаешь?

— Ну а если бы ты мог выбирать себе экипаж?

Отец смотрел все так же пристально на меня, ответил спокойно и ровно:

— Виктора Плахова не взял бы, — и тотчас будто начал извиняться: — У нас ведь, понимаешь, случаются ситуации довольно серьезные...

— Хватит, Костя! — остановила его мама.

— Спасибо... — прошептала я, повернулась, снова пошла к себе в комнату.

Разделась аккуратненько, легла. Но всю ночь не могла заснуть, не торопясь и последовательно вспоминала все случаи, поступки и слова Виктора. Никогда наперед прямо-таки невозможно угадать, как Виктор поступит в том или ином случае. И никак не понимает он того, чего не хочется ему понимать... Но одновременно с этим (по-своему, конечно) Виктор — натура цельная, но в чем-то самом главном все-таки чуждая... Никакого определенного вывода у меня так и не получилось, но, когда я, стараясь заставить себя уснуть, принималась, как обычно, мечтать, все мои привычные мечты, раньше успокаивающие меня: и жизнь в одинокой избушке, затерянной в дремучем лесу, и необитаемый остров — теперь почему-то рассеивались, как только я включала в них Виктора. Уже одно появление его вносило жестокость и грубость. •

Попробовала успокоить себя тем, что за Виктора просто надо бороться, что неисправимых вообще нет. Но как бороться за Виктора? Вот если бы Виктор оказался на корабле отца, рано или поздно стал бы человеком.

Как это сказала Варвара? Да: «Поскольку он не в безвоздушном пространстве живет, он должен в соответствии с общепринятыми правилами реагировать на окружающую среду, чтобы она допускала его существование в ней, не отталкивала его...» А пока внутренний мир Виктора мне чужд и во многом непонятен, даже неприемлем для меня! Может, я и смогу постепенно привыкнуть к этому, если буду долго рядом с Виктором. Но никогда, наверно, Виктор не станет родным для меня, а я для него.

Все сидела на постели, сжавшись в комочек, крепко обхватив голову руками, увидела, что в комнате

уже почти совсем светло. Долго, не меняя позы, глядела на окно: снизу оно было сиренево-темным, сверху — розово-светлым. Наступило утро. Очень болела голова...

Вот все эти события и раздумья, связанные с Виктором, — и совсем мелкие, и более значительные — привели меня постепенно к тому, что я поняла: буду что-то делать. Еще неизвестно, что именно, но буду.

По вечерам отец с мамой, как и всегда, ходили в театр или в кино, в гости, а когда оставались дома, кто-нибудь обязательно бывал у нас. Из-за подготовки к экзаменам я не могла, как раньше, ходить вместе с ними, сидела у себя в комнате, готовилась. Вместе со мной по-прежнему занимался и Виктор.

В предыдущих классах он, видимо, учился средне, потому что, повторяя пройденное, я часто обнаруживала у него досадные пробелы. И мне самой из-за этого приходилось возвращаться к уже известному. Это было и утомительно, и неинтересно мне, но я терпеливо и настойчиво снова и снова возвращалась к старому материалу, чтобы Виктор не попал впросак на экзаменах.

Есть люди, у которых начисто отсутствует привычка к труду. Необходимость постоянно и ежедневно трудиться вызывает в них непреодолимое отвращение. Таков Виктор.

Однажды мы с ним сидели в моей комнате, готовились к экзамену по литературе, повторяли «Мертвые души» Гоголя. У нас были гости, из столовой доносилась музыка, веселые голоса. Виктор невольно улыбался, прислушиваясь к ним, вдруг сказал мне:

— Пойдем попляшем, а?

Я вздохнула, подняла голову от стола, поглядела на Виктора: на лице его было неудержимое желание бросить все и бежать туда, где музыка, веселье... Сказала как можно спокойнее, вернее, попросила даже:

— Ну, давай уж посидим еще хоть часик? Ведь завтра экзамен.

Лицо Виктора окаменело, глаза сузились. Он вскочил, вышел из комнаты. Еще дверью хлопнул.

Я сидела за столом, сведя плечи, как тогда ночью, когда плакала на постели.

Очень скоро дверь в комнату снова открылась, голос отца проговорил весело и настойчиво:

— Нет уж, Витя-Витенька: делу — время, потехе — час, и этот час еще не настал!

Я подняла голову: отец обнимал Виктора за плечи, стоя за его спиной, но смотрел на меня внимательно и серьезно, с тревогой даже. А у Виктора было по-прежнему злое, окаменевшее лицо.

— Иди, иди, — сказала я отцу. — Мы с Виктором еще позанимаемся, а потом придем.

Отец вздохнул, ушел. Виктор сел рядом со мной за стол, а я неожиданно для себя спросила:

— Тебе не кажется, что когда Николай Васильевич Гоголь писал свои «Мертвые души», он имел в виду не только конкретных Ноздрева и Коробочку?

— А кого же тогда?

Я внимательно посмотрела на Виктора и не ответила. Он не понял моего намека.

— Ладно. Давай повторять дальше.

На экзамене Виктору попался билет, одним из вопросов которого были как раз «Мертвые души». И Виктор, когда отвечал, сказал, что Гоголь, создавая «Мертвые души», имел в виду не только конкретных Ноздрева с Коробочкой. Вообще же отвечал он неуверенно, и Нина Георгиевна поставила ему тройку. Нашла глазами меня, сказала:

— Нилову благодари, ковбой Плахов!

9

Мы с Виктором по-прежнему готовились к экзаменам у нас дома. Однажды, когда отца с мамой не было и мы остались вдвоем, Виктор, как прежде, попытался обнять меня, но я отстранилась. Тогда он попросил меня, что уж было совершенно необычно для него:

— Давай готовиться у нас, как раньше, а?

— Нет, — ответила я.

Виктор удивленно посмотрел на меня, потом лицо его опять окаменело, сделалось упрямым, губы растянулись. Я знала, что за этим может последовать грубая выходка, но не двигалась, глядела прямо в глаза ему. Спросила насмешливо:

— В детстве строил игрушки из «Конструктора»?

Он мигнул удивленно.

— Ну, строил...

— Ну, а если игрушка не получалась, бывали случаи, что даже ломал «Конструктор»?

— Ну, бывали...

И вдруг буквально сграбастал меня своими ручищами. Я не сопротивлялась, только спросила негромко:

— Не противно?

Сначала Виктор замер, услышав мои слова, потом выпрямился. Глаза его сделались непроницаемо-черными, как у Александра Викторовича.

Я сказала:

— Помнишь тот случай на террасе в Солнечном? Не хочется повторяться, а только я тебе не игрушка из детского «Конструктора». Да и аттестат зрелости не советую ломать по злобе. Может, тебе и наплевать на реакцию твоих родителей, если ты его не получишь. И на реакцию школы наплевать, а только ты ведь еще лет сорок прожить можешь: сто раз пожалеешь, что не получил аттестата, когда до него осталось всего две недели!

Есть люди, которым для изменения собственного настроения совершенно необходимы быстрые и сильные физические упражнения. Поэтому Виктор сначала довольно выразительно помахал кулаками у моего лица, потом отбросил ногой далеко к стене свой стул; потоптался на месте, не сводя с меня почерневших глаз. А я только улыбалась насмешливо. Потом сказала:

— Ну что, милоч, перебесился?

И тогда Виктор опрометью кинулся к двери. Я слышала, как он пробежал через прихожую, как резко хлопнула входная дверь, как прогремели шаги Виктора на лестнице. И я заплакала, так уж горько и сиротливо мне стало. Ведь Виктор-то мне все еще нравился! И безразличны мне вдруг стали экзамены на аттестат зрелости, важным оставалось только одно: неужели у нас с ним все и навсегда кончилось!..

Не помню, сколько времени я так сидела и плакала, только вдруг услышала резкий звонок в дверь. Вскочила, поправила наскоро волосы, вытерла лицо, побежала в прихожую открывать. На лестнице перед дверью нашей квартиры стоял Виктор, а рядом — Клавдия Сидоровна. Лицо Виктора было, как обычно, безразличным, а Клавдия Сидоровна улыбалась непривычно для нее вымученно и сказала просительно:

— Прости уж ты моего дурака, Катюша, а только без тебя не видать ему аттестата как своих ушей! А, милая?

— Нервный он у вас, Клавдия Сидоровна. Ну да уж делать нечего: пусть снова ума-разума набирается, — и посторонилась в дверях: — Проходи, милоч.

Виктор прошел в прихожую, не глядя на меня.

— Вот спасибо тебе! — с облегчением сказала Клавдия Сидоровна и все-таки не удержалась: — А прав был тогда Сашок: «катюша» ты. — И закончила одобрительно: — И дальше стреляй, девка, чтобы с поверхности тебя не скovyрнули! — Даже что-то вроде уважения ко мне появилось в ее красивых глазах, когда она закрывала дверь.

Мы с Виктором вошли в мою комнату. Я спокойно следила за ним. И вот когда он снова глянул на меня, я поняла окончательно, что теперь Виктор будет относиться ко мне по-другому. Не знала, лучше или хуже, но по-другому. Я старалась держаться как можно спокойнее.

— Пришлось подчиниться мамочке? — спросила я его весело.

Простодушие, на мой взгляд, — одно из самых привлекательных качеств человека. Виктор прямо ответил мне:

— А куда денешься?

— Ну ладно, — вздохнула я. — Поскольку нам обоим деваться некуда, как ты сказал, давай уж и дальше заниматься.

— Давай.

Виктор все смотрел на меня, и уже ни злости, ни даже обиды не было на его красивом лице. Совершенно без всякого повода, очень весело и, как всегда, громко он захохотал. Я сама невольно улыбнулась, глядя на него.

Тогда я, кажется, только смутно догадывалась, что именно в этом глупом и беспричинном хохоте проявилась еще одна черта Виктора: с необыкновенной легкостью он может отказаться от своего желания.

— Ну, милоч, — повторила я, снова садясь за стол, — изложи-ка мне в общих чертах бином Ньютона.

— Можем... — согласился Виктор, усаживаясь рядом со мной, как и до этого примечательного события.

Наше перемирие не прошло бесследно: у математика Петра Ильича Виктор получил тройку. А для него это было хорошо.

10

Познакомилась я с Людочкой Кусиковой еще в первом классе: Мира Александровна, наша первая учительница, посадила нас за одну парту.

Маленькая Людочка была чисто и аккуратно одета. Кофточка на ней была беленькая, тщательно выглаженная, и косы заплетены аккуратно, на концах большие шелковые лиловые банты. Лицо Людочки было нежно-розовым, как у куклы. Она капризно складывала бантиком свои пухлые губки. Носик у нее остренький, ноздри часто подрагивают. Щеки нежные, с милыми ямочками, глаза голубые, круглые, чаще всего глядят растерянно. У Людочки хорошие волосы — пушистые белокурые локоны. Немного подвели ее только ресницы — коротенькие, совершенно белые и торчащие. А в общем она очень хорошенькая.

В первом классе, конечно, я была и мала и глупа, ничего толком не понимала. И вот одно из моих первых впечатлений: какая-то странная беззащитность и беспомощность Людочки. В школу ее провожала мама — Леля Трифоновна, высокая, длинноносая и очень худая женщина, одетая просто, даже бедно. Она несла портфель Людочки, сама раздевала ее в школе, поправляла банты, нагибаясь, снимала с нее ботики. Потом долго целовала Людочку, будто расставалась с ней не на четыре урока, а на всю жизнь.

— Ну хватит, мама! — капризно говорила ей Людочка. — Мне пора. Я опоздаю!

— Ну, ну, деточка! Беги, беги, деточка! — отвечала ей Леля Трифоновна.

На уроках Людочка требовательно говорила мне:

— Ну-ка найди в моем портфеле резинку! — и подвигала мне свой раскрытый портфель; тетрадки и учебники были напиханы как попало, я просовывала между ними руку, долго шарила, пока находила резинку; Людочка брала ее, даже не поблагодарив меня.

Часто оказывалось, что Людочка забывала делать уроки. Когда учительница начинала выговаривать ей, Людочка плакала и неожиданно зло отвечала:

— Это мама виновата! Это она забыла!

И когда Леля Трифоновна ждала Людочку после уроков, снова сама надевала на нее пальто, шапку, ботики, Людочка капризно выговаривала ей:

— Ты почему забыла, что нам по арифметике задали?

И Леля Трифоновна поспешно начинала оправдываться перед дочерью. А мне становилось жалко Лелю Трифоновну.

Не знаю уж, как это получилось, но мне приходилось следить, чтобы Людочка не забывала делать уроки, постоянно завязывать распутившиеся банты в ее косах, даже носить ее портфель, который она часто забывала в самых неожиданных местах.

Тоже как-то само собой получилось, что Людочка каждый день начала приходить к нам домой делать уроки. Попросту сказать, она списывала у меня. А я уж так привыкла к постоянной беспомощности Людочки, что чувствовала себя обязанной вот так опекать свою драгоценную одноклассницу. Когда Людочка заболела свинкой, я повела ее в поликлинику, долго сидела и ждала, пока врач осмотрит ее, потом чуть не на руках тащила вмиг ослабевшую подругу домой.

Жили тогда Кусиковы в коммунальной квартире, у них была маленькая комната. Отец Людочки Модест Петрович, высокий и такой же худой, как и Леля Трифоновна, работал тогда на каком-то заводе слесарем, учился одновременно в вечерней школе — из-за войны и блокады он не успел вовремя окончить школу. Был он очень тихим и молчаливым, мне даже не запомнился ни один разговор с ним, — только все нежно и ласково гладил Людочку по голове, часто брал ее на руки, носил по комнате, по-своему молчаливо улыбаясь. А Леля Трифоновна была, наоборот, очень шумливой и подвижной; мне тогда казалось, что вся маленькая комнатка Кусиковых заполнена ею одной. Помню, я старалась пореже бывать у Кусиковых, а уходя от них, каждый раз чувствовала облегчение.

Не могу вразумительно объяснить почему, но получилось как-то так, что в нашем классе Людочка неожиданно оказалась на привилегированном положении.

Еще в третьем классе Людочка вдруг увлеклась киноартистами, стала коллекционировать их фотографии, только и разговоров у нее было, что о кино.

Кажется, первой из нашего класса Людочка заговорила о любви. Сначала это возвышенное чувство направлялось у нее все на тех же киноартистов. Но время шло, и вот Людочка как-то под страшным секретом посвятила меня в свою тайну: она влюбилась в ученика девятого класса Лешку Боровикова. Мы учились тогда в шестом, и я, помню, очень взволновалась, но сама Кусикова оставалась спокойной. Незаметно для себя подпала я под влияние Людочки и сдуру увлеклась этой историей. Мы с ней решили: надо написать письмо Боровикову. Втайне от всего света трудились над ним целый вечер, после чего я с замиранием сердца вручила послание Боровикову. Он взял меня одной рукой за косу, чтобы не сбежала, другой развернул треугольник письма, прочитал его, заулыбался, потом стал серьезным, отпустил мою косу, стал разглядывать меня. Я побагровела...

— Спасибо тебе, Кусикова, — наконец сказал Боровиков. — Ты только не обижайся, но сначала подрасти немножко, чтобы паспорт тебе выдали, понимаешь?

— Я — Нилова... — прошептала я.

— А Кусикова — твоя одноклассница?

— Да...

— Вам сейчас сколько лет?

— Тринадцать.

— На, верни ей письмо, скажи, что я благодарю ее за любовь и что мы с ней вернемся к этому разговору ровно через пять лет. Запомнила?

— Запомнила. — И я изо всех сил кинулась бежать на улицу, где меня ждала Людочка.

Когда я сообщила ей о результатах своих переговоров с предметом ее любви, она вдруг со злостью разорвала письмо, даже затоптала его в снег. Несколько дней после этого я с откровенным сочувствием поглядывала на Людочку, но она ни единым словом не обмолвилась о Боровикове. А я, помнится, радовалась, что никакой трагедии не произошло. Но самое странное состояло в том, что Людочка сама же рассказала потом в классе всю эту историю, говорила, что мы с ней хотели просто разыграть Боровикова.

Или уж то, что Людочка по-прежнему плохо училась, с трудом переползая из класса в класс... Или уж ее откровенно глупая влюбленность во всех наших мальчишек по очереди... Или уж просто мы стали взрослее —

только отношение всех к Людочке как-то изменилось. Если раньше одноклассники видели в ней слабое и беззащитное существо, которому надо только помогать и помогать, которое можно смертельно обидеть даже взглядом, — то теперь относиться к ней стали иронически, Симка Потягаев даже прозвал ее «Киса Кусикова». А мне было по-прежнему жаль Людочку, я утешала ее, когда она плакала от обиды, все так же давала ей списывать.

Модест Петрович окончил школу, потом — так же по вечерам — институт, стал заведующим лабораторией на заводе. Кусиковы купили двухкомнатную квартиру в кооперативном доме. Все было хорошо, только мне почему-то запомнился один странный разговор, который был у Нины Георгиевны с родителями Людочки, когда она получила две двойки за второе полугодие. Плахов еще не учился в нашем классе. После уроков Нина Георгиевна велела нам с Людочкой остаться, сказала, что вызвала в школу родителей Кусиковой.

Леся Трифоновна была теперь модно одетой, но оставалась все такой же худой, нервной. Модест Петрович пришел с большим портфелем. В классе мы были одни. Нина Георгиевна пригласила Кусиковых сесть. Помолчала, вздохнула, потом подняла голову от стола, поглядела на родителей Людочки, молча и скромно сидевших рядышком за партой перед ней, спросила:

— Модест Петрович, ведь вы по вечерам одновременно с основной работой окончили школу, потом институт, теперь заведуете лабораторией?

— Да, — кивнул он; вдруг ласковым движением обнял Людочку, стоявшую рядом, притянул ее к себе, и Людочка прижалась к нему доверчиво.

— И вы ведь кооперативную квартиру купили, Елена Трифоновна? — снова спросила Нина Георгиевна.

— Купили, — тотчас настораживаясь, резко ответила та, тут же поспешно глянула на Модеста Петровича, проверяя его реакцию на слова Нины Георгиевны.

— Вы только не обижайтесь, Елена Трифоновна, но какое у вас образование? — спросила Нина Георгиевна.

— Семь классов.

— И вы ведь, кажется, не работали, пока Людочка училась в младших классах?

— Пока не кончила пятый класс, А что?

— Да нет, нет, ничего... И оба вы дочь любите...

— Только ею и живем! — проговорила Леля Трифонова, а Модест Петрович по-прежнему молча и согласно кивнул.

— Опять прошу, не обижайтесь, постарайтесь понять меня правильно, — еще тише проговорила Нина Георгиевна. — Ведь я как воспитательница несу ответственность за весь класс, понимаете?

Правая щека Лели Трифоновны неожиданно дернулась, она опять искоса глянула на мужа, проговорила отрывисто и с обидой:

— Да когда нам было заниматься Людой, если днем он на работе, вечером — на учебе?

— Так ведь вы-то, Елена Трифонова, не работали, пока Люда не закончила пять классов.

— Вам-то что говорить! — по-прежнему резко и обидчиво ответила Леля Трифонова, губы ее скривились, она всхлипнула: — А я в Ленинграде блокаду вынесла, все здоровье потеряла, — и она заплакала. Людочка тотчас всхлипнула, и Модест Петрович перестал улыбаться.

Нина Георгиевна опять помолчала, договорила медленно:

— Я понимаю, что Модест Петрович был занят вечерами на своей учебе, понимаю, что и вам, Елена Трифонова, было нелегко. Но ведь заставить Люду нормально учиться вы оба могли!

Леля Трифонова и Людочка все плакали, Модест Петрович сказал устало:

— Да уж просто такие мы нервные, что ли, Нина Георгиевна... — и глянул на жену; а лицо Лели Трифоновны было теперь злым и упрямым.

Нина Георгиевна внимательно следила за ними, молчала. И тут мне стало ясно, и почему Людочка так легко плачет по пустякам, и тут же злится, и даже почему у нее решительно ко всему в жизни такое легкое отношение. Я представила семью Кусиковых дома: Модест Петрович, беззаветно любя дочь, усталый после работы, подчиненно молчит, а Леля Трифонова, нервная и глупая, во всем потакает Людочке.

— Нилова, ты выйди, — сказала мне Нина Георгиевна и добавила: — Думала уж и тебя поругать за то, что ты взяла Люду на иждивение в учебе...

Я вышла из класса и бегом бросилась домой. Будто

впервые я по-настоящему разглядела свою закадычную подругу.

Не вытерпела все-таки, рассказала маме о разговоре в классе после уроков, о том, что и меня Нина Георгиевна заставила присутствовать при нем, точно я была одной из виновниц плохой учебы Людочки. А мама сказала:

— Объективно говоря, Катенок, и ты, конечно, виновата: доброта должна быть умной, ведь люди-то разные нас окружают. Но вот как это получается... Модест Петрович учился по вечерам в школе и в институте, сейчас заведует лабораторией... Елена Трифоновна тоже работает, то есть оба они прошли нелегкий путь в жизни. Умеют различать и хорошее, и плохое в ней. Мама Симы Потягаева — она работает инженером в лаборатории Модеста Петровича — как-то говорила мне, что строже и требовательнее начальника, чем он, ей еще не приходилось встречать. А вот Людочку оба они любят так безрассудно, что теряют объективность во всем, что касается дочери. Ты тут назвала жизнь Кусиковых глупой и нервной... Так оно, видимо, и есть. Многие пришлось пережить родителям Людочки, и от этого у них, конечно, нервы не в порядке... — Вдруг улыбнулась виновато: — Помнишь, Нина Георгиевна, будучи у нас дома, сказала, что «ваше лицо — ваш ребенок». Возможно, старшие Кусиковы и неспособны объективно оценить свою дочь, но весьма вероятно, что и характер Людочки вносит нервозность в жизнь семьи.

11

Следующим экзаменом была физика — мой любимый предмет. Мне достаточно было только перелистать учебник да еще раз просмотреть задачи, что мы решали в классе. Юлия Герасимовна, наша учительница физики, прямо сказала:

— Уж за кого я совершенно спокойна, ребята, так это за Катю Нилову.

Людочка предыдущие экзамены, как и Плахов, сдала кое-как, то есть на тройки. А вот перед экзаменом по физике стала нервничать не на шутку. И тут вечером к нам пришла Леля Трифоновна. Она похудела еще сильнее. Узкие губы ее были ярко накрашены, брови и ресницы подведены тушью. Тяжелое впечатление про-

извела она на нас. Лицо Лелы Трифоновны было злым, но при этом она жалобно плакала и униженно просила, чтобы ее Людочка готовилась к экзамену по физике вместе со мной. Я, конечно, согласилась.

На следующее утро Виктор с Людочкой пришли к нам домой. Мы все трое уселись за мой стол, стали повторять с самого начала, с механики. Я сидела посередине, Виктор — справа от меня, Людочка — слева. Или оттого, что я постоянно помнила, как Людочка перед всем классом призналась в любви Виктору... Или оттого, что чувствовала, как Виктор неожиданно и резко изменил свое отношение ко мне... Или из-за того, главного, что мне-то он нравился по-прежнему сильно, — только у меня было ощущение какой-то скованности, точно всю мою кожу обволакивал жесткий, холодный панцирь. Какое бы движение я ни сделала, как бы ни повернулась, этот панцирь все оставался на мне, избавиться от него было просто невозможно.

Читала вслух по учебнику я, Виктор и Людочка молча следили за формулами и слушали, но я постоянно чувствовала, даже не глядя на них, как они слушают меня, как сидят, как смотрят в книгу и друг на друга. И все же не могла взглянуть на них...

Через час или полтора я постепенно увлеклась материалом, обволакивающий меня панцирь стал почти неощутим. И когда мы разбирали полиспасть, я забылась, подняла голову от учебника, глянула на Виктора с Людочкой. Лица их были такими, будто они не слышат моих слов, точно меня даже совсем нет сейчас в комнате. Они улыбались за моей спиной так, как это бывает, когда парень с девушкой правятся друг другу, когда все окружающее — для них второстепенно по сравнению с этим главным.

И я даже не спросила, поняли ли они то, что я прочитала, так вдруг пусто сделалось у меня в груди, а во рту появилась какая-то противная горечь. Сжалась, втянула голову в плечи, помолчала, но справилась с собой, продолжала читать... Даже не знаю, заметили ли они мою реакцию, во всяком случае, ничего не сказали.

Обедали мы у нас дома, мама сделала вкусные щи со свежей капустой и любимое Виктором чахохбили из курицы. За столом Виктор сидел рядом с Людочкой, оба они ели с аппетитом, оживленно разговаривали, чему-то смеялись. А мы с мамой молчали.

После обеда Людочка переставила свой стул у письменного стола так, что между мной и ею оказался Виктор. И когда мы разбирали задачи на трение — одна была особенно интересной: лежащий на плоскости шар в зависимости от величин коэффициентов трения качения и скольжения, а также величины собственного диаметра мог под действием одинаковой силы и скользить, и катиться по плоскости, — я снова увлеклась, забылась, подняла голову от стола... Рука Виктора лежала на плече Людочки.

Первый раздел — «Механику» — мы закончили уже в десять часов вечера, до этого мама успела накормить нас ужином. И вот, когда Виктор и Людочка, весело попрощавшись со мной и мамой, ушли, я неожиданно для себя выглянула в окно: они стояли на улице и целовались.

Странное существо человек. Умом я уже и до этого понимала, что должна заставить себя относиться к Виктору иначе, чем раньше, что не стоит он всех моих мучений и переживаний; даже то, что все между мной и им уже кончено, понимала... А здесь мне вдруг стало так обидно, горько и больно, что я просто опустила на пол, обхватила голову руками и заплакала...

Подошла мама. Она наклонилась ко мне, обняла меня, поцеловала, стала говорить какие-то утешительные слова. А тут пришел отец — он на весь день уезжал в Кронштадт. Разобравшись во всем, он сказал негромко, ласково, но твердо:

— Ты, Катенок, можешь, конечно, не готовиться вместе с Плаховым и Кусиковой... Вон даже мы с матерью можем им сказать, чтобы больше не приходили к нам. Ты слышишь меня? — он заглянул мне в лицо, а я кивнула. Тогда он так же четко выговорил: — Но есть две вещи, из-за которых тебе не следует делать этого. Во-первых, и Люда, и Виктор, как я понимаю, могут провалить экзамен. А во-вторых, — не сердись только на своего отца, Катенок, — это ваша совместная подготовка к экзамену, как ни странно, полезна больше тебе, чем Плахову и Кусиковой. Ты понимаешь, меня, Катенок?

Я подняла на отца заплаканное лицо, слова у меня по-прежнему не выговаривались. Тогда он произнес какую-то фразу по-английски. Отдельные слова ее я поняла, а общий смысл не дошел до меня.

Тогда мама спросила:

— Что, что, Костя?

— Собаке хвост по кусочкам не рубят, советует английская пословица.

— Так ведь больно, папа! — выговорилось наконец у меня, как в детстве.

— Когда врач вырывает у тебя больной зуб, тебе тоже больно, а? — спросил он.

Вот когда отец так со мной говорит, у меня сразу же — это я помню еще с детства — проходит слабость.

Не сумею объяснить, что такое особенное есть в моем отце, но в его присутствии сидеть на полу, как медуза, просто невозможно. Я встала.

— Валерьяночки, может, выпьешь? — уже насмешливо спросил отец.

И я ответила тем же тоном:

— Не хотела бы служить на вашем корабле и под вашим началом, капитан Нилов! Железный вы человек, капитан Нилов! — И повернулась к маме: — Нет, ты только подумай: такое отношение к родной дочери, а!..

А мама спросила меня:

— Не помнит ли десятиклассница Нилова, как она спрашивала капитана первого ранга, взял бы он к себе на службу ее героя Виктора Плахова?

— Как же, как же! — сказала я.

— Я уже говорил, что его бы не взял.

— А Катю Нилову? — опять спросила мама и тут же спохватилась: — Ах, она же девушка!

— Все равно взял бы, — серьезно ответил отец. — И не потому, что она моя дочь.

...Мы готовились втроем — я, Плахов и Кусикова — еще два дня, до самого экзамена. И Виктор, и Людочка не пытались скрыть накотившей на них радости. Мне приходилось все это терпеть. Однако я заставила их обоих как следует проштудировать весь курс. Короче говоря, оба они получили по тройке и на экзамене у Юлии Герасимовны.

Вот, собственно, и все. Но, чтобы оставаться до конца честной, я должна рассказать еще об одном эпизоде. И потому, что он фактически заканчивает эту мою печальную историю. И потому, главное, что сама я вела себя в этом случае плохо. Так плохо, что даже не знаю, смогу ли когда-нибудь в дальнейшем забыть об этом!

Был жаркий летний полдень, пустынные и тихие ули-

цы серели асфальтом, желтели стенами домов, темнели раскрытыми проемами окон. Откуда-то доносилась старинная, красивая и грустная песня: «Помню, я еще молодой душкой была, наша армия в поход куда-то шла. Вечерело, я стояла у ворот...» Мы сдали последний экзамен. Вышли втроем на улицу — Людочка, Виктор и я — и молча шли по тротуару. Людочка обеими руками держала Виктора под руку. Потом она приостановилась и, блаженно прижавшись щекой к его плечу, сказала:

— Витя, милый! Но я же не могу так... Я же люблю тебя! Ну что мне делать? Ты только скажи — я все сделаю! Все, что скажешь!

А вот дальнейшее мне помнится как-то отрывочно... В общем, я взяла Виктора за руку. Сначала лицо Виктора сделалось растерянным. Потом — женский голос по радио: «Вдруг подъехал ко мне барин молодой...» Еще после — торжествующе-злой смех Людочки... Опять голос по радио: «Напой меня, красавица, водой...» Пробежал мальчик, с наслаждением сосущий мороженое... Слова Людочки:

— Опоздала, милая!

— Витя, ну как же я буду жить дальше-то? — я задала ему этот вопрос и совсем не узнала своего голоса.

— Понимаешь, Катя, какая загвоздочка...

«К нам приехал на квартиру генерал, весь израненный, так жалобно стонал...» — неслась по улице песня.

Виктор не успел сообразить, как мне ответить, это сделала за него Людочка:

— Мы с Виктором решили пожениться. А ты хоть не унижайся так. А то ведь милостыню выпрашиваешь, дура душой! — почти выкрикнула она торжествующе и злорадно.

— Ладно, пошли, Людка, — резко сказал Виктор.

Потом была одинокая скамейка... И тот же серый асфальт мостовой, желтые стены домов, глухая тишина... Потом я увидела перед собой мальчика, он жалобно просил меня:

— Не реви, тетя, — и протягивал мне обсосанное мороженое. — Хочешь эскимо? Не реви, ну?..

Когда получили аттестаты — Петька Колыш, Варвара Глебова и я даже с золотыми медалями, — вышли из школы на улицу. Ребята громко и возбужденно разгова-

ривали, смеялись, уславливались насчет выпускного вечера. Людочка с Виктором шли под руку рядом с другими, тоже смеялись... А я опять видела густые тени на тихих улицах, желтые и плоские стены домов с раскрытыми окнами, сухой, серый асфальт...

* * *

С тех пор прошло больше двух лет, я уже учусь на третьем курсе электротехнического института.

Свадьба Виктора с Людочкой была через месяц после выпускных экзаменов. Получила на нее приглашение и я, но не смогла заставить себя пойти. На свадьбе было очень мало наших одноклассников, хотя почти все получили приглашение. Модест Петрович и Леля Трифоновна никак не могли расстаться с дочерью и уговорили молодых жить с ними. И Виктор, и Людочка никуда не пошли учиться дальше, да Плахова к тому же скоро должны были призвать в армию. До его службы я так и не встретила ни с ним, ни с Людочкой, хоть Кусиковы и живут недалеко от нас.

Поступление в институт прошло для меня благополучно. Новая студенческая жизнь увлекла меня, но часто по ночам я плохо спала, вспоминался Виктор.

Когда-то мама и отец говорили о нравственном экзамене, который предстоит каждому, о необходимой подготовке к нему. Нина Георгиевна как-то сказала, что она сама еще не готова ко всем экзаменам жизни. Наверное, моя история с Виктором еще не экзамен, только подготовка к нему, но правильно ли она идет у меня?

Виктор служил в армии два года. У Людочки родилась дочь, которую в честь матери Виктора она назвала Клавой. Узнала я об этом из письма Виктора.

Он прислал мне его через полгода или месяцев через восемь после начала службы. Тон письма был бодрым, веселым и манерным, мне сразу же вспомнился «ковбой Плахов». О службе в письме ничего не было.

А второе письмо я получила, когда Виктору оставалось уже месяца два до конца службы. Это письмо было серьезнее. И намек на ковбойскую лихость в нем уже не было. Я поняла, что военная служба не прошла бесследно для Виктора. О Людочке и о своей дочке он не

написал ни слова. Спрашивал, не вышла ли я замуж, почему не ответила на его первое письмо, сообщил, что скоро демобилизуется.

Я не ответила ему и на этот раз.

И вот осенью, когда только начались лекции на третьем курсе, я как-то вышла из института после занятий и сразу увидела Виктора, даже сердце у меня кольнуло. Как всегда, он был одет хорошо, только вот привычной лихости в нем уже не чувствовалось — сидел на скамейке скромно, даже подтянуто. Я постояла, поглядела на него, справляясь с дыханием, — Виктор не видел меня — и быстро пошла в другую сторону. Шла, спотыкаясь на ровном асфальте, как давным-давно, когда мы с Виктором шли по Невскому, и вдруг услышала за спиной:

— Катя...

Остановилась, заставила себя обернуться — Виктор молча протягивал мне руку. Я пожалала ее:

— С возвращением тебя!

— Спасибо, — и чуть дольше, чем полагается, задержал мою руку в своей.

— Ну, как служба? — спросила наконец я.

— А! — ответил он совершенно как в школе еще, даже хмыкнул насмешливо.

По этому коротенькому «а!» я узнала в нем прежнего Виктора.

— А ты все такая же красивая! — сказал Виктор.

— Да и ты не изменился, — ответила я.

Мы вышли на Кировский проспект Петроградской стороны, пошли к станции метро.

— Людка мне сказала, что и Варвара Глебова, и Петька Колыш, и Левочка Шатилов, и многие из нашего класса учатся в институтах.

— Да. А ты что думаешь делать? Людочка не работает?

— Не знаю, что буду делать, — и пояснил с подкупающей простотой: — Людка теперь до старости работать не будет: она — мать.

— А тебе чего в институт не поступить?

— На этот год я уже опоздал. Да и конкурс большой, готовиться надо. Завербуюсь, может, куда; уеду на Север, к примеру.

Да, хоть это был уже не киноковбой, но, в сущности, Плахов, кажется, мало изменился.

— Давай сходим куда-нибудь, — сказал Виктор. — Деньги у меня есть.

Оказалось, что мы уже стоим у станции метро «Петроградская». Да, совсем как в школе: «Деньги у меня есть».

— А Любочка? Клава?

— А!..

Я передохнула, справилась с собой, сказала:

— Спасибо, что пришел, что повидались. Не сердись на меня, Витя, но больше нам с тобой видаться не придется, понял? И писем не пиши, все равно не отвечу.

Глаза его тотчас стали непроницаемо-черными, губы растянулись презрительно. Я вспомнила, что точно такое же выражение лица было у Виктора, когда я чуть не получила от него пощечину.

— Ну, дело хозяйское! — хмыкнул он, повернулся и, не прощаясь, стремительно зашагал к Большому проспекту.

Я постояла еще, поглядела, как Виктор скрылся за домом, пошла в метро. Спускалась по эскалатору, ехала в поезде под землей, а мне все почему-то казалось, что я иду по пустынной тихой улице — жаркий полдень, желтеют стены домов, и по радио чуть слышно доносится старинная грустная песня: «Помню, я еще молодухой была...»

95 к.

•СОВЕТСКАЯ РОССИЯ•